

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

КАТЕГОРИЯ ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА В ОТРАСЛЯХ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

Сборник научных статей

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2022*

УДК 340.1:342.7(082)
ББК 67.022.155я431
К29

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 05.05.2022.

Редакционная коллегия:
А.А. Бочков (отв. ред.), **А.В. Рыжик**, **В.В. Козловская**

Рецензент:
первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата,
доктор юридических наук, профессор *Р.В. Шагиева*

К29 Категория законного интереса в отраслях публичного и частного права : сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Бочков (отв. ред.), А.В. Рыжик, В.В. Козловская. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 214 с. ISBN 978-985-517-908-6.

В сборник включены научные статьи международной научно-практической конференции «Категория законного интереса в отраслях публичного и частного права», состоявшейся 24 мая 2022 года в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова.

Конференция проводилась в очном и дистанционном формате юридическим факультетом ВГУ имени П.М. Машерова.

Все научные статьи размещены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых статей.

УДК 340.1:342.7(082)
ББК 67.022.155я431

ISBN 978-985-517-908-6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Латышева Н.А. Приоритеты судебного администрирования в содержании судебной деятельности Беларуси и России	5
Демин А.В. Национальные программы кооперативного комплайенса: компаративный аспект	9
Ромашова Г.Т. Права и законные интересы государственных гражданских служащих Российской Федерации	14
Ивашкевич Е.Ф. Становление и развитие института международно-правовой защиты прав детей	19
Муллахметова Н.Е. К вопросу о соотношении частных и публичных интересов в уголовном процессе	28

РАЗДЕЛ 1. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бакулина В.С., Куликова О.Н. Законный интерес как уголовно-правовая категория принудительной трансплантации органов и тканей человека	33
Vochkov A.A., Vochkova G.Sh. Public-private foundations of public law reality	37
Бошуква Е.В. Актуальные проблемы подготовки и проведения следственного эксперимента	43
Голенок С.Г. Правовая идентификация территориальной (этнической) общности как основание обеспечения и защиты ее законных интересов	46
Грачева Д.А. Перспективы использования смарт-контрактов в предпринимательской деятельности	51
Дашкевич П.Д. История развития уголовно-правовой нормы об ответственности за изнасилование	56
Куликова О.Н. Освобождение от отбывания наказания как основной законный интерес при признании лица виновным в совершении преступления	61
Маркина Н.А. Защита экологических прав	65
Масягина Ю.Б. Законный интерес в местном самоуправлении	70
Никитина А.Е., Куликова О.Н. Репродуктивное право женщины как объект правовой охраны	72
Николичев Д.Н., Фёдорова А.М. Ограничение полномочий органа юридического лица на совершение сделок	78
Николичев Д.Н., Фёдорова А.М. Кибербезопасность как часть комплексной безопасности государства в условиях современных вызовов и угроз	81
Петров А.П., Петров В.А. Становление судебной системы в первые годы советской власти	83
Ромашова М.Р. Личное достоинство как субъективное право и законный интерес	87
Стаценко В.Г. О некоторых актуальных правовых проблемах проникновения публичного интереса в частноправовую сферу общественных отношений	93
Султанов И.Ю. Унификация уголовного наказания как один из факторов, обеспечивающих соблюдение разумных сроков судопроизводства	96
Хилькевич В.В. Электронное уголовное дело: опыт зарубежных стран	99
Царенко И.В. Обыск и выемка: процессуальный порядок и тактика проведения ...	104
Шантырева Е.А. Правоотношение в сфере закупок через критерии публичного права	110

Шеленговский П.Г. Правовой режим объектов авторских и смежных прав, создаваемых искусственным интеллектом	114
Шматков И.И., Тимофеев А.Д. Внешняя интеграция ЕАЭС	117
Ястреб Д.С., Ануховская Н.В. К вопросу о законодательном обеспечении независимости адвоката, участвующего в уголовном процессе в качестве защитника	123

РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аникеева Т.М., Митрофанова Е.Н. ЕИС Нотариат – начало цифровизации белорусского нотариата	128
Аникеева Т.М., Царенко Н.С. Завещание как институт приобретения имущественных прав по законодательству Республики Беларусь	131
Войтович Л.В. Интересы третьих лиц в цивилистическом судопроизводстве по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь	135
Евдюнина Е.С., Ковалева А.В. Сравнительно-правовое исследование института представительства в арбитражном суде	140
Емельянова Ю.В. Перепланировка и переустройство как основание изменения договора найма жилого помещения	146
Катукова С.Ю. Участие прокурора в судебном процессе об оспаривании нотариальных действий (отказа в их совершении) как элемент механизма защиты законных интересов	150
Козловская В.В. Специальные способы гражданско-правовой защиты прав на объекты промышленной собственности, используемые в сети Интернет	156
Константинова П.А., Бочков А.А. Естественное право как условие защиты частных интересов	161
Милашевская А.О., Силина Е.В. Актуальные проблемы рассмотрения дел о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении его умершим	166
Мороз Н.В., Мороз О.Л. Об ответственности за нарушение законодательства о коммерческой тайне	171
Николичев Д.Н. Особенность распределения риска имущественных потерь при наделении уполномоченного, управомоченного лица свободой усмотрения принимать юридически значимые решения в чужом имущественном интересе	179
Преснякова Т.В., Михайлова О.П. Участие третьих лиц в сделках с недвижимым имуществом, защита их прав, интересов	184
Рыськова Д.В., Цырусъ И.В. Соотношение разновидностей договора ренты в законодательстве Республики Беларусь	189
Сирик Н.В., Кусков А.С. Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов в сфере туризма	193
Шашкова И.М. Особенности мер гражданско-правовой ответственности в области современного спорта	199
Шматков И.И., Агамов Х.А. Правовые механизмы защиты прав предпринимателей	202
Шматков И.И., Адамчук Д.В. Торгово-экономические отношения ЕАЭС в условиях до и после пандемии	205
Сведения об авторах	210

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ПРИОРИТЕТЫ СУДЕБНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В СОДЕРЖАНИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Н.А. Латышева

Ключевые слова: судопроизводство, судебное администрирование, автоматизированные информационные системы в обеспечении правосудия, государственные электронные цифровые платформы.

Законные интересы участников гражданского судопроизводства реализуются также в ходе деятельности по обеспечению правоприменения. В Республике Беларусь и в Российской Федерации судебное администрирование развивается на основе трансформации нормативного правового регулирования судебного делопроизводства в условиях внедрения в традиционные системы документирования и документооборота информационных технологий. В век глобального развития информационной инфраструктуры и цифровизации судебное администрирование становится важнейшим механизмом взаимодействия судебной власти и широкого круга граждан – как непосредственных участников судебных процессов, так и неограниченного круга пользователей информацией, в том числе в активно развивающихся информационно-телекоммуникационных сетях. Данная тенденция актуализируется в условиях функционирования Союзного государства Беларуси и России. Разработка эффективных форм организации обеспечения всех видов судопроизводства, широкое взаимодействие в поиске создания оптимальных форм доступа к правосудию является актуальной задачей, решение которой имеет значительный практический интерес. Общенаучные методы теоретического исследования в сочетании с эмпирическим наблюдением и сравнением позволили сформулировать основные выводы и перспективные направления в развитии содержания судебного администрирования как современного инструмента организации судебной деятельности.

Материал и методы. Дефиниция к термину «судебное администрирование» не нашла своего раскрытия как в белорусском, так и в российском законодательстве о судебной деятельности. Однако в Российской Федерации с 2014 года применяется Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 Право и судебное администрирование [4]. Действие данного стандарта направлено на подготовку специалистов среднего звена, с проекцией на систему непрерывного образования.

Судебная деятельность, кроме непосредственно осуществляемой правоприменительной деятельности, включает в себя сопутствующие операции организационного характера, которые обеспечивают осуществление всех

видов судопроизводства [6, с. 12]. Судебное администрирование является сферой деятельности работников аппарата судов, а также администраторов судов в РФ, с учётом их статуса как работников системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ, которая своим содержанием направлена на обеспечение функционирования судов как государственных учреждений специальной компетенции – органов судебной власти. Объём современного судебного администрирования составляют действия по организации и осуществлению судебного делопроизводства, обеспечению открытости и доступности судебной деятельности на основе достижений информатизации. В этой связи перспективной задачей является не только разработка новых правил и шаблонов действий по непосредственному обеспечению судопроизводства внутри судов, имеющих собственные системы управления документами (СУД) в условиях минимизации документооборота на бумажных носителях, но и унификация требований в рамках ведения ведомственного электронного документооборота различных судов. При этом основными принципами судебного администрирования могут быть:

- изменение стандартов взаимодействия судов и участников судопроизводства за счёт нивелирования правил бумажного документооборота и документирования;

- открытость, понятность и подконтрольность действий, осуществляемых в рамках организации судебного администрирования уполномоченными субъектами;

- обеспечение включения информационных ресурсов судебных систем России и Беларуси в общегосударственные системы двух стран (Портал государственных услуг Российской Федерации – <https://www.gosuslugi.ru/>) и Национальный центр электронных услуг Беларуси – <https://nces.by/>).

Работники аппарата судов, реализующие принципы судебного администрирования, находятся в системе постоянного совершенствования профессиональных компетенций. Ориентиром в этом процессе социального роста являются потребности информационного общества. Становясь служащими судов, обладающими необходимым объёмом юридических знаний, данные специалисты становятся операторами информационных систем судов, функционирующих на основе государственных цифровых платформ. Предназначение организации судебного администрирования в осуществлении профессиональных действий работников аппарата заключается в обеспечении законных интересов участников различных видов судопроизводства, в том числе гражданского. В то же время традиционные подходы в наименованиях подзаконных актов, устанавливающих правила обеспечения судопроизводства, не менялись с начала XX века. Как в Беларуси, так и в России для судов применяются клише – «инструкция по делопроизводству», либо «инструкция по судебному делопроизводству». Требуется разработка более технологичных формулировок в содержании целей указанного подзаконного ведомственного нормативного правового регулирования. К примеру,

в Инструкции по делопроизводству в Верховном Суде Республики Беларусь данные целевые установки в настоящее время заключаются в «совершенствовании, повышении эффективности и качества документационного обеспечения управления путём унификации состава и форм управленческих документов, технологий работы с ними» [5]. В Инструкции по делопроизводству в Верховном Суде Российской Федерации установлена близкая по своему содержанию цель: «соблюдение и совершенствование документационного обеспечения деятельности Верховного Суда Российской Федерации по обеспечению полномочий, возложенных на него Конституцией и законодательством Российской Федерации» [6]. Таким образом, приоритеты цифровизации в рамках нового направления «судебного администрирования» в анализируемых текстах чётко не обозначены. Однако их введение позволило бы консолидировать ресурсы в ходе сложного системного процесса перехода на новые технологии и отказа от устаревших, излишних форм бумажного документооборота.

В Беларуси отсутствует суд первой инстанции, аналогичный институту мировых судей в России. В этой связи в общей массе ежегодно рассматриваемых дел, наиболее высокие показатели служебной нагрузки фиксируются в районных (городских) судах. Формирование объёма судебного документирования и документооборота осуществляется на основе законодательства о судостроительстве, правил подсудности (подведомственности) судебных споров. Председатели судов в Республике Беларусь, так же как и в Российской Федерации, руководят деятельностью возглавляемых ими судов, организуют изучение и обобщение судебной практики, ведение судебной статистики, а также руководят работой аппарата соответствующего суда [1, ст. 32]. Данный подход идентичен российской практике. В законодательстве полномочия аппарата суда раскрываются посредством толкования предельно общей формулировки «обеспечивает работу суда и подчиняется председателю соответствующего суда» [2, ст. 29]. В статье 173 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей определены субъекты, осуществляющие деятельность по организационному и материально-техническому обеспечению деятельности судов. Согласно данной норме указанными полномочиями обладают: Секретариат Конституционного Суда Республики Беларусь – в отношении данного Суда, аппарат Верховного Суда Республики Беларусь – в отношении всех судов общей юрисдикции. Данные субъекты вправе разрабатывать и вносить предложения по вопросам организации деятельности судов Республики Беларусь и её совершенствованию. В Российской Федерации Аппараты Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ обеспечивают осуществление правосудия в данных Судах. Организационное обеспечение деятельности иных федеральных судов в России, в том числе и фактическое осуществление в современных условиях судебного администрирования, реализуется специальным федеральным государственным органом – Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, что закреплено в части 12 статьи

6 Федерального Закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [3].

Структура основных элементов судебного администрирования в рамках обеспечения гражданского судопроизводства в целом ориентирована на сопровождение судебной деятельности в рамках последовательности стадий судопроизводства. Некоторые из них имеют общий характер. К ним относится: сопровождение функционирования системы управления документами, с учётом требований номенклатуры дел суда; информационное обеспечение судопроизводства (главным образом, ведение официальных сайтов судов); организация работы с непроцессуальными и иными обращениями граждан (ведение служебной переписки); осуществление статистического наблюдения, в том числе взаимодействие с официальными субъектами статистического учёта; организация архивного дела в суде, включая использование единиц архивного хранения в текущем судопроизводстве и обеспечение ротации хранящихся в архивохранилищах документов.

Результаты и их обсуждение. В Республике Беларусь и Российской Федерации определены приоритеты в дальнейшем развитии суверенной государственности в каждой из стран на условиях широкого развития цифровизации. Обеспечение судебной деятельности в условиях широкого внедрения инструментов судебного администрирования как наиболее высокотехнологичных, современных инструментов обеспечения властных полномочий судей востребовано в ходе реализации законных интересов в отраслях публичного и частного права. Совместного обсуждения потребуют такие обеспечительные инструменты судопроизводства как: организация приёма судебных документов в электронном виде; формирование электронных файлов судебных дел – их хранение и обеспечение использования, в том числе ознакомления; внедрение новых форм протоколирования судебных заседаний (аудио-, видео-), с применением ресурсов веб-конференций; организация оперативного взаимодействия в электронном виде с иными государственными структурами и государственными информационными системами в ходе осуществления судопроизводства; обеспечение открытости и доступности информации о деятельности судов посредством бесперебойного (защищённого) функционирования и обновления официальных сайтов судов.

Заключение. Фактически сложившиеся в ходе внедрения информационных технологий инструменты судебного администрирования могут развиваться исключительно на чётко сформулированной концептуальной основе, в плановом порядке и при активном участии органов судейского сообщества Республики Беларусь и Российской Федерации. С учётом данной, многоаспектной проблемы, особенно важно постоянное сотрудничество и взаимный обмен опытом. Данный вывод является обоснованным на основе имеющегося интереса у широкого круга субъектов публичного и частного права. Указанные субъекты наиболее заинтересованы в применении новейших достижений информационных технологий в судебной деятельности, в том числе развития идей «Правосудия онлайн».

Список использованных источников:

1. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей : Кодекс Республики Беларусь, 29 июня 2006 г. № 139-З : принят Палатой представителей Республики Беларусь 31 мая 2006 г., одобрен Советом Республики 16 июня 2006 г.; с изм. и доп. ; Закон Респ. Беларусь, 10 декабря 2020 г. № 63-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
2. Федеральный конституционный закон о судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ : принят Государственной Думой 23 октября 1996 г., одобрен Советом Федерации 26 декабря 1996 г.; с изм. и доп. ; Фед. констит. закон, 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон о Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ : принят Государственной Думой 19 декабря 1997 г., одобрен Советом Федерации 24 декабря 1997 г.; с изм. и доп. ; Фед. закон, 30 апреля 2021 г. № 117-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
4. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 Право и судебное администрирование, 12 мая 2014 г. : Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 мая 2014 г. № 513 с изм. и доп. ; Приказ Минобрнауки от 13 июля 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
5. Инструкции по делопроизводству в Верховном Суде Республики Беларусь, 21 сентября 2018 г. № 75 : утверждена приказом Председателя Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
6. Инструкции по делопроизводству в Верховном Суде Российской Федерации, 8 мая 2015 г. № 32-П : утверждена приказом Председателя Верховного суда Российской Федерации; с изм. и доп. ; Приказ Председателя Верховного суда РФ, 24 декабря 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
7. Организация судебной деятельности: учебник / Под ред. В.В. Ершова. М.: РГУП, 2016. – 390 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ КООПЕРАТИВНОГО КОМПЛАЙЕНСА: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ*

А.В. Демин

Ключевые слова: налог, налоговая политика, ОЭСР, кооперативный комплаенс, доверие, транспарентность, сотрудничество, риск-менеджмент.

Каждая налоговая система сталкивается с угрозой налоговых девиаций. Поэтому вопросы надлежащего исполнения налоговых обязательств актуальны для каждой страны – независимо от исторических традиций, политической и правовой организации, уровня экономики, национальной, культурной, религиозной специфики, и т.д. Максимизация налогового комплаенса относится к фундаментальным (и первоочередным) задачам любой налоговой системы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00080 «Налоговый комплаенс и правовые средства его обеспечения».

Нельзя забывать, что мир вокруг нас непрерывно меняется, причём темпы таких изменений перманентно нарастают. Информационные и цифровые революции, IT-технологии, новые средства коммуникаций и обработки данных кардинально трансформируют социальную среду. Изменения в объектах правового воздействия требуют *адекватных реакций* со стороны регуляторов, которые вынуждены оперативно отвечать на новые вызовы, адаптируя свои управленческие стратегии к требованиям времени. И, разумеется, налоговое администрирование в этом контексте не является исключением [1, p. 287–356].

В этом контексте весьма привлекателен концепт «кооперативного комплайенса» (*cooperative compliance*), разработанный ОЭСР и принятый на вооружение налоговыми администрациями по всему миру, включая Россию. В основе этого налогового режима – конструктивный обмен информацией между налоговыми органами и налогоплательщиками, основанный на доверии, диалоге, открытости и взаимном стремлении к сотрудничеству. В процессе таких взаимодействий производится совместная оценка как уже совершенных, так и планируемых транзакций, вырабатываются рекомендации и правовые позиции в части надлежащего исполнения налоговых обязательств. По мнению ОЭСР, стратегии, основанные на кооперативном комплайенсе, значительно предпочтительнее тех, которые полагаются только на принуждение.

Инициатива в разработке и внедрении программ кооперативного комплайенса исторически принадлежит ОЭСР, которая последовательно отстаивает позицию, что лишь модернизация взаимоотношений с участием налогоплательщиков, налоговых консультантов и налоговых администраций способна существенно помочь в решении проблем агрессивного налогового планирования. В этом контексте традиционная модель сдерживания (*deterrence model*) становится частью *новой стратегии*, которая больше не рассматривает налогоплательщиков и налоговиков в качестве антагонистов, но – опирается на доверие, сотрудничество, реципрокность, диалог, саморегулирование и поиск компромиссов.

Среди первых программ добровольного раскрытия информации – «Risk Rating Approach» в Великобритании, «Cooperative Approach» в Ирландии, «Compliance Assurance Process» в США, «Horizontal Monitoring» в Нидерландах, «Tax Governance» в Дании, «In-depth Dialogue» в Швеции, «Taxpayers Engagement Strategy» в ЮАР, «Forward Compliance Arrangement» в Австралии, «Code of Good Tax Practice» в Испании и т. д. «Медленно, но неуклонно все больше налоговых юрисдикций, стран-членов ОЭСР, а также некоторых африканских стран присоединяются к клубу кооперативного комплайенса» [3, p. 100].

В частности, Нидерландский вариант кооперативного комплайенса, названный «горизонтальным мониторингом» (*Horizontal Monitoring; HM*), представляет собой метод административного контроля, основанный

на информированном доверии, взаимопонимании и транспарентности между отдельными налогоплательщиками и Налогово-таможенным управлением (Netherlands Tax and Customs Administration; NТСА). Нидерланды – пионеры в этой области, они развивают национальную программу горизонтального мониторинга с 2005 года. Стать участником программы на добровольной основе вправе лишь крупные налогоплательщики, альтернативно отвечающие одному из следующих критериев: а) оборот превышает 10 млн €, а заработная плата – 2 млн €; б) валовая заработная плата превышает 8 млн €; в) активы превышают 1 млрд €. Уникальная особенность программы – возможность присоединения к ней некоммерческих организаций. Между сторонами заключается либо соглашение о комплаенсе (*compliance agreement*), либо т. н. *covenant*, содержащий принципы сотрудничества на основе доверия, взаимопонимания и прозрачности. В обмен на добровольное раскрытие налоговозначимых сведений налогоплательщики получают определенность в части своих налоговых обязательств и, по общему правилу, не подлежат углублённым налоговым проверкам, санкциям и судебному преследованию. Ключевое значение здесь имеет предварительное консультирование налогоплательщиков (*preliminary consultation*). Разумеется, могут проводиться выборочные проверки и ревизии (в порядке исключения).

Американская программа *Compliance Assurance Process* (САР) доступна корпорациям, акции которых открыто торгуются на фондовых рынках, с активами не менее 10 млн \$. Кроме того, для присоединения к программе нужно подтвердить свой имидж комплаенсного налогоплательщика. Участники программы подписывают меморандум о взаимопонимании, где индивидуализируются их права и обязательства. В частности, налогоплательщик обязуется раскрывать информацию о планируемых транзакциях, своих налоговых позициях, использовании налоговых убежищ и иных элементах налогового риска. Налоговый орган, в свою очередь, обязан оказать налогоплательщику содействие в интерпретации налоговых норм и налоговозначимых фактов в режиме *ex ante*, т. е. ещё на этапе налогового планирования [7, р. 41].

В Дании в программе кооперативного комплаенса, именуемой «Tax Governance», вправе участвовать корпорации с оборотом более 500 млн датских крон. С 2008 по 2011 год программа действовала в качестве пилотного проекта, и была официально легализована законом в 2012 году. На долю участников программы приходится до 60 % всех корпоративных налоговых платежей. Само участие в программе носит конфиденциальный характер. При присоединении к программе каждой корпорации назначается курирующий менеджер, которым, как правило, является налоговый служащий с многолетним опытом работы и специализирующийся в корпоративном налогообложении. Такой менеджер выступает основным контактным лицом от налоговой администрации для корпорации-участника.

В Австрии имплементация рассматриваемого режима стартовала с пилотного проекта в 2011 году, а начиная с 2019 года действует официально легализованная программа горизонтального мониторинга. Основной критерий для добровольного присоединения к ней – наличие у компании годового оборота более 40 млн €. Для участия в программе налогоплательщики должны разработать и внедрить ТCF, а также получить заключение от сертифицированного аудитора или налогового консультанта, подтверждающего, что их ТCF соответствуют требованиям законодательства (каждые три года эффективность ТCF должна заново переоцениваться и подтверждаться). Еще одно условие – положительный «налоговый имидж», о котором свидетельствует отсутствие наложенных уголовных санкций за последние 5 лет или – санкций за грубую небрежность (*gross negligence*) за последние 7 лет до момента подачи заявки. В рамках горизонтального мониторинга налогоплательщик должен информировать налоговую администрацию о любых налоговых рисках. Кроме того, предусмотрены очные встречи сторон для обмена мнениями и разрешения сложных вопросов налогообложения. Участники программы не подвергаются налоговым проверкам, так как контроль за выполнением их налоговых обязательств осуществляется налоговым органом в режиме реального времени [4, p. 125; 5, p. 385].

Шведский вариант кооперативного комплайенса именуется «углубленным диалогом» (*in-depth dialogue; fördjupad dialog*). Эта программа была взята на вооружение Налоговым агентством в 2011-2012 гг. в рамках инициативы «Enhanced Relationship», разработанной ОЭСР и Международной налоговой ассоциацией (*International Fiscal Association; IFA*), а в 2014 году она была обновлена и перезапущена. Цель программы – снизить налоговые риски компаний, оптимизировать обмен информацией, повысить уровень доверия между налогоплательщиками и налоговыми органами, противостоять агрессивному налоговому планированию и прямому уклонению от уплаты налогов. Основной акцент сделан на превентивной оценке налоговых обязательств, подлежащих уплате в предстоящие периоды. Решение о включении корпорации в программу «углубленного диалога» принимает Налоговое агентство (после согласования с претендентами на участие в программе). Из числа сотрудников Налогового агентства назначается контактное лицо, отвечающее за взаимодействие с налогоплательщиком. Конкретные меры включают три направления: оценку налоговых рисков компаний, помощь последним в организации эффективных процедур предоставления оперативных сведений налоговозначимого характера и консалтинг с целью снижения неопределенности в части интерпретации налоговых норм и установления фактических налоговых обязательств [6, p. 6].

Бельгия одной из последних европейских стран приступила к разработке собственной программы кооперативного комплайенса. В конце 2018 года был разработан и внедрен пилотный проект под названием *Cooperative Tax Compliance Programme* [3, p. 102–103]. Как и в других

юрисдикциях, целью проекта провозглашено наращивание правовой определенности для улучшения налогового комплайенса. Участие в бельгийской программе характеризуется достаточно высокими пороговыми значениями, а именно: выручка не менее 750 млн €; общая сумма балансовых активов не менее 1,5 млрд €; штат сотрудников более 1000 человек. Соответственно принять в ней участие могут лишь весьма крупные корпорации. Кроме того, на момент подачи заявки у компании не должно быть налоговой задолженности и фактов привлечения к ответственности за грубые нарушения закона (за последние три года). Разумеется, наличие ТCF является обязательным. Интересная особенность бельгийской программы заключается в том, что с момента присоединения к ней корпорации – автоматическими участниками программы также становятся и все взаимозависимые с ней лица.

Что касается нашей страны, то концепт кооперативного комплайенса нашел свое выражение в правовой конструкции *налогового мониторинга*, который был имплементирован в налоговую систему России в 2014 году. Именно тогда в Налоговом кодексе появился самостоятельный раздел V.2 «Налоговый контроль в форме налогового мониторинга». Первоначально рассчитанный лишь на крупнейших налогоплательщиков, соответствующих высоким пороговым критериям в части доходов, сумм уплаченных налогов или балансовой стоимости активов, в настоящее время режим налогового мониторинга последовательно расширяется законодателем, приобретая все более масштабное и массовое применение.

Подведём итоги. Современные программы кооперативного комплайенса возникли из желания современных государств перейти от антагонистических взаимоотношений между налоговыми органами и налогоплательщиками к взаимовыгодному сотрудничеству. Этот режим представляет собой «переход от ретроспективного и в первую очередь репрессивного контроля к отношениям, основанным на постоянном обсуждении налогового режима ключевых транзакций в реальном времени или даже – в перспективе» [8, р. 253]. В целом же кооперативный комплайенс охватывает ряд альтернативных подходов к налоговому администрированию, ориентированных на диалог, партнёрские и доверительные отношения, транспарентность и поиск компромиссов.

Добровольно участвуя в программах кооперативного комплайенса, налогоплательщики обязуются сформировать эффективные системы внутреннего управления и контроля за налоговыми обязательствами, обеспечивая максимальную прозрачность в режиме реального времени. В свою очередь налоговые органы гарантируют определённость и оперативную обратную связь по сложным налоговым вопросам интерпретации и применения налоговых норм. Поэтому кооперативный комплайенс можно охарактеризовать формулой «транспарентность в обмен на определенность». Участие в таких программах способствует экономии ресурсов на обеспечение налогового комплайенса для всех участвующих в них субъектов. В конечном итоге, снижается масштаб непреднамеренных налоговых ошибок и агрессивного налогового планирования, а налоговый комплайенс в целом –

нарастает. Именно эти факторы обусловили успех программ кооперативного комплайенса во всем мире, включая и нашу страну.

Следует помнить, что *универсальной модели* кооперативного комплайенса не существует. Несмотря на наличие общих черт и базовых установок, в отдельных странах и юрисдикциях она может нести собственную специфику, обусловленную экономическими, правовыми, культурологическими и иными факторами. С одной стороны, все программы кооперативного комплайенса опираются на некие общие максимы – добровольность, диалог, реципрокность, взаимное доверие, понимание, транспарентность и т. п. С другой стороны, в разных странах они могут существенно различаться в деталях (например, в части пороговых критериев участия, нормативной базы, практической организации налоговых взаимодействий и проч.).

Список использованных источников:

1. Alm, J., Beebe, J., Kirsch, M. S., Marian, M. S. & Soled, J. New Technologies and the Evolution of Tax Compliance // *Virginia Tax Review*. – 2020. – Vol. 39, No. 3. – P. 287–356.
2. Boll K. & Brehm Johansen M. Tax Governance: Corporate Experiences with Cooperative Compliance in Denmark. Umeå University, 2018. FairTax: Working Paper Series № 17. URL: <https://research.cbs.dk/en/publications/tax-governance-corporate-experiences-with-cooperative-compliance-> (дата обращения: 22.04.2022).
3. Bronżewska, K. & Majdańska, A. The New Wave of Cooperative Compliance Programmes and the Impact of New Technology // *European Taxation*. – 2019. – Vol. 59, No. 2/3. – P. 99–105.
4. Eberhartinger, E. & Zieser, M. The Effects of Cooperative Compliance on Firms' Tax Risk, Tax Risk Management and Compliance Costs // *Schmalenbach Journal of Business Research*. – 2021. – Vol. 73, No. 1. – P. 125–178.
5. Fiala, F. & Ramharter, L. Cooperative Compliance in Austria // *European Taxation*. – 2019. – Vol. 59, No. 8. – P. 385–390.
6. Hambre, A.-M. Cooperative Compliance in Sweden: A Question of Legality // *Journal of Tax Administration*. – 2019. – Vol. 5, No. 1. – P. 6–25.
7. Marcovici, Ph. & Noked, N. Cooperative Compliance Program for Individuals and Trusts: A Proposal for a Compliance Passport // *Journal of Tax Administration*. – 2021. – Vol. 6, No. 2. – P. 35–59.
8. Pemberton, J. L. & Majdanska, A. Changing the Relationship between Tax Administrations and Taxpayers // *Tax Notes International*. – 2016. – Vol. 81, No. 3. – P. 247–255.

ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г.Т. Ромашова

Ключевые слова: государственная гражданская служба, правовое положение государственных служащих, законные интересы, должностной рост, право на профессиональное развитие.

Эффективность государственного регулирования в значительной степени зависит от стабильности функционирования государственных институтов, в числе которых центральное место занимает институт государственной гражданской службы (далее гражданской службы).

Правовое положение государственного служащего Российской Федерации определено Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ. Правовой статус вообще – это признанная Конституцией и законами совокупность исходных, неотчуждаемых прав и обязанностей человека, а также полномочий государственных органов и должностных лиц. В понятие «правовой статус» государственных служащих входят основополагающие институциональные характеристики правового положения, которые определяют их место в системе государственной службы [1, с. 55].

Впервые в современной истории России правовой статус государственного служащего и составляющие его элементы были зафиксированы в 1995 г. в Федеральном законе № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации». Глава третья данного правового акта так и называлась: «Основы правового положения государственного служащего».

Под правами гражданского служащего понимаются обусловленные Конституцией РФ и другими нормативными правовыми актами, охраняемые и гарантированные государством возможности его профессиональной служебной деятельности [2, с. 95]. Это те действия, которые правомочен выполнять служащий в процессе реализации своих служебно-должностных полномочий.

Права государственного служащего условно можно разбить на две группы:

- основные права, установленные для всех государственных служащих, независимо от вида и уровня служебной деятельности и замещаемой должности;

- права государственного служащего, связанные с конкретной должностью и зафиксированные в персонифицированном должностном регламенте.

Основные права государственного служащего закреплены в ст. 14 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». К наиболее значимым правомочиям законодатель относит:

- получение в установленном порядке информации и материалов, необходимых для исполнения должностных обязанностей, а также на внесение предложений о совершенствовании деятельности государственного органа;

- доступ в установленном порядке к сведениям, составляющим государственную тайну, если исполнение должностных обязанностей связано с использованием таких сведений;

- доступ в установленном порядке в связи с исполнением должностных обязанностей в государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации;

- должностной рост на конкурсной основе;

- профессиональное развитие в порядке, установленном настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами;

- рассмотрение индивидуальных служебных споров в соответствии с настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами;

- защиту своих прав и законных интересов на гражданской службе, включая обжалование в суд их нарушения;
- государственную защиту своих жизни и здоровья, жизни и здоровья членов своей семьи, а также принадлежащего ему имущества;
- государственное пенсионное обеспечение в соответствии с федеральным законом и др. [3, с. 243].

Что касается прав закрепленных в персонифицированных должностных регламентах, то их перечень и содержательное наполнение определяются функциональными характеристиками как государственных органов, в которых осуществляется профессиональная деятельность государственных служащих, так и занимаемых ими должностей, предполагающих наличие специальных компетенций.

Представляя собой варианты возможного поведения (должностные правомочия), права государственных служащих обеспечиваются системой государственных гарантий.

Государственные гарантии – это условия, обеспечивающие реализацию и защиту прав государственных служащих. Представляется целесообразным дифференцировать нормативные, институциональные и субстанциональные гарантии. Нормативные гарантии включают в себя акты федерального и регионального законодательства, регламентирующие организацию и прохождение государственной службы в Российской Федерации и в ее субъектах [4, с. 56]. Институциональные гарантии представлены структурными подразделениями государственного аппарата наделенными специальными компетенциями в области обеспечения и защиты прав государственных служащих. Что же касается субстанциональных гарантий, то они представлены регулятивными и охранительными правоотношениями, в качестве объекта которых выступают общественные отношения в сфере государственной службы, в рамках которых субъекты реализуют корреспондирующие права и обязанности.

Гарантированность прав государственных служащих неразрывным образом связана с их правовым статусом, в системе которого следует выделять три подсистемы: общую, специальную, индивидуальную. Общий правовой статус государственного служащего, как уже отмечалось выше формируют основные права и обязанности, не зависящие от профессиональной компетенции, чина, занимаемой должности. Специальный статус определяется должностью, которую государственный служащий занимает. Что же касается индивидуального статуса, то он определяется личными качествами носителя. В данном случае следует разграничивать профессиональную (служебную) компетенцию и компетентность. Если компетенция представляет собой модельную конструкцию, объединяющую функциональные правомочия и обязанности, которыми государственный служащий наделяется соответствующими должностными регламентами, то компетентность выступает как качественная характеристика служебной деятельности, показатель ее эффективности и результативности [5, с.107].

Важнейшей задачей в области оптимизации деятельности государственных служащих является повышение уровня их компетентности как в узкопрофессиональной, так и в административной (управленческой) сферах. Решение обозначенной задачи предопределяет необходимость включения в образовательные программы учебных заведений осуществляющих профессиональную подготовку и переподготовку государственных служащих специальных курсов имеющих своей целью продвижение компетентностного подхода предполагающего объединение теоретических знаний с практическими умениями и навыками, направленными на выявление наиболее значимых проблем и вызовов в данной социальной сфере с последующим определением средств и технологий адекватной реакции на них.

Применение компетентностного подхода к пониманию правового статуса государственного служащего актуализирует проблему определения места и роли в нем категории законный интерес, рассмотрение которой следует осуществлять во взаимосвязи с понятием их субъективных правомочий.

В наиболее общем виде интерес представляет собой мотивационный фактор предопределяющий выбор формы и содержания поведенческой активности лица, которым последнее руководствуется в своей деятельности.

Категория законный интерес как правило используется в качестве парной к понятию «субъективные права» и зачастую рассматривается как синонимичная по отношению к ней. На наш взгляд, с таким подходом нельзя согласиться в полной мере. Субъективные права в целом и должностные правомочия государственных служащих, в частности представляют собой закрепленные на законодательном (федеральном, региональном) уровне поведенческие стандарты обеспеченные соответствующими юридическими гарантиями со стороны государства. Таким образом, применительно к пониманию прав государственных служащих следует иметь в виду закрепленные в законодательных актах и должностных регламентах положения гарантированные государством как плане реализации, так и в отношении смоделированного в этих положениях результата. Законный интерес применительно к субъективному праву выступает в качестве мотивационного фактора, специфического катализатора, обуславливающего «перевод» психоэмоционального состояния в поведенческое. [6, с. 8]. Применительно к деятельности в системе государственной службы, законные интересы представляют как поощряемые, так и не запрещенные законодателем побудительные мотивы, обеспечивающие законосообразное поведение, в котором, должны гармонично сочетаться личная инициативность и неформальный подход к решению ставящихся задач и четкое следование руководящим предписаниям вышестоящего руководства.

Классификацию законных интересов государственных служащих, можно осуществлять по различным критериям. В данной статье мы в качестве критерия можем предложить уже ранее использованный подход к структурированию правового статуса государственного служащего на общий, специальный, индивидуальный. По данному критерию следует разграничивать законные интересы всех государственных служащих, безотносительно специфики

их деятельности и должностного положения. В частности, законодатель, характеризуя такие основные права как должностной рост, профессиональное развитие, медицинское страхование, пенсионное обеспечение исходит из того, что они могут быть реализованы только в том случае, если государственный служащий проявляет в них определенную заинтересованность [7, с. 69]. Применительно к специальному статусу, законные интересы государственного служащего определяются спецификой осуществляемой им деятельности. Индивидуальные законные интересы, зависят от личных особенностей лица и определяются его субъективным правосознанием, а также профессиональной правовой культурой [8, с. 15]. В любом случае, говоря о соотношении субъективных прав и законных интересов государственных служащих, следует иметь в виду, что основным принципом их реализации является не противоречие законодательным требованиям и исходящим от вышестоящих государственных органов властным предписаниям.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
4. Указ Президента РФ от 24.06.2019 № 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019 - 2021 годы» // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44367>
5. Абдулаев М.И. Конституционно-правовые основы государственной службы в России // Публичное и частное право. – 2008. – № 1 (1). – С. 103-108
6. Зенков М.Ю. Конституционно-правовые основы системы государственной службы Российской Федерации // Развитие территорий. – 2018. – № 4 (14). – С. 6-9.
7. Иванова М.В. Совершенствование отбора кадров на государственной службе на основе принципов профессиональной меритократии // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2018. №. 2. С. 65–77.
8. Маслов Д.В., Дмитриев М.Э., Айвазян З.С. Отдельные аспекты трансформации государственного управления: процессы и качество: аналитический обзор. URL: https://cpur.ru/research_pdf/Certain_Aspects_of_Public_Administration_Transformation.pdf

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ

Е.Ф. Ивашкевич

Ключевые слова: права ребёнка, международно-правовая защита прав ребёнка, специализированные органы по правам ребёнка

Цивилизованность человеческого сообщества издревле проявлялась в защите самых уязвимых его представителей. Нужда в повышенной защите детей признается целым рядом международных правовых актов из-за физической и умственной незрелости ребёнка, а, следовательно, вытекающей из этого потребностью в охране и заботе, обеспечении условий для нормального физического развития и интеллекта детей. К сожалению, и сейчас дети являются одним из самых незащищённых и обездоленных слоёв населения в мире. Так, по данным ООН, на сегодняшний момент 100 млн. детей обитают вне семьи, существуя за счёт изнурительного труда, мелкого воровства, проституции, попрошайничества; 50 млн. детей выполняют вредную и опасную для здоровья работу; 120 млн. детей в возрасте от 6 до 11 лет не могут посещать образовательные учреждения; ежегодно 3,5 млн. детей умирают от заболеваний, которые сегодня поддаются лечению; около 155 млн. детей до 5 лет в развивающихся странах живут в условиях бедности и нищеты, подвергаются жестокому обращению, сексуальной эксплуатации, становятся жертвами бизнеса со стороны торговцев наркотиками. Цель данной статьи – охарактеризовать основные этапы становления и развития международного нормотворчества в сфере правовой защиты детей.

Материал и методы. Основными материалами исследования являются универсальные и отраслевые международные правовые акты в области защиты прав и законных интересов детей. Методы исследования – историко-сравнительного правового анализа и формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Дети на пути своего взросления сталкиваются с множеством трудностей, которые препятствуют благоприятному и гармоничному развитию личности, деструктивными явлениями – различные формы насилия, запугивание, суицидальные настроения, ухудшение состояния здоровья и рост заболеваемости, бедность, незапланированные беременности, сиротство, детская беспризорность, алкогольная и наркотическая зависимость, нравственная деградация, эксплуатация детского труда, младенческая смертность и др. В связи с этим, столь важны всесторонняя защита прав, жизни и здоровья детей, создание необходимых социально-культурных, психолого-педагогических и социально-экономических условий для воспитания и развития подрастающего поколения.

Международная защита прав ребёнка представляет собой систему скоординированных действий государства и неправительственных международных организаций, направленных на разработку и обеспечение прав

ребёнка с целью формирования полноценной и гармонически развитой личности, содействие их закреплению в национальном законодательстве и оказание международной помощи детям малоразвитых государств [1, с. 515].

Разрушительные последствия Первой мировой войны вызвали необходимость создания Лигой Наций в 1919 г. Комитета детского благополучия, который рассматривал свои задачи в основном как меры, необходимые для защиты бездомных детей, предотвращения рабства, торговли детьми, детского труда, проституции несовершеннолетних. Значительную роль в разработке общих стандартов защиты детей в этот период сыграли неправительственные организации, в частности Международный союз спасения детей. В 1923 г. последним был разработан проект Декларации, содержащей основные положения, которым должно следовать общество, чтобы обеспечить соответствующую защиту детей. В 1924 г. на Женевской V-й сессии Лиги Наций по инициативе Союза была принят 1-й акт международно-правового характера в области охраны прав и законных интересов детей – Декларация прав ребёнка. Она базировалась на 5 началах и определила цели международно-правовой защиты детей: предоставление возможности нормального материального и духовного развития; голодный ребёнок должен быть накормлен, а больному предоставлен уход, порочные дети должны быть исправлены, сиротам и бездомным детям должно быть предоставлено укрытие и все необходимое для существования; они должны быть первыми при оказании помощи при бедствиях; детям должна быть дана возможность зарабатывать средства на существование, обеспечена защита от всех форм эксплуатации; ребёнок должен воспитываться с осознанием того, что его лучшие качества будут использованы на благо следующих поколений. В Декларации впервые устанавливалось, что забота о детях и их защита не является обязанностью только семьи, общества или даже отдельной страны – все человеческое общество должно заботиться о благополучии детей [2].

Всецело система международной защиты прав ребёнка как составной части защиты прав человека сложилась после Второй мировой войны под эгидой деятельности ООН. В п. 3 ст. 1 Устава одной из первоочередных целей Организации определено «осуществление международного сотрудничества... в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» путем содействия ООН «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех» (ст. 55), обозначены органы, координирующие совместную работу государств по защите прав человека: ГА организует исследования и дает рекомендации (ст. 13), Экономический и Социальный совет делает рекомендации и создает комиссии по защите прав человека (ст. 63, 68) [3]. Были созданы специализированные органы как универсального характера (Комиссия по правам человека), так и функционально-отраслевого по защите отдельных социальных групп населения (Комиссия по положению женщин, Комиссия по предупреждению дискриминации и защите

меньшинств, УВКБ), создана правовая основа для создания механизма и разработки международных стандартов в области защиты прав человека, осуществления международного контроля специализированными органами за их соблюдением и реализацией.

Необходимость в определении специальных мер в сфере международной защиты прав детей привела к выделению особого направления деятельности ООН. С этой целью Резолюцией ГА ООН 57(1) от 11.12.1946 был учрежден Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). Защитой прав детей в отдельных областях занимаются специализированные учреждения ООН: МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО. ЮНИСЕФ функционирует в пределах выделенных в его распоряжение средств, а получающие от него помощь правительства обязаны распределять её соответственно целевому назначению, без дискриминации в отношении расы, религии, национальности, политических убеждений. Руководящим органом стал Исполнительный совет, в который вошли 25 представителей от США, СССР, Австралии, Бразилии, Великобритании, Канады, Китая, Франции, Польши, Швеции, Югославии и др. [99, с.52]. В 1953 г. Фонд вошел в систему ООН (Резолюция ГА 802 (8) от 06.10.1953), а его полномочия были существенно расширены: предоставлялось право оказывать продолжительную юридическую, экономическую и социальную помощь детям, терпящим лишения в результате неблагоприятной политической и экономической обстановки в своих странах, во время вооруженных конфликтов. Одна из основных функций ЮНИСЕФ на современном этапе – помощь правительствам развивающихся стран в виде снабжения оборудованием школ, продуктами питания, медикаментами, предоставления стипендий для преподавателей. В рамках ЮНИСЕФ с 1988 г. свою деятельность осуществляет Международный центр развития ребёнка, выступая в качестве специализированного исследовательского и учебного учреждения [4, с. 51].

Международная защита прав ребёнка осуществляется в настоящее время по нескольким определяющим направлениям: 1) разработка деклараций, резолюций, конвенций с целью подготовки международных стандартов в области прав ребёнка; 2) создание специального контролирующего органа по защите прав ребёнка; 3) содействие приведению национального законодательства в соответствие с международными обязательствами (имплементационная деятельность); 4) оказание международной поддержки через Детский фонд ООН [5].

Однако наиболее продуктивной является нормотворческая деятельность по защите прав ребёнка, которая осуществляется по двум направлениям: детальное формулирование прав ребёнка в общих декларациях и конвенциях по правам человека либо в международных соглашениях, регламентирующих права отдельных социальных категорий населения, тесно связанных с ребёнком (например, права женщин-матерей) или в определенной области правоотношений (семейное, трудовое право, образование);

разработка специальных международных правовых документов, регулирующих только права детей.

Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. сформулирован ряд ценных позиций, непосредственно касающихся прав детей. В Декларации впервые говорится на международном уровне о равенстве детей независимо от обстоятельств рождения: «Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой», подчёркивается, что «материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь» (ст. 25), а ст. 26 гласит: «Обучение должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования; начальное образование должно быть обязательным», «родители имеют право прерогативы в выборе вида образования для своих малолетних детей».

В Пакте о гражданских и политических правах определено, что «каждый ребёнок без всякой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения имеет право на меры защиты в своём статусе как малолетнего со стороны семьи, так и общества и государства» (ст. 24), а семья как социальная общность имеет право на защиту со стороны последних (ст. 23), предусматривается, что «каждый ребёнок должен быть зарегистрирован своевременно, сразу после появления на свет и имеет право на собственное имя» (п. 2 ст. 24), на приобретение гражданства (п. 3 ст. 24), говорится о необходимости защиты детей и оказания им помощи в случае расторжения брака родителей (п. 4 ст. 24), о запрещении вынесения смертных приговоров за преступления несовершеннолетним (до 18 лет), содержится ряд юридических гарантий уголовно-процессуального и гражданско-процессуального характера в отношении их законных интересов (ст. 6, ст. 14) [6].

Пакт об экономических, социальных и культурных правах также не допускает дискриминацию по признаку семейного происхождения или по иному признаку (п. 3 ст. 10). В нём предусматривается предоставление государством семье по возможности самой широкой социальной помощи, «в особенности при ее образовании и пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и их воспитании» (п. 1 ст. 10), признается особая охрана матери в течение «разумного периода до и после родов» (п. 2 ст. 10). В соответствии с документом государства обязаны принимать меры для «обеспечения понижения уровня мертворождаемости, детской смертности и здорового развития ребёнка» (ст. 12), обеспечить обязательное и бесплатное для всех начальное образование (ст. 13). Пакт призывает общество и государство обеспечить защиту детям и подросткам от экономической и социальной эксплуатации, к законодательному запрещению труда малолетних, применения детского труда в отраслях, вредных для нравственности и здоровья (ст. 10) [6].

В дополнение к вышеназванным положениям МОТ в 1973 г. была принята Конвенция № 138 о минимальном возрасте приема на работу, обязующей государства «обеспечить эффективное упразднение детского труда и постепенное повышение минимального возраста для приема на работу до уровня, соответствующего наиболее полному физическому и умственному развитию подростков» (ст. 1). Конвенции МОТ № 77, № 78 1946 г. определяют обязательное проведение медицинского освидетельствования подростков с целью определения их на соответствие к труду в промышленности, в производственной сфере. Конвенциями МОТ № 79 и № 90 полностью отвергается возможность использования ночного труда несовершеннолетних [7].

Особую роль для охраны здоровья детей и их прав в данной области имеют международно-правовые нормы о запрете детских браков. В Конвенции о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 г. отмечена обязательность национальных НПА, определяющих минимальный брачный возраст, запрещается «заключение брака с лицом, не достигшим установленного возраста, за исключением случаев, когда в интересах лиц, вступающих в брак, компетентный орган позволяет сделать исключение из правила» (ст. 2). Рекомендация о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков от 01.11.1965 и Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин от 07.11.1967 содержат положения о запрете на вступление в брак в детском возрасте, обручении юных девушек, о государственных мерах, направленных на установление минимального брачного возраста, регистрации браков только в официальных учреждениях, что особенно актуально в связи с международной статистикой – в 2016 г. каждые 7 секунд выходила замуж несовершеннолетняя моложе 15 лет. По сведениям общественной организации Save the Children, особо опасная ситуация для девочек сложилась в настоящее время в ЦАР, Мали, Сомали, Нигере, Чаде.

Особо важным направлением является принятие международных актов, противодействующих рабству и торговле детьми, торговле женщинами и детьми с целью проституции, иным незаконным целям. 20.10.1947 ООН принимает Протокол к Международной конвенции о борьбе с торговлей женщинами и детьми 1921 г. и к Конвенции о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами 1933 г., в которых закреплена обязанность государств привлекать к уголовной ответственности лиц, занимающихся вовлечением женщин в проституцию, торговлей женщинами и детьми, оперативно информировать друг друга о профессиональных торговцах женщинами и детьми. В 1953 г. ГА Резолюцией 794(8) одобрила Протокол о внесении соответствующих изменений в Конвенцию 1926 г. «О рабстве», а на Женевской конференции 1956 г. была принята Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, обычаев, сходных с рабством, установившая, в частности, запрет такого института, сходного с рабством, как эксплуатация детского труда, сформулировав его

дефиницию так: «любой институт или обычай, в силу которого лицо моложе 18 лет передается одним или обоими родителями или опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребёнка или подростка, или его труда» (п. d ст. 1).

14.12.1960 ЮНЕСКО приняла Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования, содержащую обязательства государств не допускать дискриминацию в области получения образования по признаку расы, пола, языка, религии, социального происхождения, политических убеждений и предпринимать при необходимости все меры по её устранению. В акте есть условие, в соответствии с которым государство обязуется сделать начальное образование обязательным и бесплатным (п. а ст. 4).

Повышенный интерес всегда был к международному правотворчеству в сфере совершенствования специальных мер по защите детей и женщин в зоне вооруженных конфликтов. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. и Дополнительные протоколы к ней 1977 г. детально регламентируют предоставление женщинам и детям специальной защиты от последствий военных действий. В 1974 г. принята ещё одна специальная Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов, содержащая непосредственные указания государствам предоставлять им особую защиту как социально уязвимым категориям гражданского населения. По данным ЮНИСЕФ только в июне 2015 г. 10% зарегистрированных беженцев составляли дети, а в октябре – уже 33% [8]. В связи с последними событиями эти показатели стремительно растут.

В 1985 г. Конгресс ООН по борьбе с преступностью и обращению с правонарушителями разработал ряд международных актов относительно защиты прав несовершеннолетних правонарушителей в период отправления правосудия, отбывания ими наказания в местах лишения свободы, мер предупреждения преступности среди несовершеннолетних. Это Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), а в 1990 г. приняты Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних и Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы [6].

Специальным актом, полностью посвящённым правам несовершеннолетних, стала Декларация прав ребёнка, рассмотреть проект которой было предложено Комиссии по правам человека ещё в период подготовки Всеобщей декларации прав человека. Однако, только 20.11.1959 ГА ООН Резолюцией 1383 (14) приняла документ. Акт расширил 5 принципов Женевской декларации 1924 г. до 10 принципов. В Преамбуле было определено, что «ребёнок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в особой охране и заботе, включая необходимую правовую защиту как до, так и после рождения». В акте упоминается о недопущении в отношении детей дискриминации по каким бы то ни было признакам; о праве ребёнка на

нормальное интеллектуальное, духовное и физическое развитие; на получение образования. Согласно Декларации, ребёнок должен быть защищен от любых форм жестокости и эксплуатации; обеспечен правами на достаточное питание, жилище, развлечения и медицинское обслуживание. Один из новых важнейших принципов Декларации – обязанность общества осуществлять специальную заботу о детях, имеющих особенности в физическом, психическом или социальном отношении [2].

Невзирая на продуктивность и многоаспектность нормотворческой деятельности в области защиты прав ребёнка, к концу 70-х гг. стало очевидным, что действующие нормы нуждаются в обновлении для обеспечения специальных нужд детей. С момента принятия Декларации были разработаны новые теоретические и прикладные подходы, касающиеся концепции прав ребёнка и механизма их защиты. Мировая общественность нуждалась в едином международном документе, отвечающем современному пониманию вопросов и проблем по защите прав ребёнка. Таким документом стала Конвенция о правах ребёнка.

Вопрос о необходимости придания правам детей силы международного обязательства встал при подготовке к проведению Международного года ребёнка (1979), цель которого являлась «укрепление осознания особых нужд детей среди общественности и правительств» (Резолюция ГА 31/169 от 21.12.1976). Уже на первоначальном этапе работы Комиссии ООН по правам человека над проектом специальной Конвенции о правах ребёнка проявилось политическое противостояние между США и СССР и их союзниками. В связи с этим, только в 1989 г. Комиссия Резолюцией 1989/57 от 08.03.1989 одобрила проект и постановила передать его ГА через ЭКОСОС. Резолюцией 44/25 от 20.11.1989 ГА ООН приняла Конвенцию о правах ребёнка, вступившую в силу 02.09.1990 после сдачи на хранение 20 ратификационных грамот [4, с. 52].

В Конвенции впервые ребёнок определялся не только объектом, нуждающимся в специальной защите, но и субъектом права, обладающим широким спектром прав человека. Акт состоит из 54 статей, содержит личные, политические, социально-экономические и культурные права детей от их появления на свет до достижения ими совершеннолетия (18 лет), если национальным законодательством не предусмотрен более ранний возраст его достижения (ст. 1). С его принятием были внедрены новые права ребёнка: на выживание и развитие (ст. 6), сохранение индивидуальности (ст. 8), возможность свободно выражать свои взгляды (ст. 12), на участие в военных действиях (ст. 38), физическое, психологическое и социальное восстановление жертв злоупотреблений и эксплуатации (ст. 39). Впервые особо определена роль СМИ: государства-участники обязуются содействовать им в распространении информации, полезной для ребёнка в социальной и культурной сфере для ознакомления с материалами из различных национальных и международных источников (ст. 17), «широко информировать о принципах и положениях Конвенции как взрослых, так и детей» (ст. 42). Благодаря

Конвенции был создан международный механизм контроля за выполнением закреплённых в ней положений, создан Комитет по правам ребёнка, компетентный рассматривать раз в 5 лет доклады государств о принятых ими мерах по реализации положений Конвенции (ст. 44), являющийся координатором международного сотрудничества по выполнению поставленных целей. С ним сотрудничают Детский фонд ООН, специализированные учреждения, международные неправительственные организации. Ещё одно нововведение Конвенции – это положение, в соответствии с которым государства обязаны обеспечить «широкую гласность своих докладов в своих странах» (п. 6 ст. 44) [9]. Расширяет основные положения Конвенции о правах ребёнка Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче их на воспитание и при усыновлении на национальном и международном уровнях от 03.12.1986 № 41/85.

Важным шагом в сфере развития прав ребёнка после Всемирной встречи на высшем уровне в интересах детей в Нью-Йорке 30.09.1990, было принятие Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей и Плана действий по её осуществлению, в которых определены такие цели, как борьба с основными детскими заболеваниями, сокращение смертности детей до 5 лет, снижение уровня материнской смертности, оказание поддержки детям-инвалидам, предоставление защиты в условиях вооружённых конфликтов, доступ к получению базового образования и др. Для их достижения государства-участники встречи и другие впоследствии взяли на себя обязательства по составлению детализированных национальных программ.

Одним из последних международных актов в интересах детей является Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи от 23.11.2007, принятая в рамках Гаагской конференции по международному частному праву. Документ в качестве основного способа в сфере международного порядка взыскания алиментов обеспечивает эффективное и полное их взыскание за границей и иные формы содержания семьи, например, путем создания комплексной системы сотрудничества между компетентными органами государств-участников Конвенции. В настоящее время ими являются страны ЕС, Бразилия, США, Турция, Албания, Молдова, Черногория и др. 01.06.2018 Конвенция вступила в законную силу и в Республике Беларусь.

Заключение. Таким образом, международная защита детства предполагает всестороннее сотрудничество государств в сфере обеспечения всеобщего уважения и соблюдения прав ребёнка, его основных свобод и законных интересов. Однако, Конвенция о правах ребёнка была принята почти 30 лет назад. В связи с этим, назрела необходимость в ее кардинальном обновлении, в условиях построения информационного общества, развития в сфере индустриализации, здравоохранения и иных областях жизнедеятельности человека существует необходимость активизации нормотворческой деятельности, координации деятельности специализированных органов как на международном, так и на национальном, региональном уровне в целях защиты детей от

экономического, психологического, физического и иных форм насилия, в том числе посредством виртуальных технологий.

Республика Беларусь, присоединившись в 1990 г. к Конвенции ООН по правам ребенка, встала на путь реформирования законодательства в сфере семьи и детства. Шагом на этом пути стало принятие Закона «О правах ребенка», регламентирующего его правовой статус и основные права. В целях координации и анализа усилий госорганов по выполнению данного Закона была утверждена Президентская программа «Дети Беларуси», закрепившая приоритет интересов детей как одно из условий устойчивого развития будущего Беларуси. Отдельные права ребенка регулируются такими специальными законами, как «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь». Помимо упомянутых НПА, в сферу национального законодательства по правам ребенка входят Кодекс об образовании, законы «О здравоохранении», «О гражданстве», «О беженцах», «О социальной защите инвалидов». Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 22.09.2017 был реализован Национальный план действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2017–2021 гг., включающий 103 мероприятия.

Список использованных источников:

1. Дорошенко, О.В. Формирование и развитие международно-правовой защиты прав детей / О.В.Дорошенко // Правовая система Республики Беларусь: состояние, проблемы и перспективы развития: материалы XI межвузовской научно-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. – Гродно, 2011. – 662 с.
2. Женевская декларация прав ребёнка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/podborki/zhenevskaya_deklaraciya_prav_rebenka/. – Дата доступа: 14.04.2022.
3. Устав ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>. – Дата доступа: 11.04.2022.
4. Старовойтов, О.М. Становление и развитие международной защиты прав ребёнка / О.М Старовойтов // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 5. – С. 51–58.
5. Павлова, Л.В. Учебное пособие/ Л. В. Павлова. – Минск: БГУ, 2005. – 195 с.
6. Права человека: сб. междунар.-правовых док. / Сост. Щербов В.В. – Минск: Белфранс, 1999. – 1146 с.
7. МОТ. Конвенции и рекомендации, принятые МОТ в 1919-1990 годах. – Москва, 1991. – 1703 с.
8. Дети-беженцы и дети-мигранты в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.org/eca/ru/что-мы-делаем/чрезвычайные-ситуации/дети-беженцы-и-дети-мигранты-в-европе>. – Дата доступа: 11.04.2022.
9. Конвенция о правах ребёнка от 20.11.1989 № 44/25 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Н.Е. Муллахметова

Ключевые слова: уголовный процесс, законные интересы, частные и публичные начала, диспозитивность, дискреционность

Стратегии развития отдельных отраслей права во многом определяются стремлением обеспечить разумное сочетание частных и публичных начал, баланс интересов отдельных лиц и общества, государства в целом. Поэтому категория законного интереса, через призму которого анализируются многие правовые явления, всегда была в центре внимания ученых. В процессуальных отраслях через защищаемые интересы формулируются задачи судопроизводства, лежащие в основе построения его институтов. Осмысление понятия законного интереса позволяет разрабатывать системные предложения по совершенствованию правового регулирования отношений в различных сферах. Целью исследования является определение соотношения категорий дискреционности и законного интереса, частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве, обоснование принципиального значения баланса этих интересов для реализации его назначения.

Материал и методы. Исследование строится на анализе понятийно-терминологического аппарата науки уголовного процесса, таких его категорий как частные и публичные начала, диспозитивность, дискреционность. Методологическую основу составляет общенаучный диалектический метод познания правовой действительности, а также частно-научные методы теоретического анализа: сравнительно-правовой, историко-юридический, логический, системно-структурный и др.

Результаты и их обсуждение. Понятие интереса разрабатывается с позиции разных наук: философии, этики, юриспруденции, социологии и др., эта теоретическая категория является очень сложной и многоаспектной. Так, А.А. Даньков предлагает следующую дефиницию интереса в праве: это ценностная предметно-избирательная позиция лица, отражающая осознанную им потребность в необходимом и реально достижимом благе, на получение которого направлена его объективно обусловленная правомерная деятельность [1, с. 10]. Очевидно, что как в праве, так и в других сферах интересы являются движущей силой, мотивом принимаемых решений, совершаемых действий. Роль права заключается в том, чтобы свести к минимуму дисбаланс интересов государства и личности, т.е. обеспечить разумное сочетание частных и публичных начал.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ законный интерес относится к числу охраняемых законом объектов и используется в тексте более двадцати раз в статьях, регламентирующих статус участников процесса.

Несмотря на то, что в уголовном процессе преобладают публичные начала, означающие ведущую роль государственных институтов в обеспечении прав и законных интересов граждан и организаций, ему свойственны и частные начала, что не должно рассматриваться как противоречие. В работах классиков уголовного процесса можно встретить идеи об ограничении принципа публичности. Так, В. Случевский, рассматривая сущность частного обвинения в уголовном процессе, писал: «Рядом с публичным интересом уголовным процессом затрагиваются также интересы личные участвующих в деле лиц, и для ограждения этих интересов пришлось установить ограничивающее принцип публичности процесса начало, а именно, начало произвольности действий частных лиц в процессе, в силу которого судьи, в установленных законом пределах, осуществляют процессуальную деятельность лишь настолько, насколько сторона признает необходимым возбуждать эту деятельность в видах охранения своих прав» [2, с. 51].

Реформа российского законодательства после распада СССР сопровождалась поиском оптимального соотношения публичного и частного начала. Концепция судебной реформы в РСФСР, принятая Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 года, к числу задач отнесла отказ от предпочтительной защиты публичного интереса и провозгласила направленность на обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. При этом предполагалось, например, расширить круг дел частного обвинения, разработать порядок возмещения гражданину ущерба, причиненного преступлением, за счет государства, признать право заявителя знакомиться с материалами дела при отказе в его возбуждении, а также делать необходимые выписки и снимать копии. Вместе с тем, планировалось усилить действие публичных начал на стадии возбуждения уголовного дела. Так, авторы Концепции выступали за то, чтобы в каждом случае, когда хотя бы в минимальной степени существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, возбуждалось уголовное дело, т.е. за упразднение доследственной проверки. Но принятый в 2001 году УПК РФ не воспринял всех положений Концепции судебной реформы. Стадия возбуждения уголовного дела сохранилась, хотя и претерпела изменения, перечень дел частного обвинения не изменился (если не считать переход оскорбления в разряд административных правонарушений и изменения УК РФ в части побоев), права потерпевших были расширены (но уже после принятия Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»), хотя пока так и не найдено оптимальных путей решения проблемы возмещения причиненного преступлением вреда.

Вопросы пределов действия принципа публичности не раз становились предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, позиция которого учитывалась и законодателем при разработке изменений и дополнений

в процессуальное законодательство. Примером может послужить Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска». Конституционный Суд РФ, в частности указал на то, что государство должно действовать в публичных интересах защиты нарушенных преступлением прав граждан, восстановления социальной справедливости, общего и специального предупреждения правонарушений.

Рассмотрим вопрос о соотношении законных интересов в уголовном процессе с дискреционностью.

Если обратиться к словарям, то под дискрецией (от лат. *discretio*) понимается воля, усмотрение, распоряжение; решение должностным лицом или государственным органом относящегося к его ведению вопроса по собственному усмотрению в порядке реализации дискреционной власти [3, 4].

Н.Н. Апостолова пишет, что сегодня назрела необходимость руководствоваться наряду с принципом законности еще и принципом дискреционности (целесообразности), под которым в демократическом уголовном процессе принято понимать предоставленную законом возможность выбора наиболее оптимальной из предусмотренных законом для данного конкретного случая формы осуществления уголовно-процессуальной деятельности и предусмотренного законом способа разрешения уголовно-правового конфликта с целью эффективного решения задач и достижения стоящих перед уголовным судопроизводством целей. Игнорирование принципа целесообразности, отсутствие его четкого понимания и закрепления в законе привели к излишней формализации порядка производства по уголовным делам, к осуществлению неадекватной и неэффективной уголовно-процессуальной деятельности [5].

Анализ научных работ позволяет сделать вывод, что к дискреционным процедурам в уголовном процессе, в частности, можно отнести прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, а также в связи с применением принудительной меры воспитательного воздействия, использование особого порядка судебного разбирательства, сокращенной формы дознания и некоторые другие, где обеспечивается компромисс между частными и публичными интересами в уголовном судопроизводстве и процессуальная экономия [5, 6].

Наличие дискреционных процедур, при применении которых реализуется усмотрение правоприменителя, является признаком диспозитивности в уголовном процессе, но не всегда связано с защитой частного интереса.

Если следовать назначению уголовного судопроизводства, которое определено в ст. 6 УПК РФ, то и наличие дискреционных полномочий, и

усмотрение правоприменителя должны быть направлены на реализацию прав и защиту законных интересов участников уголовного процесса со стороны как защиты, так и обвинения. В итоге все сводится к достижению торжества справедливости - начала всех видов судопроизводства. Таким образом, дискреционность не отождествляется с законными интересами, но должна обеспечивать их разумный баланс.

Представляет интерес позиция А.В. Победкина, который, определяя заинтересованного субъекта уголовного судопроизводства, пишет, что его следует видеть не в обвиняемом и не в потерпевшем (последний может быть удовлетворен и возмещением вреда вне зависимости от установления действительно виновного в совершении преступления), не в государстве, интересы которого могут быть обусловлены политическими, финансовыми, организационными соображениями, а в обществе. Иначе говоря, уголовный процесс предназначен для того, чтобы обеспечивать общественную потребность (потребность большинства законопослушных жителей страны) в правильном установлении значимых для уголовного дела обстоятельств, принятии на их основе законных, обоснованных и справедливых процессуальных решений. Он обосновывает тезис о том, что реформы уголовно-процессуального законодательства в последние годы были ориентированы на превращение отечественного уголовного судопроизводства из средства защиты интересов каждого жителя страны в инструмент умиротворения участников уголовного процесса, представляющих стороны или обеспечения интересов отдельных социальных групп [7].

Безусловно, уголовно-процессуальный закон не должен быть направлен на потакание всем запросам отдельных участников процесса, ведь задачей государства не может стать только лишь разрешение правового конфликта между потерпевшим и обвиняемым. Так, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является компромиссным решением, удовлетворяющим и обвиняемого, и потерпевшего, но при этом задача противодействия преступности, снижения ее уровня не всегда может быть решена. В материалах судебной практики можно встретить примеры, когда при наличии инициативы сторон о прекращении уголовного дела в связи с примирением и соблюдении всех условий такого порядка (преступление совершено впервые, вред возмещен или заглажен) государственный обвинитель возражает.

Государственный интерес должен быть обусловлен необходимостью обеспечить правопорядок и безопасность в стране. Но следует также создать реальные гарантии обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Л.Н. Масленникова, рассуждая о сочетании частных и публичных начал в уголовном процессе, делает такое глубокое философское заключение: «Мировоззренческую основу развития уголовного судопроизводства как социального института должна составлять золотая середина между индивидуализмом либерализма и коллективизмом тоталитаризма. В своих взглядах на место личности в публичном

уголовном судопроизводстве необходимо исходить из трех основополагающих принципов: уникальной ценности каждого человека вследствие его духовности, солидарности и субсидиарности» [8, с. 78-83].

Заключение. Определение разумного сочетания публичных и частных начал в уголовном процессе связано со стремлением к справедливости в судопроизводстве, при этом интересы государства и личности не должны противопоставляться, быть взаимоисключающими. Достижение баланса этих интересов обуславливает возможность построения эффективной модели правового регулирования, при которой наряду с решением глобальной задачи обеспечения безопасности и правопорядка защищены гарантируемые законом права каждого человека. Это и определяет уровень развития права, выполнение его социально значимой функции.

Список использованных источников

1. Даньков А.А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
2. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство (издание 4-е, дополненное и исправленное). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913.
3. Исторический словарь галлицизмов русского языка. - Словарное издательство ЭТС, Москва, 2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/13935-дискреция>. – Дата доступа: 28.04.2022.
4. Большой юридический словарь. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rus-big-jurisprudence-dict.slovaronline.com/1105-Дискреция>. – Дата доступа: 28.04.2022.
5. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iaaj.net/node/728>. - Дата доступа: 28.04.2022.
6. Гулиева Н.И. Проблемы реализации принципа дискреционного уголовного преследования в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на Дону, 2004.
7. Победкин А.В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием Устава уголовного судопроизводства). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnost-kotoruyu-my-poteryali-razmyshleniya-v-svyazi-so-150-letiem-ustava-ugolovnogo-sudoproizvodstva/viewer>. – Дата доступа: 28.04.2022).
8. Масленникова Л.Н. Факторы, определяющие развитие уголовного судопроизводства в России // // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6-8 октября 2010 года. - М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012.

РАЗДЕЛ 1

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

В.С. Бакулина, О.Н. Куликова

Ключевые слова: трансплантация, донор, законный интерес, уголовная ответственность.

Многочисленные трудности, сопряженные с дефицитом донорских органов, потребность в которых высока в силу необходимости проведения операций по их пересадке, а также обусловленные этим преступления в сфере трансплантации представляются актуальной проблемой для многих государств мира, в том числе и для Российской Федерации. Целью настоящего исследования является анализ нормативно-правовой основы в сфере трансплантологии, ее оценка. В качестве методологической основы исследования выступили разнообразные общенаучные приемы и способы познания: моделирование, анализ, синтез, формально-логический подход, а также частнонаучные методы. В процессе исследования автор приходит к выводу, что действующее в сфере трансплантации органов и тканей человека российское законодательство не охватывает данный процесс в полной мере, остаются проблемные вопросы прикладного характера.

В соответствии с ч. 1 ст. 20 и ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый человек обладает правом на жизнь, охрану здоровья и медицинскую помощь и иные медико-социальные законные интересы. В большой российской энциклопедии трансплантология детерминируется как «отрасль биологии и медицины, изучающая проблемы трансплантации, разрабатывающая методы консервирования органов и тканей, создания и применения искусственных органов» [1, с. 345].

Трансплантация – это успешный способ продления жизни, заключающийся в изъятии и пересадке органа и (или) ткани, полученных от донора при жизни или после смерти, другому лицу или реципиенту с существующей недостаточностью в заключительной стадии. Это замещение (имплантация) отсутствующих или необратимо поврежденных патологическим процессом органов и (или) тканей у больного (реципиента), основанное на заборе трансплантационных материалов у другого организма (донора или трупа человека) [2, с. 79]. Реципиентом признается лицо, которому пересаживаются органы или ткани человека. В качестве донора органов или тканей

человека выступает лицо, добровольно отдающее, фактически жертвующее свои анатомические образования для пересадки нуждающимся.

Объектами трансплантации являются такие органы и ткани человека, как: сердце, легкое, сосуды, печень, почка, поджелудочная железа, селезенка, оболочки, эндокринные железы, кишечник и его фрагменты, костный мозг, трахея, глазное яблоко, клетки и иные. (Перечень объектов трансплантации утверждён приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3). При этом примечательно, что в указанный список не входят органы, их части и ткани, относящиеся к воспроизводству потомства (яйцеклетка, сперма, эмбрионы), а также кровь и ее компоненты.

Трансплантация органов и (или) тканей человека, выступая в качестве средства спасения жизни и восстановления здоровья граждан, должна реализовываться на основе соблюдения законодательства Российской Федерации и прав человека сообразно существующим гуманным принципам, декларированным международным сообществом, с учетом доминирования интересов человека над общественными или научными потребностями.

Правовые основы трансплантации в России базируются на международных нормативных правовых документах и отечественном законодательстве, включая Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Закон РФ от 9 июня 1993 г. № 5142-1 «О донорстве крови и ее компонентов», Приказ Минздрава России от 4 июня 2015 г. № 306н, РАН № 3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации», приказ Минздрава России от 4 июня 2019 г. № 365 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Донорство и трансплантация органов в РФ» и др. Существующих законов и других нормативно правовых актов оказалось недостаточно для обеспечения эффективной и полноценной защиты людей от принуждения к изъятию органов и тканей для трансплантации. Ежегодно спрос на донорские материалы для тяжелобольных и умирающих людей продолжал возрастать, а легальные донорские банки не были способны предоставить всем нуждающимся органы или ткани. Именно поэтому в мире и, в частности, России увеличилось количество преступлений, связанных с поиском подходящих лиц для изъятия у них органов (тканей), в том числе и путем принуждения.

Согласно поправкам, забор и заготовка органов и тканей человека являются разрешенной деятельностью не только в государственных, но и в муниципальных учреждениях здравоохранения. «В 2019 году было проведено более 2 400 трансплантаций, но в листе ожидания по состоянию на 2020 год находилось около 10 000 человек. С начала 2021-го по сентябрь врачи произвели всего 1582 пересадки органов. Показатель дефицита донорских органов в России в среднем оценивается в 10 000. К сожалению, многие граждане не доживают до момента, когда до них дойдет очередь» [3, ст. 12].

В связи с вышеуказанным, следует, что трансплантация органов и тканей выступает в качестве эффективного метода лечения тяжело больных людей, обладает высокой социальной значимостью, обеспечивая возможность продления жизни и создает условия для повышения уровня ее качества. Использование различных технологий трансплантации органов (тканей) имеет ряд определенных ограничений медицинского и этико-правового характера.

Трансплантация органов и (или) тканей от живого донора считается разрешенной к осуществлению исключительно при соблюдении требований, предъявляемых к кандидату на донорство, указанных ранее, а также при наличии его персонального согласия (изъявление согласия со стороны законных представителей признается допустимой формой лишь при производстве пересадки костного мозга от несовершеннолетнего лица). При этом, важным и непременным условием допустимого изъятия является наличие заключения консилиума врачей-специалистов, согласно которому лицу не будет подвергнуто опасности в виде причинения значительного вреда здоровью.

В настоящее время рассматривается проект федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации», подготовленный Министерством здравоохранения РФ, в котором предусмотрена отдельная глава, детально описывающая особенности прижизненного донорства. Однако вступление его в силу так и не произошло, а, соответственно, имеющиеся спорные положения и правовые коллизии не устранены.

Не менее актуальной остается проблема, сопряженная с действием таких систем (способов) определения волеизъявления лица в отношении смертной судьбы собственного тела, как презумпция несогласия, предполагающая прямое согласие человека выступить в качестве донора органов или тканей после смерти, и презумпция согласия, подразумевающая, что трансплантация становится потенциально возможной при отсутствии несогласия при жизни умершего на изъятие его органов или тканей после смерти, выраженного в установленном законодательством порядке.

Трансплантация органов и (или) тканей от мертвого донора (трупа) является правомерной при соблюдении юридических и медицинских критериев.

Действующими правовыми нормами предусмотрены следующие условия: 1) произведено установление факта смерти донора в определенном порядке; 2) зафиксировано и имеется разрешение главного врача учреждения здравоохранения на отчуждение органа и (или) ткани у трупа; 3) подлежало учету волеизъявление сторон на проведение операций.

Среди медицинских условий следует указать следующие: 1) зафиксировано и имеется подтверждение медицинской обоснованности проведения операций в целях спасения жизни или улучшения состояния здоровья реципиента (иными словами, вероятность успеха проведения операцией должна быть высоко оценена при прогнозировании результатов); 2) по состоянию здоровья донор (его органы и ткани) пригоден для пересадки материалов;

3) донор и реципиент совместимы по медицинским показателям для осуществления трансплантации.

На основании изложенного следует, что трансплантация – это успешный способ продления жизни, заключающийся в изъятии и пересадке органа и (или) ткани, полученных от донора при жизни или после смерти, другому лицу или реципиенту с существующей недостаточностью в заключительной стадии. Данная область, обеспечивающая реализацию законных интересов населения Российской Федерации, состоящих в стремлении к обеспечению благополучной и безопасной жизнедеятельности, сохранению целостности организма, поддержанию его нормального функционирования, улучшению системы здравоохранения, качества предоставляемых медицинских услуг, подлежит защите со стороны государства от возможных посягательств, представляющих существенную угрозу причинения вреда, со стороны лиц, ориентированных на извлечение выгоды, преследующих осуществление личных целей, посредством пресечения такой деятельности и применения к виновным соответствующих мер пресечения в виде привлечения к ответственности, первоначально к уголовной.

Действующий уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 120 предусматривает ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека. Совершение данного преступления выступает прямым нарушением законодательно установленных прав на жизнь, охрану здоровья и медицинскую помощь, в силу чего также препятствует реализации указанных выше законных интересов.

Резюмируя, следует отметить: законный интерес как уголовно-правовая категория принудительной трансплантации органов и тканей человека заключается в уголовно-правовой защите стремлений к обеспечению благополучной и безопасной жизнедеятельности, сохранению целостности организма, поддержанию его нормального функционирования, улучшению системы здравоохранения, качества предоставляемых медицинских услуг, осуществляемой посредством привлечения виновных к уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Трансплантология // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). – Том 32. Москва, 2016. – С. 345. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/medicine/text/4199887> – Дата доступа: 15.04.2022.

2. Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник/ Г.А. Есакова; под ред. Есакова Г.А. – М.: Проспект, 2021 г. –543 с. – С. 79. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=_3s3EAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. – Дата доступа: 15.04.2022.

3. Проект «20 идей». Как построить эффективную систему донорства в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/spec/2021/10/13/proekt-20-idei-kak-postroit-effektivnuyu-sistemu-donorstva-v-rossii> – Дата доступа: 15.04.2022.

PUBLIC-PRIVATE FOUNDATIONS OF PUBLIC LAW REALITY

A.A. Bochkov, G.Sh. Bochkova

Keywords: state-legal reality, the state, the essence of the state, the legal system, public law, private law.

The state-legal reality develops within the framework of the legal state and civil society. Its basis is the dialectical unity of public-private elements that ensure the interaction of collective and individual interests. According to Articles 1, 2 of the Constitution of the Republic of Belarus, the Republic of Belarus is a unitary democratic social state governed by the rule of law, where a person, his rights, freedoms and guarantees of their realization are the highest value and goal of society and the state [1, p. 3–4]. The relevance of the topic is related to its theoretical and practical significance, the ongoing changes in the digital society.

The purpose of the article is to analyze the state legal system through the prism of public and private law, their correlation and dynamics.

Material and methods. The article is written on the basis of doctrinal and legislative materials of the Republic of Belarus and foreign countries. Methods: analysis, synthesis, induction, deduction, interpretation of law, legal specification, legal modeling.

Results and their discussion. The State, as a public legal institution, is to ensure common, group and private interests. The question of what appears earlier, the idea of the necessity of the state or the organization itself, has not yet been resolved. According to some foreign authors, the idea of the state is associated with fetishization, mystification of political power, its camouflage.

Statehood is a form and way of civilized existence of a person and society, consonant with its biological, social and psychological nature. The previous history of political and legal thought, modern theory and practice do not offer alternative options for non-state existence.

The collapse of the state will lead to the impossibility of intensive human improvement, since it is the state that provides the best opportunities for their supra-biological development.

Therefore, it can be argued with good reason that the state is a social and cultural “body” of a person, his legal shell of protection and management, a means of realizing his natural inclinations and abilities, creating favorable living conditions.

The nature of the state has an anthropological, cultural and social (legal, democratic, fair) essence.

The state is a political and legal form of society’s existence, a mould, a result of development, a kind of attempt to resolve the contradictions that have arisen. The number of definitions of the concept of “state” includes dozens and even hundreds [2, p. 145]. In this regard, the well-known Austrian jurist L. Gumplovich noted that “there were as many statesmen and philosophers as definitions of the state.”

For Aristotle, Cicero, the state is a universal organization for achieving a common order; for N. Machiavelli, it is a common good that should be obtained from the

fulfillment of real state interests; for T. Hobbes, it is a single person, the supreme ruler, the sovereign, whose will is considered the will of all; for J. Hobbes, it is a single person, the supreme ruler, the sovereign, whose will is considered the will of all; for Locke – the common will as an expression of the prevailing force; for J. Boden – the organization of the supreme political power, which has sovereignty; for I. Kant – is an association of people subject to legal laws; for G.V.F. Hegel – the exercise of freedom and the absolute goal of reason; for G. Kelsen – the normative order; for N.M. Korkunov – the union of free people with compulsory law and order; for B.A. Kistyakovskiy – the legal organization of the people with independent power; for M. Weber – a political institution that implements the monopoly of legitimate physical coercion (violence) on the state territory and against the state people in order to maintain legal order [3, pp. 144–147].

The number of definitions, concepts of the state from the legal fiction, the legal personification of the nation, the political union of people, the state-people, the state-nation, the state-citizens, the state-territorial community, the state-master or servant of society – is numerous [4, pp. 24–32]

Many authors (M.I. Baitin, M.N. Marchenko, T.N. Radko, V.E. Chirkin), considering the state in a broad historical aspect, include class and general social essence in the concept, emphasizing its main purpose for governance in order to ensure the rights, freedoms of citizens, legality, and the rule of law. So, T.N. Radko also highlights the official representation of the interests of the whole society, the monopoly on lawmaking, tax collection, the use of coercion [5, p. 74]. Considering the state in the context of cyclical politogenesis, Professor R.A. Romashov defines it as a form of social organization created for the purpose of regulating relations between people, protecting society from external and internal threats, as well as exercising public political power [6, p. 20]. Professor S.G. Drobyazko defines the state as a universal, the most perfect and most powerful, having a coercive apparatus, a political organization designed to manage society on the basis of law in order to ensure social progress [7, p. 186].

G.F. Shershenevich noted that we should not introduce into the concept of the state something that does not really exist, but at the same time, we should embrace the whole reality, not allowing arbitrary choice. However, any definition of the concept of “state” will be incomplete, since it is not able to absorb all the essential characteristics of the state in various historical epochs.

It is impossible to identify the state only with the state apparatus. The state is a universal organization of society that carries out management on the basis of law, with the help of a special mechanism in a certain territory. It is a political form of a socially organized people, exercising jurisdiction within State borders.

The question of the future of the state, its prospects and contradictions is relevant and does not yet have clear directions. Philosophers believe that the loss of spiritual fulfillment by the state, its transformation into an oligarchic corporation focused on its own ambitions, an indifferent attitude towards the people, a consumer attitude towards neighbors, will inevitably lead to a massive crisis of statehood as a form of anthropological existence of humanity and even its demise.

A divided society is a threat to the national security of the state. It is necessary to agree with the statement that “the state union, which has lost its social foundations, does not contain any internal force and can be supported only by artificial means” [8, p. 114]. At the same time, we are talking not so much about the material, but about the spiritual profitability of the state, following traditions and national peculiarities. A high innovative level of development of the market economy, legality, legitimacy, social orientation, organic unity of the people and the government, the rule of law and civil society, spiritual culture – a prerequisite for the preservation and prosperity of the state. So far, only the potential of statehood (especially in a positive aspect) has been used very little. The state form will be in demand until it has realized its true nature and purpose and a more attractive and ideal form of political organization of the people has been found.

The problem of the essence of the state is ambiguous. From the point of view of V.S. Nersesyants, M.N. Marchenko, S.G. Drobyazko, the essence of the state is the organization of political power (and, according to V.S. Nersesyants, introduced into the legal framework), designed to manage in order to ensure social progress. For V.N. Sinyukov, the essence of the state is a single spiritual and legal community, governed by a single supreme authority and bound by the unity of the lifestyle, culture and historical destiny of citizens.

The state, being the political organization of the whole society, solves both class, group, and general social tasks, and their correlation is historically changing and, as historical progress progresses, it is increasingly filled with general social content. The level of civilization and progressiveness of the state is manifested in the state of political and economic freedom of individuals, the level of their material and cultural well-being. Being a kind of mould of the development of society, a reflection of its essence, the state acts as an integral social institution with its inherent laws and trends.

Thus, the main, fundamental thing in the state is power, its affiliation, purpose and functioning in society. In other words, the question of the essence of the state is the question of who owns state power, who exercises it and in whose interests.

In democratic countries, the State is gradually becoming an effective mechanism for overcoming social contradictions by achieving social compromise rather than violence and suppression. The very existence of the state in our time is connected not so much with classes and class struggle as with general social needs and interests, which implies reasonable cooperation of various, including contradictory, forces. Such a state focuses its activities on ensuring social compromise, on managing the affairs of the whole society. In other words, in a democratic state, its general social essence becomes more significant than the class, elite side.

The essence of a modern social, democratic, rule-of-law state is that it is an instrument for achieving social compromise and consent in a socially heterogeneous society.

The legal system in the broad sense of the word unites everything related to law, namely the integrity of a stable legal consciousness, all legal norms, the form of their expression (sources) and implementation, law-making and law-

implementing procedures that ensure the regulation of public relations along the path of their progressive development.

Professor G.I. Muromtsev includes a set of heterogeneous elements in the legal system: doctrinal-philosophical, or ideological (legal understanding, concept and categories of law, etc.); normative (a set of legal norms in force in society); institutional (legal institutions); sociological (legal relations, application of law, legal practice).

Professor G.A. Vasilevich, taking into account the integral essence of the legal system, identifies its normative, organizational and ideological sides. At the same time, the legal system is considered by him as a set of legal norms, principles and institutions; legal institutions; legal views, ideas and views peculiar to this society.

It is necessary to agree with Professor M.N. Marchenko that any legal system has never been reduced and is not reduced only to a set of legal norms issued or sanctioned by the state. "It also includes legal culture, legal ideology, legal consciousness, legal mentality, legal traditions and customs, and many other components that are directly related not to the state, but to social life, society."

In the general theory of law, the system of law in the narrow sense of the word is understood as the internal structure of law as a set, interaction, unification of its main elements: the norms of law, institutions (subinstitutions) of law and branches (sub-branches) of law. The system of law is an open and closed integrity, which is in a state of rest and mobile equilibrium, manifested at the macro level unchanged, stable, formalized and fixed in the system of legislation, and at the micro level – mobile, dynamic, changeable, clearly responding to the changing needs of society, the state, people.

The core of the legal system is national legal values, ideals, symbols, legal principles arising from the history, culture, traditions, mentality of the people and fixed at the state level primarily in constitutional norms.

It is necessary to agree with Professor V.D. Perevalov that all legal systems of modern positive law are more or less based on natural law, contain natural-legal principles.

The quality of the legal system can be judged by solving the following tasks: 1) how correctly and adequately the legal system expresses the needs and interests of the people, society and the state and whether it is able to respond quickly and adequately to the challenges of the time; 2) how perfect and effective is its legal form; 3) what is the degree of its legality and legitimacy; 4) to what extent it contributes to solving the tasks facing society, especially in terms of building a rule of law state, civil society; 5) whether it is able to ensure, guarantee reliable protection of human rights and freedoms, life, health, honor, dignity and security; 6) how viable it is and whether it has the potential to optimize the fight against negative phenomena; 7) whether it is able to perceive all the best in the world legal experience; 8) what are the main ways of its further development.

The legal system is a complex, multilevel, deterministic and probabilistic integrity. The consistency of law requires the adoption of normative legal acts

based on the objective needs of society, in a complex, in a system, comprehensively, dialectically and logically interconnected.

The legal system includes public and private law. There are about two dozen doctrines of the division of law into public and private. So N.M. Korkunov warned against the opposition of private and public law. He stated that the common interest is a set of private interests [9, p. 166]. The famous French comparativist L. Dugi denied the division of law into public and private. According to his position, there is no right to private property, since property is a social function. This position was also held by the founder of the “pure theory of law” G. Kelsen.

The division of law into public and private is characteristic primarily of the Russian-German legal family. However, there are serious differences within it. For example, in the French legal system, constitutional, administrative, financial and international public law are referred to public law disciplines. Private law includes commercial law, maritime law, civil procedure law, criminal law, labor law, agricultural law, industrial property law, intellectual property law, forestry law, social security law, transport, air law, law regulating relations in the coal industry, international statutory law. So in Germany, public legal disciplines, in addition to traditional ones, include criminal, criminal procedure, civil procedure law, legal norms regulating the relations of the parties arising as a result of bankruptcy, ecclesiastical, “conciliation” law. Paradoxically, labor law does not apply to either public or private law.

The division of law into public and private comes from Roman lawyers. However, even in Roman law, such a division appeared at one of the last stages of its development, in the classical period, when a clear distinction was made between the law of the state, on the one hand, and the law of individuals, on the other hand. The classical distinction between public and private law was given by the ancient Roman lawyer D. Ulpian. For him, public law is that which relates to the position of the Roman state, private law – to the benefit of individuals.

Public law is a set of legal norms of a predominantly imperative nature that establish the interests of the state (constitutional, administrative, criminal, public international law).

Private law is a set of legal norms that protect and regulate the interests of individuals (civil, business, family, labor law). The classics of Marxism linked private law with private property (the rights of the owner), civil society and free will.

Public law protects public state interests and determines the legal status of the State and its organs, while private law protects the private interests of an individual and his relationship with other people. The subject of legal regulation of private law is property relations of a private, property nature, that of public law – non-property.

In private law, the method of coordination, agreement of the parties prevails, in public law – the method of subordination. Private law regulates the relations of individuals among themselves, public law regulates relations of private individuals with the state, or between state organizations. For private law, an individual is an autonomous, independent subject of legal relations, for public law, he is in the sphere of power and subordination.

In reality, there is no absolute public law or private law branch. Public law elements are present in the branches of private law, and vice versa. For example, in family law (private), the public-legal elements include the judicial procedure for the dissolution of marriage, division of property, deprivation of parental rights, recovery of alimony; in land law (private); the public-legal element is the definition of the order of land management, provision, allotment, seizure of land, etc. Public law and private law relations also take place in labor law and social security law.

Each industry has its own combination of these legal techniques. The system of public law includes the following branches of law: constitutional law; administrative law; criminal law; criminal procedure law; civil procedure law; business process; financial law; environmental law; public international law.

The system of private law includes civil law, business law, family law, labor law, private international law.

Conclusion. The dynamic development of the electronic state and the law of the digital society is changing the previous stereotypes of rigid structuring of the state-legal system on public-private grounds. The state-private interest becomes predominant and contributes to the organic unity of the state-civil society, the establishment of direct and feedback links.

Currently, the legal system of the Republic of Belarus is experiencing, on the one hand, the growth of public-legal relations associated with the increasing role of the state and the executive power, on the other hand, the growth of the private legal sphere with civil society strengthening and market relations developing.

The state-legal reality needs a harmonious combination of public and private interests, their coordination with the help of a social democratic state, legal and legitimate law. It is impossible to absolutize (exaggerate or downplay) the role of civil society and the rule of law. They cannot exist without each other, because civil society, controlling the state, does not allow it to usurp political power, and the state, with the help of law, does not allow individual, group egoistic interest to win and reminds them about a social orientation [10, pp. 129-134].

References:

1. The Constitution of the Republic of Belarus: with amendments and additions adopted at the republican referendums of November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022 – Minsk: National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, 2022. – pp. 3-4.
2. Demichev, D.M., The essence of the state / D.M. Demichev, A.A. Bochkov // General theory of law: textbook. – Minsk: Higher School, 2019. – pp. 144-159.
3. Demichev, D.M., The concept of the state / D.M. Demichev, A.A. Bochkov // General theory of law: textbook. – 2nd ed., corr. – Minsk: Higher School, 2022. – pp. 144-147.
4. Tikhomirov, Yu.A. The state at the turn of the century / Yu.A. Tikhomirov // State and law. – 1997. – No. 2. – pp. 24-32.
5. Radko, T.N. Theory of State and law. Definitions / T.N. Radko // Theory of state and law in schemes and definitions: textbook. – Moscow: Prospekt, 2021. – pp. 53-74.
6. Romashov, R.A. The concept of the state in the context of cyclical political genesis / R.A. Romashov // Actual problems of the state and law in a comparative legal aspect: collection of scientific articles / Vitebsk State University editorial board: A.A. Bochkov (ed.) [et al.]. – Vitebsk: Masherov State University, 2021. – pp. 16–23.

7. Drobyazko, S.G. Basic modern approaches in understanding the essence of the state / S.G. Drobyazko // General theory of law / V.A. Abramovich [et al.] under the general editorship of S.G. Drobyazko, S.A. Kalinin. – Minsk, 2014. – pp. 185–186.

8. Chernyavsky, A.G., Sinyaeva, N.A., The modern meaning of understanding the essence and idea of the state / A.G. Chernyavsky, N.A. Sinyaeva // State and Law, 2021. – No. 12. – pp. 109–117.

9. Korkunov, N.M. Private and public law / N.M. Korkunov // Lectures on the general theory of law by N.M. Korkunov, Professor of St. Petersburg University / N.M. Korkunov. – St. Petersburg, 1898. – pp. 165–183.

10. Bochkov, A.A. Dialectical interaction of the rule of law and civil society / A.A. Bochkov // Actual problems of state and law in a comparative legal aspect: collection of scientific articles / Vitebsk State University editorial board: A.A. Bochkov (ed.) [et al.]. – Vitebsk: Moscow State University named after P.M. Masherov, 2021. – pp. 129–134.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Е.В. Бошук

Ключевые слова: следственный эксперимент, следственные действия, участники следственного эксперимента, процессуальная регламентация, подготовка к проведению следственного эксперимента, порядок проведения следственного эксперимента, экспериментальное исследование.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает организацию и проведение следственных действий, основное предназначение которых заключается в подтверждении объективной возможности возникновения и развития конкретных событий, наступления определенных последствий, что облегчает процесс раскрытия преступлений в сжатые сроки.

К числу важнейших следственных действий следует отнести следственный эксперимент, который способствует установлению истины по уголовным делам. В правоприменительной практике достаточно распространены случаи, при которых объективные проверка и оценка полученных доказательств возможны только в условиях проведения следственного эксперимента.

Актуальность данной темы состоит в том, что большое значение в достижении целей раскрытия преступлений имеет профессиональное и грамотное проведение следственного эксперимента. Но для того, чтобы следственный эксперимент произвести правильно, необходимо разбираться в его характерных особенностях. Неправильное толкование норм права и ошибки при производстве следственного эксперимента могут привести к тому, что затрудняется, а иногда и полностью утрачивается возможность следователя выявить необходимые факты и обстоятельства.

Целью данной темы является исследования уголовно-процессуальных основ следственного эксперимента, а также выявление проблем и

вынесение предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Материал и методы. Нормативную правовую основу составили Конституция Республики Беларусь, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, иные акты законодательства; теоретическую основу составили работы ученых в области уголовного процесса, посвященные рассматриваемой проблематике. Для написания работы использованы общенаучные методы исследования, а также ряд частно-научных методов познания: сравнительно-правовой, описательно-аналитический, системно-структурный анализ.

Результаты и их обсуждение. Согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда [1].

Существенное значение в достижении целей раскрытия преступления имеет грамотный подход к проведению следственного эксперимента. Это сложное следственное действие, которое требует от следователя тщательной детальной подготовки, только в таком случае можно гарантировать результативность проведения следственного эксперимента. Основанием проведения следственного эксперимента является наличие достаточных данных полагать, что в ходе проведения следственных действий могут быть проверены, выяснены и уточнены обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Проведение следственного эксперимента состоит из подготовительного и рабочего этапов. Следователю предоставлена достаточная свобода в выборе форм, методов и приемов подготовки и проведения следственного эксперимента, однако действия следователя имеют определенную процессуальную регламентацию. Для правильного и эффективного проведения следственного эксперимента необходимо доскональное изучение уголовно-процессуального законодательства, а также правоприменительной практики.

В соответствии с ч. 1 ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе провести следственный эксперимент путем воспроизведения действия, обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляется последовательность произошедшего события и механизм образования следов [3].

Уголовно-процессуальный закон определяет право проведения следственного эксперимента не только за следователем, но и за судом.

Согласно ст. 341 УПК следственный эксперимент проводится судом с участием сторон, а при необходимости - и с участием свидетелей, эксперта и специалиста с соблюдением правил, предусмотренных статьей 207 УПК.

О проведении следственного эксперимента суд выносит определение (постановление) [3].

Следует отметить, что следственный эксперимент используется при расследовании преступлений не часто, так как для его проведения необходимо использовать определенные материальные и технические средства, а также привлекать значительное количество участников.

В соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК в случае необходимости к участию в следственном эксперименте могут привлекаться подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, специалист, эксперт и лица, проводящие опытные действия с их согласия. Участникам следственного эксперимента разъясняются его цели и порядок проведения [3].

На практике при толковании ст. 207 УПК возникают проблемные ситуации: проведение следственного эксперимента зачастую сводится к воспроизведению действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события, а не к экспериментальному исследованию подобных действий, обстановки, обстоятельств определенного события, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Ошибки и неточности при проведении следственного эксперимента возникают из-за отсутствия в уголовно-процессуальном законодательстве точного перечня обязательных действий, которые необходимо выполнить при организации и производстве следственного эксперимента, а также перечня обязательных документов по итогам проведения данного следственного действия.

Таким образом, следователь подготавливает и проводит следственный эксперимент по своему усмотрению, так как отсутствует точная регламентация действий следователя. Кроме того, при проведении следственного эксперимента следователь пользуется правами, предусмотренными общими нормами УПК, но права и обязанности других участников следственного эксперимента определены недостаточно четко.

Следовательно, в УПК необходимость указать конкретные действия следователя при проведении следственного эксперимента, так как от этого будет зависеть результат следственного эксперимента, а также безопасность участников и соблюдение их прав.

Еще одна проблема возникает при проведении следственного эксперимента в жилом помещении.

В соответствии с ч. 1-1 ст. 207 УПК следственный эксперимент в жилище и ином законном владении проводится только с согласия собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц либо по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя, которое должно быть предъявлено до начала следственного эксперимента, и с участием понятых либо с применением звуко- и видеозаписи [3].

Положение ч. 1-1 ст. 207 УПК позволяет проводить следственный эксперимент в жилище и ином законном владении без согласия собственника при наличии санкции прокурора или его заместителя. Но в таком случае

возникает не соответствие норма Уголовно-процессуального закона и Конституции Республики Беларусь, что требует уточнения и урегулирования.

Заключение. Таким образом, для эффективного проведения следственного эксперимента в уголовно-процессуальном законодательстве должна быть четко регламентирована процедура подготовки, проведения и последующего документального оформления следственного эксперимента. В связи с этим предлагается внести изменения и дополнения в ст. 207 УПК Республики Беларусь, в которой будут детально регламентированы цели, организация и производство следственного эксперимента, а также права и обязанности участников следственного эксперимента. Также целесообразно скорректировать и утвердить перечень обязательных действий при подготовке и проведении следственного эксперимента, которые следователь будет обязан выполнять в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года № 2875-ХІІ: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Респ. Беларусь 16.07.1999 № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 года: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 года: текст Кодекса по состоянию на 26.05.2021 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурсы] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ПРАВОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ (ЭТНИЧЕСКОЙ) ОБЩНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ЕЕ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

С.Г. Голенок

Ключевые слова: этническая самобытность, этническая самоидентификация, этническая группа, культурная самобытность, правовая идентичность, законный интерес.

Генеральная цель исследования заключается в выявлении оснований правовой идентификации этнической общности в целях обеспечения ее законных интересов.

Актуальность работы продиктована несовершенством российского законодательства в части формирования и реализации механизма правовой идентификации интересов территориальной общности, которые приводят к нарушению прав и свобод граждан России.

Анализ норм законодательства и его реализации позволил автору продемонстрировать проблемы обеспечения законных интересов территориальных (в том числе этнических) общностей, проживающих в Республике Карелия,

определить факторы утраты этнической самобытности и принципы выявления и закрепления их законного интереса и попытаться сформулировать условия эффективной правовой политики в рассматриваемой сфере регулирования.

Самобытность этноса проявляется в особых, свойственных только социально-этнической общности людей чертах, позволяющих их отличить от других социальных групп.

Особенность эта выражается в совокупности достаточно стабильных, исторически – устойчивых культурно-знаковых элементов: языке, национальных обрядах и ритуалах, сопровождающих обычаи и традиции, ремесленничестве и народном творчестве, предметно-бытовой культуре (одежда, обувь, посуда, кухня и пр.), психологическими феноменами.

Предпосылками, порождающими этническую самобытность, является весь исторический путь этноса, компактно проживающего на локальной территории, объединенного общностью языка, состоянием экосистемы, особенностями деятельности (ремесло), его многовековой жизненный опыт, связи с другими социальными группами, их длительность и интенсивность (е естественно-социальный процесс). При этом, любой «иноэтнический» опыт, приобретенный в результате межэтнического общения, становится частью национальной жизни данного народа, обогащая его национально-этнические черты (рационально-организованный). *Таким образом, этническая (национальная) самобытность – объективное свойство любой социальной этнической группы, результат ее естественного (природного, хаотичного) и внешнего (организованного, рационального) развития.*

Так, на территории Республики Карелия проживают такие коренные народы, как карелы, русские, вепсы. Центры локального проживания карелов расположены в Олонецком, Суоярвском, Пряжинском, Кондопожском, Калевальском районах, вепсов – в Прионежском районе.

Старинными карельскими поселениями признаны поселок Вешкелица Суоярвского района (65 % карел), поселок Ильинский Олонецкого национального муниципального района (60 % карел), в поселке Кончезеро Кондопожского района проживают карелы-людики, в поселке Чална Пряжинского национального района – ингермаландцы. Вепсы традиционно проживают в южной части Прионежского района (в поселках: Шокша, Шелтозеро, Рыбрека). Территориальная локализация указанных этнических поселений сложилась исторически в ходе развития особого хозяйственного уклада на основе традиционных форм деятельности (как правило, кустарного ремесла, натурального и мелкотоварного производства: рыболовства, охоты, надомного прядения, ткачества, вышивки, резьбы и росписи по дереву, соломоплетения и пр.). Богатое фольклорное наследие карел и вепсов, бытовые (семейных) обрядовые действия (свадебные, родильные, похоронные), продолжающееся общение населения (как правило, пожилого возраста) на карельском, вепском языках (или их диалектах) говорят о длительной сохраняемости уникальных этнических групп в Республике Карелия.

Однако, этническая самобытность находится в постоянном движении. Как и любое явление, оно развивается, обогащается, главным образом, в ходе межэтнического общения и взаимовлияния. В результате этого процесса некоторые черты и стороны национально-самобытного могут становиться общими и для других народов, т. е. интернациональными. Вместе с тем, отдельные элементы национально-особенного не выдерживают испытания временем, становятся архаичными, не отвечают новым, изменившимся условиям жизни народов и «отмирают». Так, последние исследования подтверждают, что молодежь этнических районов республики Карелия все чаще покидает родные места, и только около трети опрошенных учащихся школ владеют навыками традиционных народных промыслов.

Среди причин утраты этнической самоидентификации молодежью ярко выраженными можно считать следующие: глобализация рынка образования, приводящая к оттоку молодежи в другие регионы России, миграции в зарубежные страны; неустойчивость развития системы этнокультурного образования в переходный период внедрения в образовательный процесс новых образовательных стандартов; отсутствие устойчивой политики в рамках концепции сохранения и развития коренных малочисленных народов на федеральном и субъектном уровне в Российской Федерации; несформированность нормативных основ по вопросам этнокультурного образования и развития этносов, четких механизмов защиты прав этнических групп населения; сокращение численности прибалтийско-финских народов, вызванное, в том числе, нарастающими процессами ассимиляции и глобализации; не востребованность языка и культуры этносов в экономике региона, как следствие, снижение общего уровня знаний населения в области карельского, вепсского, финского языков и культур.

Вопрос о значении самобытности народа (этноса) и его сохранении порождает проблематику в установлении степени «абсолютизации» ее идеи либо отказе от нее.

Сама собой этническая (национальная) самобытность не может отгораживать один народ от другого. Наоборот, «чем более национально-самобытным является народ, чем ярче он играет многоцветием красок», тем больший интерес вызывает к себе у других народов. Именно в национальной самобытности заключена «самоценность» любого народа [4; с. 444–484]. Внимательное, бережное отношение к национальной самобытности – неперемнное условие стабильности межнациональных отношений, сближения и взаимообогащения народов.

Ее крайностью признается абсолютизация идеи национальной самобытности. Историческая практика неоднократно доказала, что абсолютизация национально-специфического ведет далее к самоизоляции народа (этноса), лишает нацию взаимобмена лучшими достижениями и в конечном итоге обедняет национальную культуру и в целом духовную жизнь народа.

Следует также отличать этническую самобытность от внешних динамичных условий существования этнической группы, таких как

материально-технические основы развития народа, его социальной инфраструктуры, политических факторов и прочее.

Этнические особенности, составляющие содержание самобытности, в большей степени проявляются и фиксируются в духовной сфере жизни народа: в обычаях, диалектах, обрядах, жилище, домашней утвари, одежде, привычках и т. п.

Именно относительная самостоятельность и преемственность специфических этнических черт обуславливает возможность сохранения этноса на протяжении длительного времени. Именно этнические особенности характеризуют национальный облик народа, что придает ему особый колорит и уникальность.

Проблема культурной самобытности многогранна и многоаспектна. В феномене этничности выделяется понятие идентичности, которое коррелирует с понятием «этническое самосознание».

Этническое самосознание выражается, прежде всего, в соотношении этнической группы, его членов с другими этносами, в результате которого формируются образы «своего» (похожего, близкого по признакам этноса, группы) и «чужого» (другого, противоположного, отличающегося чем-то).

Одним из проявлений подобного осознания является феномен представлений о типичных чертах, характеризующих тот или иной народ. Так, выражения «широкая русская душа», «кавказский темперамент», «восточная неторопливость», «нордичность северянина» – являются воплощением известных культурных стереотипов, которые порой служат источником этнонациональных предубеждений и предрассудков.

В некотором смысле, этнос характеризуется существованием «жестких культурных и социальных механизмов интеграции», которые и обуславливают стремление личности видеть основную ценность «в своем растворении в сообществе», поэтому древнейшее деление на «своих», воплощающих добро, и «чужих», отождествляющихся со злом, остается «основанием этнокультурных идентичностей» и «выплескивается» при конфликтных ситуациях.

Проблема определения культурной самобытности народов Севера России связана со спецификой российской цивилизации, и, прежде всего, с ее полиэтничностью, которая характеризуется с одной стороны, «разновозрастностью» различных этносов (сохранились и автохтонные общности, и содружества этносов), с другой стороны, наличием доминирующего «цивилизациообразующего» этноса, основного исторического носителя государственности – русского.

В частности Н.Я. Данилевский определил российскую цивилизацию как «славяно-русский тип, характеризующийся такой своеобразной чертой, как терпимость и прирожденная гуманность» [1; с. 57], которая сформировалась благодаря восприятию и включению в сознание доминирующего этноса социокультурных оснований, исторически ему не принадлежавших, обладающих собственной культурной самобытностью.

Именно поэтому в России существует доминирующая культура, которая, не является единственной, исключая все остальные.

Несомненно, важнейшую роль в объединении столь разных по культурным и ментальным особенностям народов в России играет государство, обеспечивающее их социальное и политическое единство.

Отличительной чертой российской государственности является ее многонациональность, предполагающая не соперничество народов и их столкновения и конфликты по поводу создания собственных моноэтнических государств, а сотрудничество этносов в рамках общего государства, обеспечивающего им не только равноправное сосуществование, но и «равномерное цивилизационное развитие».

По мнению В. Соловьева, Россия представляет собой единую и великую державу, созданную «не ради материального существования народов, а ради их достойного существования в соответствии с высшей моральной идеей» [3; с. 557].

Одной из важнейших проблем, связанных с определением содержания самобытности этносов в России, является правовое закрепление их статуса с целью реализации прав народов на самобытность в рамках общенационального пространства. Это вызывает необходимость определения факторов сплочения и дифференциации этнических общностей.

Среди основных факторов сплоченности этнокультурной общности, а значит, защищенности их прав выделяют язык общения, историческую судьбу, единые традиции и обычаи, образ жизни, государство.

К дифференцирующим факторам относят различия в обычаях и традициях, особенности поведения в быту, общении, локальность среды жизнедеятельности.

Юридическим средством обеспечения потребности существования и развития отдельной этнической общности и ее сосуществованием с иными социальными группами является категория ее законного интереса, который является основой для формирования должной государственной политики.

Посредством законодательства государство закрепляет правовые возможности самобытной этнической общности действовать определенным образом, закрепляет правовой статус субъектов (к примеру, коренных малочисленных народов Севера), формируя условия для активного использования ими «особых» прав, определяя средства их защиты. Так формируются специальные блага для определенной группы людей, которые обеспечивают сохранение и развитие рассматриваемых социальных групп (условия дифференциации).

В целом необходимо признать, что механизмы правовой идентификации территориальных обществ в российском законодательстве далеки от совершенства. Наиболее эффективной их моделью может стать введение четких критериев оценки законных интересов территориальных общностей в рамках последовательной реализации конструкции по их выявлению и закреплению: «доступность информации» – «диалог с жителями» – «правовое

консультирование» – «принятие конструктивного решения» на основе консенсуса сторон, основанного на учете законного интереса населения (факторы сплочения).

Таким образом, законный интерес этнической общности, выраженный в законодательстве, действительно должен выступать основанием идентичности как способ «закрепления и воспроизводства» дифференциации положения людей [2]. При этом феномен правовой идентичности одновременно должен реализовывать и консолидирующую роль общностей в целом.

Эффективное обеспечение права народов на самобытность и самоидентичность в правовой политике государства может быть достигнуто в условиях, когда его институты способны уравнивать различные общественные интересы в рамках всеобщих национальных в сложном процессе правового общения с субъектами, реализующими свой законный интерес на локальных территориях проживания этнических групп.

Список использованных источников

1. Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». М., 2013, 288 с.
2. Исаева Н.В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) / Исаева Нина Владимировна: дис. д-ра юрид. наук. Москва, 2014, [Электронный ресурс] / URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovaja-identichnost.html>.
3. Соловьев В.С. Собр. соч. В 2 т. М., Феникс, Т.2, 1990, 713 с.
4. Трофимов В. В. Методология исследования правообразования // Современные методы исследования в правоведении/под ред. Н. И. Матузова, А.В. Малько. Саратов : СЮИ МВД России, 2007, 560 с.
5. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М : Республика, 2001, 544 с.
6. Тавадов Г.Т. Этнология Учебник для вузов. М.: Проект, 2002, 352 с.
7. Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006 С. 151–152.
8. Честнов Л. И. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации //www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2009_Sbornik. С.415

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.А. Грачева

Ключевые слова: смарт-контракты, блокчейн, предпринимательская деятельность.

Смарт-контракты – это та технология, которая уже незаметно внедряется в нашу жизнь. Именно она позволяет устранить лишних посредников и повысить уровень прозрачности процессов в различных направлениях работы предприятий и организаций. Концепция смарт-контрактов разработана еще в девяностых годах прошлого века американским ученым Ником Сабо. Сущность ее заключается в использовании специального программного кода

с автоматическим исполнением, независимым от желания того или иного лица. Однако практическая реализация данного изобретения была практически невозможна. Это стало возможным после того, как был изобретен блокчейн. Эта технология позволяет не только сохранять транзакции, но и проводить их автоматическую обработку при сохранении некоторой логики.

Изобретение технологий блокчейна привело к изменению всего криптографического пространства. Главными особенностями этой технологии являются простота, децентрализация, высокий уровень безопасности и неизменность. За счет этих качеств обеспечена высокая популярность метода. Однако особый интерес общества к технологии обусловлен возможностью работы без посредников в финансовых транзакциях. Это обеспечено за счет использования смарт-контрактов, которые дают возможность экономии времени и ускорения осуществления транзакций при росте рентабельности и эффективности. [7].

Под смарт-контрактом понимается особый компьютерный протокол, с помощью которого проверяются или исполняются условия цифрового контракта. Термин был предложен Ником Сабо в 1994 году. Это американский криптограф и ученый, работающий в области компьютерных технологий.

За счет использования смарт-контрактов у людей появляется возможность безопасного использования собственных активов в экосистеме блокчейна, свободной от конфликтов. Создание и использование смарт-контрактов предусмотрено верхней частью блокчейна. Иначе можно сказать, что смарт-контракт представляет собой цифровую версию реально заключенного традиционного контракта [6].

Смарт-контракт может быть сравнен с торговым автоматом. Цифровые монеты отправляются в смарт-контракт, а он, соответственно, представляет ожидаемый результат. Для реального мира смарт-контракт может быть представлен в качестве услуги адвоката или нотариуса, однако главным отличием здесь является повышенная скорость совершения сделки. [9].

Смарт-контракты характеризуются полной автономией, возможностью работы без участия человека при обеспечении выполнения всех предусмотренных обязательств. Также возможно указание на штрафные санкции в случае, если договор не будет исполнен полностью. Смарт-контракт – это технология, которая способна улучшить этот мир.

Использование смарт-контрактов обладает множеством преимуществ. В условиях постоянной цифровизации всех процессов смарт-контракты становятся незаменимыми. Именно они способны обеспечить исполнение всех обязательств лучше, чем возможно при физической реализации [10].

1) Безопасность.

Смарт-контракты реализуются в максимально безопасной среде, обеспечивающей хранение документации и всей информации по сделке. Существующие технологии не способны взломать смарт-контракт. Правильное создание и реализация смарт-контракта опытным программистом

гарантирует максимальную надежность. Эксперты признают, что надежнее этой технологии для хранения информации еще не изобретено.

2) Отсутствие простоев и пауз в деятельности.

Функционирование смарт-контракт не требует присутствия человека, его работа происходит в автономной среде. Так, в реальности адвокат или брокер не могут работать круглосуточно, поэтому получение необходимой услуги возможно только в рабочее время. Смарт-контракты не требуют перерывов и отдыха. Они работают круглосуточно и без выходных. Для исполнения смарт-контракта не требуется участие третьих лиц, только те, кто напрямую участвует в сделке.

3) Быстрое осуществление транзакции.

Реализация смарт-контракта предусмотрена в цифровом варианте. Программный код обеспечивает автоматическую обработку всех задач, это служит экономии времени. Для того, чтобы смарт-контракт был исполнен, нет необходимости в контроле человека, даже в присутствии контролирующего лица. А ведь именно это является главным фактором замедления осуществления контрактов в реальности. Таким образом, именно с помощью смарт-контрактов обеспечивается оптимально быстрая скорость проведения транзакций, в которых нет необходимости привлечения посредников.

4) Отсутствие комиссий.

При привлечении в сделку брокера или любой другой третьей стороны необходима уплата комиссионных сборов. Использование смарт-контрактов исключает этот неприятный момент. Нет необходимости в привлечении посредников и выплаты им комиссий. Отсутствие посредников обеспечивает снижение уровня дополнительных затрат. Смарт-контракты обеспечивают значительную экономию средств как для физических, так и для юридических лиц.

5) Отсутствие ошибок.

При ручной обработке документов возможно появление ошибок. В случае использования грамотно созданного смарт-контракта ошибки при исполнении поставленных задач полностью исключены. Но это обеспечивается только при создании смарт-контракта опытным специалистом. Новичок может допустить ошибку при составлении смарт-контракта, поэтому организации предпочитают работать с опытными специалистами, имеющими множество кейсов. Также следует отметить факт того, что смарт-контракты с открытым исходным кодом подвергаются независимому аудиту. [5].

Таким образом, смарт-контракты обладают множеством преимуществ, однако при этом они не лишены и недостатков. Некоторые пользователи могут счесть их несущественными, для других – это важные моменты. Однако все равно следует признать, что преимущества более вески и существенны. Отметим и тот факт, что все выявленные недостатки могут быть преодолены при правильной организации работы со смарт-контрактами [4].

1) Конфиденциальность.

Не все смарт-контракты способны в полной мере обеспечить конфиденциальность участия. Эта проблема присуща самим блокчейнам ввиду их полной прозрачности. Это обеспечивает и прозрачность смарт-контракта. Однако имеются блокчейновые платформы, на которых возможно создание частных смарт-контрактов, обеспечивающих полную конфиденциальность сторон. Среди них отметим, например, платформу *Hyperledger*.

2) Ошибки в коде.

Смарт-контракты характеризуются высоким уровнем защищенности и надежным кодированием. Однако в случае ошибки программистов, создающих смарт-контракт, может появиться возможность его взлома и даже блокировки средств или файлов, загруженных в контракт. Это – одна из важнейших причин, по которым работу со смарт-контрактом следует доверять только опытным специалистам в области программирования.

3) Мошеннические контракты.

При наличии ошибок кодирования при создании смарт-контракта возможно их использование хакерами в свою пользу. Результатом этого может стать переписывание контракта. Более того, были отмечены случаи, когда ошибки в контракте допускались специально с целью доведения одной из сторон до убытков при проведении сделки. В случае компроментации смарт-контракта хакером возможно совершение любых незаконных действий.

Подводя итог, необходимо отметить, что смарт-контракты представляют собой программный код, который работает в реестрах блоков транзакций (блокчейн), иных распределенных информационных системах. Целью их использования является автоматизация совершения и исполнения сделок.

Финансовые организации в первую очередь заинтересованы в том, чтобы активно использовать смарт-контракты, так как за счет этого возможно значительное повышение эффективности деятельности и сокращение значительной доли расходов за счет того, что процедуры заключения и исполнения договоров банка будут автоматизированы.

Для того, чтобы механизм смарт-контрактов был запущен, необходима разработка некоторого количества унифицированных несложных договоров, в соответствии с которыми продаются товары и оказываются услуги. Такие договоры дадут возможность проведения мониторинга и сбора статистики по выявленным проблемам в данной области при работе по договору [5].

Смарт-контракты дают возможность торговли активами, недвижимостью, ценными бумагами или любыми другими предметами. Их работа довольно проста и не требует привлечения посредников. Использование смарт-контрактов позволяет исключить необходимость привлечения адвокатов или брокеров, что влечет за собой существенную экономию финансовых ресурсов [8].

Главной целью использования смарт-контрактов является значительные улучшения в области ведения бизнеса и проведения сделок. За счет их

использования повышается уровень прозрачности сделок, которые легко отслеживаются. При этом исключена их обратимость внутри блокчейна. Все эти особенности работы в рамках смарт-контрактов повышает их привлекательность и эффективность.

Следует отметить, что смарт-контракты имеют и некоторые недостатки, однако значительная часть их может быть решена за счет привлечения опытных программистов к процессу разработки программного кода смарт-контракта. Безусловно только одно – внедрение смарт-контрактов в обычную бизнес-практику приведет к существенному улучшению жизни, повышению уровня безопасности и надежности работы в цифровом пространстве. Продолжение развития и совершенствования смарт-контрактов уже неизбежно.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32.
2. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» (от 14.09.2019) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
3. Указ Главы УР от 31.03.2020 № 74 «Об утверждении Концепции цифрового развития экономики Удмуртской Республики в рамках национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" на 2019 – 2024 годы» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
4. Указ Губернатора Иркутской области от 29.04.2020 № 124-уг «Об утверждении схемы и программы развития электроэнергетики Иркутской области на 2021 – 2025 годы» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
5. Заключение Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству от 03.04.2018 № 3.8/522 «По проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
6. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2020 по делу № 2- 1300/2019 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
8. Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 24.12.2020 № 428 «О совершении и (или) исполнении юридически значимых действий посредством смарт-контрактов» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
9. Макаёв Н.В. Смарт-контракты в Беларуси, или Что? Где? Когда? // Промышленно-торговое право. 2018. № 03.
10. Сафаревич Д.З. Смарт-контракты в современных реалиях (по состоянию на 27.05.2020) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
11. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года) (утв. Банком России) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ

П.Д. Дашкевич

Ключевые слова: изнасилование, уголовная ответственность за изнасилование, Законы Хаммурапи, Законы Ману, договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, Польская Правда, Статуты ВКЛ, уголовный кодекс БССР, уголовный кодекс Республики Беларусь.

На всех этапах становления и развития человеческого общества половые преступления, в частности изнасилования, представляли огромную опасность, которые влекли за свое совершение различные наказания, назначаемые в соответствии с существующим законодательством. При этом законодательство, предусматривающее ответственность за совершение изнасилований, на протяжении всего времени развития общества постоянно претерпевало изменения. Это было вызвано тем, что преступления изучаемой категории посягали не только на половую свободу и неприкосновенность взрослой потерпевшей, но и на нормальное нравственное и психическое развитие несовершеннолетней девушки. Поэтому выявление особенностей генезиса нормы, устанавливающей ответственность за совершение изнасилования, является одним из условий для ее совершенствования в современном уголовном законе, что и определяет ее актуальность и представлено основной целью исследования в настоящей статье.

Материал и методы. Материалом исследования являются национально-правовые исторические источники, устанавливающие нормы уголовной ответственности за половые преступления. В работе использовались такие методы исследования, как анализ, синтез, сравнительно-правовой метод.

Результаты и их обсуждение. Впервые об уголовной ответственности за изнасилования упоминается в Законах Хаммурапи. Согласно п. 130 *«Если человек изнасилует жену человека, не познавшего мужчину и живущую в доме своего отца, и возляжет на ее лоно, а его схватят, то этого человека должно убить; эта женщина остается свободной от ответственности»* [1, с. 33]. Толкуя данную норму, следует отметить, что устанавливается особая ответственность за изнасилование, когда потерпевшая на момент совершения преступления является девственницей и проживает в отцовском доме, т.е. по сути находится под опекой и властью отца. Лицо, посягающее на половую неприкосновенность женщины, должно быть поймано с поличным, т.к. данное обстоятельство является первостепенным доказательством его вины. Наказание за совершение подобных действий устанавливается законами Хаммурапи в качестве смертной казни. Иной альтернативы в качестве наказания не предусмотрено.

Законы Ману, являющиеся основным источником права в древней Индии, в разделе VIII раскрывают понятие ответственности за изнасилование

несколько иным образом. *Так, если кто обесчестит девушку против ее воли, тот немедленно подлежит телесному наказанию: но человек, обесчестивший с ее согласия, не подлежит телесному наказанию, если он равен ей* [1, с. 117]. Данной нормой предусматривается отличительный признак объективной стороны преступления – половой акт должен быть сопряжен с применением насилия. Наказание же за изнасилование представляется в виде избияния палками, либо, при наличии циничности и низменности способа совершения изнасилования, отрезания двух пальцев и крупного штрафа семье потерпевшей [1, с. 117].

В эпоху средних веков, ответственность за изнасилования, впервые на территории белорусского региона, определялась договором Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 года, при этом нормы указанного договора также действовали одинаково как на территории Смоленска, так и на немецкой земле. Так, согласно требованиям статьи 12 договора, если изнасилование совершалось в отношении свободной девушкой и до этого *«не слышати было блядне ее»*, т.е. последняя была девственницей и незамужней, то на виновное лицо в качестве наказания налагался штраф в размере 5 гривен. Если же потерпевшая от изнасилования была либо замужней, либо же не девственницей на момент совершения преступления, т.е. когда *«будеть на ней первее сором»*, то размер штрафа снижался до 1 гривны серебра *«за сором и насилие»*. Если же преступное посягательство осуществлялось в отношении рабыни, то штраф представлялся в виде 1 гривны серебра ее хозяину также *«за сором и насилие»*. В дополнение отметим, что данные нормы [2, с. 37–38].

Обращаясь к великим историческим памятникам права, сборникам норм эпохи средневековья, статутам Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов, следует особо отметить, что это единственные источники того времени, в которых четко определены основания и условия привлечения к уголовной ответственности за изнасилования, в том числе имеется детальное описание объективной стороны преступления, а также основания освобождения от уголовной ответственности за изнасилование.

Так, к примеру, по статуту 1588 года четко установлено, что если кто изнасилует девушку или порядочную женщину, независимо от ее происхождения и рода, и она во время совершения нападения активно оказывала сопротивление, в том числе звала на помощь, *«волала гвалту»*, и на эти крики бежали люди, то по установленному порядку, потерпевшая обязана была предъявить следы совершенного нападения, *«светками знаки гвалту присветчить»*, засвидетельствовав их предварительно показаниями трех понятых, и указать на суде на лицо, в присутствии тех же трех понятых, которое ее изнасиловало, причем показания потерпевшей должны были сопровождаться клятвой о правдивости произнесенного ею. За подобные действия устанавливалось наказание в виде *«карания горлом»*, т.е. в виде смертной казни. В дополнение потерпевшей полагалось возмещение причиненного вреда за счет собственности лица, виновного в совершении преступления [3, с. 282–283]. Наряду с этим, частью 2 статьи 12 статута 1588 года также определяются условия

привлечения виновного лица к ответственности. Так, если при осуществлении изнасилования женщины или девушки, потерпевшая активно сопротивлялась, звала на помощь, но на ее крики никто не пришел, и ей впоследствии удалось убежать, то она также должна была доказать насилие, примененное к ней, в том же порядке как сказано выше, т.е. с самоличным обнаружением, изъятием и фиксацией следов преступления, которые свидетельствовались понятиями, с последующим предъявлением их в суде в качестве доказательства. Только в таком случае виновный мог быть подвергнут высшей мере наказания – смертной казни [4, с. 282–283].

В эпоху Нового времени первым и фундаментальным уголовным законом, устанавливающим ответственность за изнасилование, были «Воинские артикулы Петра I 1715 года».

Так, изнасилование по воинским артикулам – это насильственный половой акт с женщиной независимо от ее возраста (*«старая или молодая»*), семейного положения (*«замужняя или холостая»*), места совершения посягательства (*«в неприятельской или дружеской земле»*). Отдельно законодателем выделялись лишь такие признаки объективной стороны преступления, как изнасилование *«честной жены, вдовы или девицы»*, причем значения не имело, была ли она обручена и находилась ли она *«под волей отца»*.

Основопологающим условием для привлечения виновного лица к уголовной ответственности за изнасилование было наличие достаточных доказательств, которые получались путем *«освидетельствования»*, проводимого судьей. Так, в качестве доказательства вины выступали: наличие разрывов одежды потерпевшей или виновного в преступлении лица; наличие *«синевы или кровавых знаков»* на теле потерпевшей или виновного, т.е. объективно установленных телесных повреждений независимо от степени их тяжести; наличие *«жалобы»*, в современном понимании заявления, потерпевшей, поданной в ближайшее время после изнасилования, при этом под *«ближайшим временем»* законодатель определяет срок в одни сутки после совершения преступного посягательства. При пропуске этого срока заявление не принималось и делался обоснованный вывод о том, что потерпевшая *«сама к преступлению тому охоту имела»* [5, с. 181].

Наступление XX века в уголовном праве связано с введением в действие Уголовного уложения 1903 года. В нем, касательно половых преступлений, содержится несколько составов, в том числе установлена ответственность за изнасилование. Под изнасилованием понимался насильственный половой акт с женщиной. Квалифицирующими признаками по данному составу выделялись такие, как совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица или лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного [6, с. 10].

В новейшее время, время интенсивной кодификации норм уголовного права, ответственность за изнасилования устанавливалась такими

уголовными законами, как Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 годов, Уголовный кодекс БССР 1960 года и УК Республики Беларусь 1999 года.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года в главе «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» – содержался раздел «О преступлениях в области половых отношений».

Изнасилование по данному кодексу определялось как половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица. В качестве квалифицирующего признака в данном уголовном законе предусматривалось такое обстоятельство, при котором после совершения изнасилования потерпевшая совершала самоубийство [6, с.10]. Наказание за совершение преступлений названной категории устанавливалось в виде лишения свободы на различные сроки.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года законодатель изменил формулировку изнасилования, определив его как половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица. В то же время законодателем был расширен круг отягчающих вину обстоятельств, которыми являлись: не достижение потерпевшей возраста половой зрелости; изнасилование «несколькими лицами», т.е. группой лиц [6, с.11].

Уголовные кодексы БССР 1922 и 1928 годов, а также уголовные законы иных союзных республик СССР, базировались на тех же основах и принципах, что и уголовные законы РСФСР 1922 и 1926 годов, вплоть до одинаковых формулировок диспозиций статей, одинаковых квалифицирующих признаков, а также видов и размеров наказаний, что обусловлено единством и целостностью административно-территориальных единиц государства СССР.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года и Уголовном кодексе БССР того же года под изнасилованием, в статье 115, понималось половое сношение с применением физического насилия, угрозы его применения или с использованием беспомощного состояния потерпевшей. В качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков данного преступления выделялись такие как: изнасилование лицом, ранее совершившим такое преступление; изнасилование, совершенное группой лиц; изнасилование несовершеннолетней; изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом; изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия; изнасилование малолетней, т.е. лица, не достигшего на момент совершения преступления возраста 14 лет.

Наказание за совершение данного преступления устанавливалось законодателем на довольно таки суровом уровне. Так, за простое изнасилование наказание представлено в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет. В то же время по ч. 2 ст. 115 (признак повторности) предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет; по ч. 3 ст. 115 (изнасилование, совершенное группой лиц и изнасилование несовершеннолетней) – наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет; по ч. 4

ст. 115 (изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом, повлекшее особо тяжкие последствия, изнасилование малолетней) – исключительно лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки, либо смертная казнь [6, с. 71].

По Уголовному кодексу Республики Беларусь 1999 года под изнасилованием понимается половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Квалифицирующими признаками данного состава преступления являются: изнасилование, совершенное повторно; изнасилование заведомо несовершеннолетней.

Особо квалифицирующими признаками изнасилования по Уголовному кодексу Республики Беларусь 1999 года являются: изнасилование заведомо малолетней; изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо заражение ВИЧ-инфекцией, либо иные тяжкие последствия.

Наказание за изнасилование по ч. 1 ст. 166 УК Республики Беларусь представлено в виде ограничения свободы на срок до 4 лет или лишения свободы на срок от 3 до 7 лет; по ч. 2 – лишение свободы на срок от 5 до 13 лет, а по ч. 3 – лишение свободы на срок от 8 до 15 лет [7].

Заключение. На основании проведенного исследования, а также анализируя этапы зарождения, становления и развития уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение изнасилования можно прийти к следующим выводам, что за период времени с эпохи Древнего мира до настоящего времени: унифицировалось понятие потерпевшей – от исключительно свободной женщины, относящейся к «привилегированному» словию общества до любой женщины независимо от своего социального статуса, рода занятий и круга общения; либерализировалось наказание за совершение изнасилования – от смертной казни в древности до наказания в виде лишения свободы на современном этапе; установился процесс доказывания факта изнасилования – от обязательного доказывания самой потерпевшей факта совершения в отношении нее преступления до возложения этой обязанности на орган уголовного преследования; конкретизировались квалифицирующие признаки изнасилования – от изнасилования девственницы, до полового сношения вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей, совершенного повторно, либо заведомо несовершеннолетней, либо заведомо малолетней, либо изнасилования, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо заражение ВИЧ-инфекцией, либо иные тяжкие последствия.

Список использованных источников

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / под общ. ред. Н.А. Крашенинниковой. – Москва: НОРМА, 2007. – 1 т.

2. Борботько, П.В. История государства и права Беларуси IX – XII в.в.: хрестоматия / П.В.Борботько, А.А.Сухарев. – Витебск: издательство ВГУ им. П.М.Машерова, 2002. – 47 с.
3. Статут ВКЛ 1588 года: Тексты. Справочный комментарий / редколлегия: И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.] – Минск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
4. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / Ю.П. Титов. – Москва: Проспект, 2008. – 464 с.
5. История государства и права зарубежных стран. Часть 1: учебник для вузов. / Н.А.Крашенинникова, О.А.Жидков; под общ. ред. Крашенинниковой Н.А., Жидкова О.А. – Москва: Издательская группа НОРМА - ИНФРА М, 1998. – 480с.
6. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / А.И. Лукашев, С.Е. Данилюк, Э.Ф. Мичулис [и др.]; под. общ. ред. А.И. Лукашева. – Минск: Тесей, 2001. – 808 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 года: текст Кодекса по состоянию на 09.09.2021 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС ПРИ ПРИЗНАНИИ ЛИЦА ВИНОВНЫМ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

О.Н. Куликова

Ключевые слова: освобождение от наказания, осужденный, законный интерес, обвинительный приговор.

Актуальность института освобождения от наказания обусловлена фактом отбывания уголовного наказания лицом, признанным судом виновным в совершении преступления. Такая правовая ситуация свидетельствует о наличии в отношении лица ряда правоограничений. Тем самым, прекращение данных правоограничений связано с таким законным интересом для осужденного, как законодательно установленная возможность освобождения от наказания. Определение видов освобождения от наказания выступает целью нашего исследования. Основные результаты материала направлены на авторское изложение классификации оснований освобождения от наказания по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации, что составляет дискуссионный компонент исследования. Методологическую основу работы составил авторский анализ учебных пособий, научных материалов по рассматриваемой теме, изложенный в контексте систематизации уголовно-правовых норм главы двенадцатой и тринадцатой российского уголовного закона.

Освобождение от отбывания наказания выступает основным законным интересом гражданина, имеющего процессуальный статус в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, подсудимого или осужденного при осуществлении судопроизводства и правосудия в российском государстве.

В действующем уголовном законодательстве Российской Федерации для лиц, совершивших преступление, предусмотрена возможность освобождения от реализации уголовно-правовых мер воздействия, применяемых от имени государства. Рассматриваемая тема, охватывает важное для лица, совершившего преступление и начавшее отбывать за него наказание обстоятельство, предусмотренное законом – уголовно-правовую возможность освобождения от него. Институт освобождения от наказания отражен в положениях главы 12 и 13 Уголовного кодекса РФ.

В системе освобождений от наказания для лица, признанного виновным в совершении преступления, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор суда, законом предусмотрены определенные виды оснований, наличие которых позволяет ему не отбывать полного срока наказания.

Сущность института освобождения от наказания заключается в том, что по основаниям, предусмотренным уголовным законом, лицо, совершившее преступление, может (а в некоторых случаях должно) быть освобождено судом: а) от назначения наказания за совершенное преступление, б) от реального отбывания наказания, назначенного приговором суда, или в) досрочно от дальнейшего отбывания частично отбытого осужденным к этому времени наказания, назначенного по приговору суда [2, с. 285].

По степени предопределенности освобождение от наказания может быть обязательным и факультативным. К первой группе относятся те виды освобождения от наказания, которые не зависят от усмотрения суда и применяются в обязательном порядке, а факультативные связаны с тем, что их применение составляет не обязанность, а право суда [1, с. 399].

Мы предлагаем рассмотреть следующую классификацию оснований освобождения от наказания, предусмотренную главами двенадцатой и тринадцатой отечественного уголовного закона. Классификация освобождения от наказания может охватывать такие правовые ситуации, когда лицо может фактически не начать отбывать наказание, а может отбывать назначенное наказание и при этом возникнет уголовно-правовая возможность освободиться, не отбыв полного срока, указанного в судебном решении (приговоре суда).

Первый вид освобождения от наказания – освобождение досрочное от полного фактического отбывания наказания. К таким ситуациям уголовный закон относит условно-досрочное освобождение осужденного, замену отбываемого наказания более мягким видом и помилование. Досрочное освобождение, охватывающее указанные ситуации, предусмотренные в ст. 79, 80, 85 УК РФ, устанавливает для их применения обязательное фактическое отбытие части срока наказания, после истечения которого возможна замена отбываемого вида наказания более мягким видом или, как более удобный социально-правовой вариант для осужденного, – это его досрочное освобождение без альтернативного отбывания иного наказания либо помилование. Следует обратить внимание, что если речь идет о условном освобождении

или замене наказания более мягким видом, то такие виды освобождения применяются судом, выносившим обвинительный приговор в отношении ныне досрочно освобождаемого лица. Также к такому освобождаемому гражданину могут быть применены ограничительные меры в виде социально-бытового воздействия (ч. 6 ст. 79 УК). В отношении же вопросов помилования отметим, что они находятся в компетенции не судебных, а иных государственных органов – комиссий по помилованию. Последние принимают промежуточное (комиссия в субъекте Российской Федерации) или итоговое (комиссия при Президенте России) решение о помиловании конкретного осужденного. Это связано с тем, что ч. 2 ст. 85 УК РФ среди форм помилования преступника оговаривает освобождение от дальнейшего отбывания наказания или сокращение его срока.

Фактически отбытые сроки, после которых возможно досрочное освобождение, установлены уголовным законом РФ (ч. 2 – 4, 5 ст. 79, ч. 2 ст. 80 УК РФ) для того, чтобы администрация по месту отбывания наказания могла определить социализацию лица в плане его исправления в виду признания его исправившимся или твердо вставшим на путь исправления. Вопросы исправительного воздействия определяются административной комиссией, чье мнение является ключевым для судебных органов, опирающихся на него для принятия итогового решения – освободить данного осужденного досрочно либо нет. При этом, если становится вопрос о досрочном освобождении, то поведение лица в период фактического отбывания части срока наказания выступает ключевым для определения применения условного освобождения, замены оставшейся части наказания другим, более мягким видом и для принятия решения о помиловании гражданина.

По сути, к досрочному освобождению от наказания следует отнести и другие основания, предусмотренные Уголовным кодексом России. Это освобождение по болезни, амнистии, при которых осужденный начинает отбывать наказание реально, но возникает социально-медицинский критерий (ст. 81 УК) либо социально-правовой (ст. 84 УК). Тем не менее, мы считаем, что применение таких оснований возможно и на более ранней стадии – осуществлении судопроизводства, принятии судом решения, вынесения обвинительного приговора. Поэтому указанные виды оснований следует отнести во вторую группу.

Второй вид освобождения от наказания – освобождение осужденного в связи с возникшими социально-правовыми фактами. Такими фактами уголовный закон признает возникновение заболевания у лица, отбывающего наказание, при котором полное (дальнейшее) его отбывание становится невозможным и, соответственно, не целесообразным либо его амнистирование. Суд, признавая у лица заболевание, препятствующее отбыванию наказания, опирается на медицинское заключение комиссии врачей. Они свидетельствуют о том, что у лица возникло или психическое расстройство, при котором необходимо заменить уголовное наказание на меру медицинского

характера либо случилось иное тяжелое заболевание, препятствующее как отбыванию наказания, так и исправлению осужденного. Следует отметить, что тяжелое психическое состояние или развитие иного заболевания может возникнуть на стадии судебного рассмотрения дела, при осуществлении расследования или вынесении окончательного решения судом. В последнем случае осужденный начинает проходить курс лечения (при психическом расстройстве) в психиатрических учреждениях или амбулаторно, а не отбывать реального наказания (ст. 97, 99 УК РФ). В случае же назначения осужденному судом наказания, не связанного с изоляцией от общества, и выявления у него заболевания, ограничивающего его трудовую деятельность, такое лицо подлежит освобождению от отбывания наказания на всех этапах реализации факта «исполнения (отбывания) наказания».

Указанная ситуация освобождения гражданина от наказания в связи с наличием или появлением болезни, препятствующей его реальному отбыванию, сопряжена с подтверждением медицинской комиссией такого диагноза (болезненного состояния), когда на лицо медико-правовые критерии обусловленные необходимой государственно-социальной поддержкой. Амнистия же выступает волеизъявлением государственного органа, наделенного полномочием издания официального акта, имеющего юридическую силу в виде освобождения виновного в преступлении человека от уголовной ответственности и наказания. Положения ст. 84 УК РФ содержат законодательную возможность в отношении индивидуально неопределенного круга таких лиц применить их амнистию. Такой акт связан с общественно значимыми для общества и государства событиями, поэтому уголовный закон в ч. 2 ст. 84 охватывает не только стадию отбывания наказания для реализации амнистии, но и стадию предварительного расследования и судебного рассмотрения дела.

Тем самым, второй вид освобождения от наказания осужденного связан с социально-правовыми фактами, возникшими на любом этапе реализации уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и обусловлены определенными критериями. Последними выступают либо медико-индивидуальные характеристики личности, совершившей преступление, либо законодательное волеизъявление Государственной Думы Федерального Собрания России.

Третий вид освобождения от наказания – освобождение лица в связи с личностными или юридически значимыми правовыми обстоятельствами. Такой вид освобождения реализуется на стадии вынесения судебного приговора либо вообще не имеет место его вынесение. К личностным правовым характеристикам, учитываемым для освобождения от наказания, УК РФ относит отсрочку отбывания наказания отдельным категориям граждан в связи с определенными социально-демографическими обстоятельствами (ст. 82) и отсрочку отбывания наказания для лиц, больных наркоманией для прохождения лечения от такого заболевания (ст. 82¹). К юридически

значимым фактам, при наличии которых законодатель предусматривает освобождение от наказания, следует отнести: изменение обстановки (ст. 80¹), истечение сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83).

Итак, освобождение от отбывания наказания выступает основным законным интересом гражданина в случае признания его виновным в совершении преступления. Такое освобождение может быть обусловлено целым рядом критериев, обстоятельств и условий, предусмотренных уголовным законом Российской Федерации. Исходя из положений последнего, мы привели классификацию оснований освобождения от наказания с учетом содержания и стадий его реализации. В нашем представлении такие основания освобождения следует рассматривать как: 1) досрочное освобождение от полного фактического отбывания наказания; 2) освобождение в связи с возникшими социально-правовыми фактами; 3) освобождение в связи с личностными или юридически значимыми правовыми обстоятельствами.

Законный интерес осужденного в виде возможности освобождения от наказания имеет правовую природу, которая закрепляется в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве России.

Список использованных источников

1. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А. И. Рарога. - 3-е изд., с изм. и доп. - М.: Эксмо, 2009. - 496 с. - (Российское юридическое образование).
2. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х томах. Т. 1. Общая часть. Ответственные редакторы и руководители авторского коллектива - доктор юридических наук, профессор А.Н. Игнатов и доктор юридических наук, профессор Ю.А. Красиков. - М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА • М), 2000. - 639 с.

ЗАЩИТА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ

Н.А. Маркина

Ключевые слова: экологические права, окружающая среда, защита прав, благоприятная окружающая среда, способы защиты прав.

Охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. [1]. Экологические права человека напрямую связаны с данными правоотношения и их обеспечение является задачей государства, несмотря на их закрепление в Конституции Республики Беларусь, ряде законов, возникает ряд правовых вопросов при их защите, что, в свою очередь, требует научного изучения, а также разработке предложений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере. Защита экологических прав является неотъемлемым элементом, необходимым для их реализации.

Цель исследования заключается в правовом анализе механизма защиты экологических прав человека и выявлении пробелов в данной сфере.

Материал и методы. Материалом для написания работы послужили нормативные правовые акты Республики Беларусь, регулирующие порядок защиты экологических прав человека. При проведении исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнительный, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. В Законе «Об охране окружающей среды» [2] установлены меры по обеспечению права на благоприятную окружающую среду, что касается остальных прав, то механизм четко не определен и применяются нормы гражданского законодательства.

В соответствии со ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь выделяют следующие способы защиты прав:

- 1) признания права;
- 2) восстановления положения, существовавшего до нарушения права;
- 3) пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- 4) признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, установления факта ничтожности сделки и применения последствий ее недействительности;
- 5) признания недействительным акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления;
- 6) самозащиты права;
- 7) присуждения к исполнению обязанности в натуре;
- 8) возмещения убытков;
- 9) взыскания неустойки;
- 10) компенсации морального вреда;
- 11) прекращения или изменения правоотношения;
- 12) неприменения судом противоречащего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления;
- 13) иными способами, предусмотренными законодательством [3].

Некоторые из вышеуказанных способов применимы к экологическим правам граждан, в частности, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсации морального вреда, прекращения или изменения правоотношения и другие.

Также следует указать на порядок защиты экологических прав:

- административный порядок защиты;
- судебный порядок защиты.

Одним из таких способов является возможность обжалования в судебном порядке неправомερных действий (бездействия) государственных органов, юридических лиц, а также организаций, не являющихся юридическими лицами, ущемляющих права граждан, а в случаях, прямо предусмотренных законодательством – и права юридических лиц.

Еще одним из способов судебной защиты является признание недействительным акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления (например, решения исполнительного комитета). Законодательство об экономическом правосудии не содержит специальных способов судебной защиты.

Помимо этих общих норм, законодательство Беларуси содержит специальные нормы, закрепленные в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»:

– ст. 13 предусматривает судебную защиту права на благоприятную окружающую среду; [2]

– стст. 12 и 15 предусматривает право граждан и общественных объединений, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды, обращаться в суд с исками о приостановлении (запрете) хозяйственной и иной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду в случае, если в результате такой деятельности нарушаются требования в области охраны окружающей среды, причиняется экологический вред или создается опасность причинения экологического вреда в будущем (также ст. 100 Закона) [2];

– согласно ст. 74-4 непосредственно в суд может быть обжалован отказ в предоставлении экологической информации [2];

– кроме того, согласно стст. 12 и 15 Закона граждане имеют право предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного их жизни, здоровью, имуществу в результате вредного воздействия на окружающую среду, а общественные объединения, осуществляющие свою деятельность в области охраны окружающей среды, могут предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного жизни, здоровью, имуществу своих членов в результате вредного воздействия на окружающую среду [2].

Судебная практика включает в себя самые разные дела в защиту экологических прав общественности.

В качестве примера рассмотрим дело по защите права на экологическую информацию в отношении ОАО «А» [4].

Обстоятельства дела: общественность г. Н неоднократно на протяжении трех лет обращалась к руководству ОАО «А», местным властям с просьбой провести общественное обсуждение планируемого к реализации проекта по организации производства стекловаты на базе завода. После обращения в Орхусский центр возникла необходимость в экспертной оценке ситуации на предмет соблюдения положений Орхусской конвенции при реализации данного проекта. Для этого в ОАО «А» был сделан запрос о предоставлении экологической информации: раздела «Охрана окружающей среды» проектной документации, заключения государственной экологической экспертизы и экологических условий на проектирование.

ОАО «А» не дал ответа на обращение. Поскольку оставление обращения без ответа является нарушением законодательства об обращениях граждан и юридических лиц, заявителю пришлось обратиться в прокуратуру.

После чего от завода поступило письмо с информацией о соблюдении норм законодательства при реализации инвестиционного проекта. При этом запрошенная информация в виде копий фактических документов предоставлена не была, поэтому заявитель, эксперт М., делавший запрос от своего имени как физическое лицо, обратился в суд с иском о понуждении ОАО «А» к предоставлению данной экологической информации.

Требуемые документы были переданы представителями ОАО «А» истцу непосредственно в зале суда. В связи с удовлетворением исковых требований о предоставлении информации до вынесения решения, истец отказался от иска в этой части, а суд своим определением взыскал с ответчика в пользу истца понесенные им судебные издержки.

За нарушение законодательства об обращениях граждан к дисциплинарной ответственности были привлечены начальник бюро и главный инженер ОАО «А».

Таким образом, эффективным средством принуждения явилось исковое производство, поскольку оно предоставляет более широкие возможности для формулирования заявленных требований и представления доказательств их обоснованности и законности.

Рассмотрим отдельные способы защиты экологических прав. Одним из них является восстановление положения, существовавшего до нарушения права, в отношении охраны окружающей среды оно применяется как восстановление природного объекта, но это не всегда представляется возможным, например, при незаконной охоте. Следует остановиться и на таком условии как, объективная возможность восстановления окружающей среды за счет сил человека. Естественно, что не все компоненты природной среды поддаются восстановлению лишь за счет сил человека, к примеру, такое не представляется возможным по отношению к недрам земли или озоновому слою атмосферы. Однако, если нарушениям подверглись часть почвы или растительного мира, то их восстановление возможно частично или полностью. Поэтому, в случае выбора этого способа защиты необходимо уточнение объективной возможности полного или частичного восстановления нарушенного блага.

Кроме условия об объективной возможности восстановления нарушенной окружающей среды, при применении такого способа защиты, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, как еще одно условие следует рассмотреть субъективную возможность восстановления нарушенного блага нарушителем. Данное условие определяется возможностью проведения необходимых по восстановлению блага работ самостоятельно нарушителем или при помощи привлечения другого лица, способного провести такие работы [5, с. 361].

Следующее условие для применения рассматриваемого способа защиты права – это необходимость установления разумного срока для проведения восстановительных работ. Разумный срок, по мнению Л.Р. Абуталиповой, определяется периодом производства самих работ, исходя из

обычной деятельности специализированной организации (квалифицированного специалиста), а также периодом, в рамках которого признается возможным осуществить восстановление окружающей среды [5, с. 360–361]. Начало срока проведения восстановительных работ должно исчисляться с момента причинения вреда окружающей среде.

Кроме того, при применении анализируемого способа защиты необходимо понимать, что для исключения неосновательного обогащения потерпевшего, нарушитель должен совершить одно из двух действий для восстановления нарушенного права – либо возместить имущественный вред, причиненный нарушением, либо восстановить окружающую среду в натуре. В силу равного целевого назначения этих мер не допускается применение обоих способов восстановления нарушенного блага, лишь одно из двух, если имеет место быть денежному возмещению вреда, то восстановление в натуре недопустимо.

Обращаясь к нормам гражданского права, следует отметить, что на основании положений ст. 11 ГК Республики Беларусь компенсация морального вреда является одним из способов защиты субъективных прав в Республике Беларусь. Вместе с тем, прямое указание на данное юридическое явление в нормативных правовых актах экологического законодательства отсутствует.

Необходимо отметить, что в судебной практике сложилось известное правило, когда при разрешении вопроса о компенсации морального вреда, суду следует устанавливать, чем именно подтверждается факт причинения вреда потерпевшему [6, с. 337]. Соответственно, доказывать физические, нравственные страдания, вызванные загрязнением атмосферного воздуха, водных ресурсов, почвы и других компонентов природы, как и соответствующую причинно-следственную связь, чрезвычайно затруднительно. В случаях вредоносного воздействия глобальных экологических проблем – изменения климата, уничтожения озонового слоя, снижения качества жизни не только взрослого поколения, но и детей, особенно в крупных населенных пунктах, конкретного причинителя вреда определить практически невозможно.

Таким образом, институт компенсации морального вреда при экологических правонарушениях практически не работает уже на стадии выявления ущерба. Решение данной проблемы сопряжено с необходимостью привлечения квалифицированных специалистов и экспертов. Однако, если собрать требуемые доказательства, то возникают некоторые иные, не менее сложные вопросы.

Следует указать, что к экологическим правоотношениям применимы механизмы охраны окружающей среды, и их можно также рассматривать как способы обеспечения экологических прав, например, экологический аудит, государственная экологическая экспертиза, оценка воздействия на окружающую среду, экологический контроль, лицензирование в области охраны окружающей среды и другие.

Заключение. Таким образом, при нарушении экологических прав применяются способы защиты, предусмотренные гражданским законодательством, а для их обеспечения организационно-правовые механизмы охраны

окружающей среды. Для совершенствования правового регулирования отношений в данной сфере целесообразно в экологическом законодательстве предусмотреть четкий механизм защиты прав человека в области охраны окружающей среды.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г. № 1982-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 января 2022 г. № 145-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 141-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Организация Объединенных Наций, Европейская экономическая комиссия Обзоры результативности экологической деятельности : Беларусь. - Нью-Йорк : Женева : ООН, 2016. - XLI, 445 с.

5. Абуталипова, Л.Р. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права на благоприятную окружающую среду как способ защиты экологических прав / Л.Р.Абуталипова // Вестник современных исследований. - 2018. - № 9.4 (24). - С. 360-362.

6. Странцов, А.А. Компенсация морального вреда как способ защиты прав граждан при совершении экологического правонарушения / А.А.Странцов // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: А.В. Герасимов, Д.Б. Данилов, М.В. Жаботинский, И.К. Харитонов, Н.В. Жукова, А.И. Макаренко. - 2016. - С. 335-338.

ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Ю.Б. Масыгина

Ключевые слова: местный референдум, законные интересы населения муниципального образования, инициативный проект.

В России и Беларуси работает институт местного самоуправления, который является очень важным промежуточным звеном между вертикалью государственной власти вместе с местным управлением и горизонтальным по своей природе гражданским обществом. В этой связи актуальным является исследование законных интересов и субъективных прав в области местного самоуправления Российской Федерации и Республики Беларусь.

Целью статьи является попытка выяснить соотношение законных интересов и субъективных прав в осуществлении населением прямых форм демократии на уровне местного самоуправления наших стран. Местное самоуправление в Республике Беларусь функционирует вместе с государственным

местным управлением, что отражено в разделе V Конституции Республики Беларусь [1, с. 23].

Аналогичное соотношение государственного управления и местного самоуправления в Российской Федерации установилось только после внесения изменений в Конституцию РФ с 1 июля 2020 года [2]. Наша Конституция использует понятие публичная власть для обозначения связи между государственной властью и местной властью муниципальных органов. В современной редакции Конституции РФ мы встречаем термин публичная власть трижды. В первый раз, в ст. 80 говорится, что Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти [2, с. 34].

Во второй раз встречаем термин публичная власть в статье 131, где устанавливаются особенности осуществления публичной власти на определенных территориях. Важнейшее для понимания структуры публичной власти положение зафиксировано в части 3 статьи 132, где отмечено: органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ. В статье 133 мы видим также термин публичные функции государственной власти, который взаимосвязан с термином публичная власть. Внесение термина публичная власть в Конституцию РФ назрел уже давно и сделал де юре те положения, которые существовали в системе государственного механизма России де факто, а в Конституции Республики Беларусь существуют изначально.

В рамках осуществления местного самоуправления важнейшим правовым институтом, обеспечивающим участие населения в осуществлении власти является прямая демократия. Наиболее ярко можно видеть соотношение законных интересов и субъективных прав населения на примере местного референдума и правотворческой инициативы населения.

В Конституции Республики Беларусь и Конституции Российской Федерации право населения на местный референдум закреплено как основополагающий институт прямой демократии. Вместе с тем необходимо констатировать факт очень редкого применения данного института в нашей юридической практике, например, у нас в Смоленской области местный референдум не проводился ни разу. В Витебской области тоже нет примера проведения местных референдумов.

Это позволяет говорить, особенно в рамках дискуссии, не о субъективном праве населения на местный референдум, а именно о законном интересе как юридической дозволенности, имеющей в отличие от субъективного права характер правового стремления [4, с.45]. Местный референдум тесно связан с правотворческой инициативой населения, так как завершающим этапом данной формы прямой демократии является именно референдум.

В этом ключе можно положительно оценить новеллу российского законодательства, отразившуюся в изменениях к ФЗ-131 "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации",

внесенные 20.07.2020 г. [3, с.23]. В статье 26.1 прописан механизм подачи инициативных проектов, где упрощен порядок обращений населения с проектом муниципального нормативного правового акта.

В целом, можно говорить о праве населения муниципальных образований выдвигать инициативные проекты с 16 лет и количеством всего 10 человек, что существенно упрощает процедуру выдвижения, в том числе, и актов правотворчества. Думается, что несмотря на упрощение процедуры, данное право все равно является скорее законным интересом, чем правом местного сообщества. В заключение следует отметить важность обсуждаемой тематики и необходимости продолжения данного исследования.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь: Конституция Республики Беларусь 15.02.1994 г., [Электронный ресурс]//<http://president.gov.by>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398)
3. ФЗ-131(Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. От 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, N 27, ст. 5117)
4. Малько А.В., Субочев В.В. Законный интерес и юридическая обязанность: аспекты соотношения / Юридический мир, 2007, N3

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПРАВО ЖЕНЩИНЫ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

А.Е. Никитина, О.Н. Куликова

Ключевые слова: репродуктивное право, женское здоровье, правовая охрана.

Актуальность выбранной темы обусловлена современной наукой, так как репродуктивное здоровье – это состояние полного физического, умственного и социального благополучия во всех вопросах, касающихся функций и процессов репродуктивной системы, а также психо-сексуальных отношений на всех стадиях жизни. Иными словами – это способность людей к зачатию и рождению детей, возможность сексуальных отношений без угрозы заболеваний, передающихся половым путем, гарантия безопасности беременности и родов, выживание ребенка, благополучие матери и возможность планирования последующих беременностей. Целью нашего исследования выступает определение правового регулирования репродуктивного здоровья женщины в Российской Федерации. Дискуссионным направлением выступают основные результаты научного материала – здоровье женщины в общей репродуктивной системе на современном этапе развития

общества. Методологическая база работы отражает авторское использование анализа и систематизации, сравнительно-правового метода при определении норм российского законодательства в рассматриваемой сфере.

Репродукция, без сомнения, считается основополагающей функцией для любого живого организма. Важнейшими критериями репродуктивного здоровья женщин различных возрастных групп являются заболевания их репродуктивной системы, состояние здоровья беременных, его влияние на исходы родов, материнская и перинатальная смертность.

Необходимо выделить, на наш взгляд, самые важные проблемы, наиболее характерные для показателя состояния репродуктивного здоровья населения на современном этапе:

1. По оценкам экспертов, в России насчитывается примерно 8 миллионов женщин, которые не могут реализовать свою репродуктивную функцию в полном объеме (основные причины – вредные привычки (курение, наркомания, употребление алкоголя), болезни, передающиеся половым путем (ВИЧ, хламидии, гонорея, сифилис), ухудшение здоровья женщин и мужчин, беспорядочное половое поведение, что приводит к росту числа недоношенных и маловесных детей, содержание которых обходится государству в 250-300 раз дороже, чем здоровых.

2. Низкие показатели репродуктивных функций у мужчин (около 15% страдают различными урологическими заболеваниями), высокая смертность мужчин трудоспособного возраста.

3. Бесплодие (основные причины – врожденные пороки развития мочеполовой системы, перенесенные инфекции, аборт, стрессовые и психологические факторы; по данным ВОЗ за последние 20–30 лет бесплодные браки составляют 12–18% всех браков, причиной бесплодного брака в 40–50% случаев является патология репродуктивной системы одного из супругов, в 5–10% – обоих).

4. Существенное снижение уровня репродуктивного здоровья детей и молодежи (согласно статистике, до 80% девушек-подростков и 40% юношей имеют проблемы с репродуктивной функцией) [1].

Отмечаем следующее: обозначенные проблемы известны государству, и оно предпринимает усилия для улучшения ситуации, однако нынешнее состояние репродуктивного здоровья населения связано не только с проблемами здравоохранения, но и с системным подходом к данному вопросу, включающим целый ряд социальных, экономических факторов: образ жизни, материальное благосостояние; экологических – загрязнение атмосферы, воды, земли; иных. За последнее время изменились и приоритеты, на первое место выдвигается карьера, работа, образование и лишь затем – планирование семьи.

Обращаем внимание на то, что основы репродуктивного здоровья и понимание его значимости хотя и закладываются в семье, однако,

несомненно, необходимо пристальное внимание к обозначенному вопросу и на уровне государственного управления.

Законодательство, регулирующее в нашей стране репродуктивные права, с точки зрения сегодняшнего времени, представляет собой разветвленную многоуровневую структуру, включающую Конституцию РФ, федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты (указы Президента, постановления и распоряжения Правительства, приказы Министерства здравоохранения и др.), а также региональные.

Прежде всего, выделяем статью 41 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». Из чего можно заключить, что государство принимает на себя обязанность осуществлять целый комплекс мер, действий по охране здоровья, в том числе репродуктивного.

Важным документом является и Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», статья 2 подпункта 3 которого дает определение понятию «медицинская помощь», под которой подразумевается «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг», а та же статья подпункта 4 – понятию «медицинская услуга» как «медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение».

Исследования выявили значимость Указа Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года», она «...направлена на формирование и реализацию на федеральном, региональном и муниципальном уровнях скоординированной политики в сфере охраны здоровья граждан», дана оценка реализации федеральных проектов, входящих в состав нацпроектов «Здравоохранение» и «Демография», государственной программы «Развитие здравоохранения». Стратегия – документ долгосрочного видения.

Немаловажен Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», где одной из актуальных задач обозначено «укрепление репродуктивного здоровья населения».

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) предписывает охрану здоровья женщин на отдельных работах (ст. 253), перевод на другую работу беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет (ст. 254), отпуск по беременности и родам (ст. 255), уходу за

ребенком (ст. 256), устанавливает гарантии беременным женщинам при направлении в командировки, привлечении к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни, установлении очередности предоставления отпусков, расторжении трудового договора (ст. 259, ст. 260, ст. 261).

Законодательные аспекты охраны репродуктивного здоровья граждан регулируются и Семейным кодексом РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021), нормативными правовыми актами о пособиях семьям, имеющим детей, иными федеральными законами. Распоряжением Правительства РФ от 21.12.2020 № 3468-р утверждена Государственная стратегия противодействия распространению ВИЧ-инфекции в РФ на период до 2030 года, предусмотрены средства на научные разработки, профилактическую работу, направленную на сохранение и улучшение репродуктивного здоровья россиян. В ряде субъектов приняты и успешно реализуются законы «Об охране репродуктивного здоровья», разработаны программы «Здоровое поколение», мероприятия. Например, в Смоленской области они включены в региональную программу по здоровому образу жизни, культуре питания, продвижению семейных ценностей «Здоровое поколение Смоленщины» на 2019–2023 гг. В рамках национального проекта «Здравоохранение» на 2019–2024 гг. предполагается дальнейшее инновационное развитие сети национальных медицинских исследовательских центров с активным внедрением инновационных технологий, в том числе репродуктивных.

Делаем акцент и на утвержденную Распоряжением Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. Она предопределяет направления госполитики в отношении женщин, нацелена на реализацию принципа равных прав и свобод мужчины и женщины, равных возможностей согласно Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права. Документ основан на том, что права женщин являются неотъемлемой частью общих прав человека, подчеркивается важность создания условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной, культурной сферах. В нем раскрыты показатели заболеваемости женского населения, их причины, что очень весомо, сконцентрировано внимание на материнстве, семейных обязанностях по воспитанию детей, политике, направленной на расширение участия женщин во всех секторах экономики, включая управление, общественную жизнь. В Стратегии особое место заняли вопросы, касающиеся социального неблагополучия, приводящие женщин к совершению противоправных действий, содержания осужденных женщин, оказания им надлежащей медицинской помощи, а также форм насилия (принуждение к сожительству и проституции, изнасилование, бытовое насилие и убийство на почве алкоголизма, наркомания, садизм и психологическое насилие). Анализируя утвержденную Стратегию, отмечаем в качестве положительного фактора – в ней нашли отражения материалы не

только о задачах, приоритетных направлениях, инструментах реализации государственной политики, нацеленной на улучшение положения женщин, но и, что немаловажно, предъявлен мониторинг, статистика, ресурсное обеспечение, прогнозирование дальнейшей деятельности.

По нашему глубокому убеждению, репродуктивное здоровье является важнейшим фактором, формирующим благоприятную демографическую перспективу страны, от его состояния зависит не только уровень рождаемости, но и жизнеспособность будущих поколений. Безусловно, на уровне семьи улучшение репродуктивного здоровья уменьшает число трагедий, связанных с бесплодием или появлением нежелательной беременности, которые часто выливаются в семейные конфликты, приводящие к дестабилизации брачно-семейных отношений, их разрыву.

Исследования показали, что задачами текущего времени стали: женский и гинекологический рак (рак молочной железы является одной из наиболее распространенных причин смерти, особенно в женской возрастной группе от 45 до 55 лет); ИППП и ВИЧ/СПИД (особая распространенность среди молодых, отсутствие лечения приводит к репродуктивным проблемам в более позднем возрасте, ВИЧ/СПИД часто возникает из-за внутривенного употребления наркотиков и сексуальной распущенности); контрацепция и стерилизация (стерилизация в основном разрешена для женщин только в том случае, если они старше 35 лет, имели двух или более детей, или если есть медицинская необходимость (например, рак); аборт (легален до 12 недели беременности, за исключением случаев изнасилования, тюремного заключения, смерти или инвалидности мужа и потери «родительских прав») [2, с. 112]. Россия все еще борется за изменение социальной нормы абортов как основной формы контрацепции, аборты остаются одной из самых больших сложностей для репродуктивного здоровья женщин из-за проблем с психическим и физическим здоровьем после него и отсутствия надлежащего ухода. Проведенный анализ выявил, что большая часть уязвимости российских женщин в доступе к репродуктивному здоровью связана с социальными проблемами, кроме того, многие не знают, где получить медицинскую помощь (вопросы охраны репродуктивного здоровья в сельской местности вызывают огромную озабоченность у российских женщин); наконец, насилие в семье (домашнее насилие повышает незащищенность женщин, зачастую из-за страха они не прибегают к контрацепции или аборту, воспринимают бытовое насилие как норму и не знают о доступных им услугах), сексуальные домогательства, изнасилования и секс-торговля (в Уголовном кодексе изложены законы о борьбе с сексуальными преступлениями, но лишь 5-10% жертв изнасилования сообщают о своем изнасиловании, многие не рассказывают об этом, что приводит к осложнениям в обращении за психической и физической помощью; торговля людьми усилила их ранимость в связи с ростом принудительной проституции несовершеннолетних и сексуального насилия: более

двух третей девушек, ставших жертвами торговли людьми, моложе 25 лет и не имеют доступа к медпомощи).

С целью эффективности политики здравоохранения в области репродуктивного здоровья российских женщин необходимо оптимальное решение социальных, медицинских вопросов, связанных с сокращением разрыва в заработной плате, образовании между мужчинами и женщинами, между городскими и сельскими женщинами; совершенствованием репродуктивного здоровья, прав ЛГБТК, гражданских прав женщин в браке, включая законы, касающиеся развода, опеки и имущественных прав; расширением их прав и возможностей.

Особо отметим, что в современных условиях, характеризующихся высоким уровнем заболеваемости и общей смертности населения, снижением рождаемости и ухудшением здоровья детей, проблемы охраны репродуктивного здоровья населения приобретают большую значимость.

Репродуктивное здоровье женщин нашей страны характеризуется комплексом проблем и услуг, которые им доступны. Он охватывает права, законы, трудности, ведь женщины составляют более половины населения России и считаются уязвимым населением из-за политических и социальных проблем, связанных с неравенством по полу, возрасту, социально-экономическому статусу, географическому положению.

Принимая все это во внимание, мы приходим к заключению о необходимости принятия на государственном уровне дополнительных мер, направленных на улучшение репродуктивного здоровья, включающих формирование единой политики в области охраны репродуктивного здоровья и повышение ответственности всех структур власти за ее реализацию; дальнейшее совершенствование законодательства в данной сфере; реальное, обоснованное, надлежащее финансирование государственных гарантий по охране здоровья; последующий прогресс приоритетных научных направлений; повышение эффективности квалификации специалистов, работающих в области охраны репродуктивного здоровья; сохранение преемственности и интеграции всех медицинских служб, активное распространение унифицированных стандартов диагностики и лечения основных патологических состояний репродуктивной системы человека, особенно женщин, и, наконец, внедрение четкой установки на здоровый образ жизни людей. Это задачи и системы здравоохранения, и государства, и всего общества.

Список использованных источников

1. Кузнецова Л.Э. Современный взгляд на бесплодный брак и лечение бесплодия//Медицинские знания. № 4 (Август) 2020 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.medsestra.by/tema/sovremennyj-vzglyad-na-besplodnyj-brak-i-lechenie-besplodiya/> (дата обращения 29.04. 2022)

2. Нурманова А.А., Султанова З.И., Аннаоразов Ы.А. Факторы и их роль в заболеваемости, смертности, выживаемости при раке молочной железы// Vestnik KazNMU №1-2018. С. 112 – 114.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА НА СОВЕРШЕНИЕ СДЕЛОК

Д.Н. Николичев, А.М. Фёдорова

Ключевые слова: конвалидация, ограничение полномочий юридического лица, оспоримая сделка, недействительная сделка.

Данная статья посвящена основаниям ограничения полномочий органа юридического лица на совершение сделок, предусмотренных ст. 175 ГК, а также возможности их конвалидации.

В юридической литературе и в практике актуальным является вопрос, связанный с ограничением полномочий на совершения сделки органом управления юридического лица и возможных последствий таких сделок. Статья 175 ГК определяет такие сделки как оспоримые «сделка может быть признана судом недействительной».

Целью статьи является выявление оснований ограничения полномочий руководителя юридического лица на совершение сделок, а также возможности их конвалидации.

Материал и методы. Теоретическую основу составили труды Д.О. Тузова, О.А. Красавчикова, а также практика Верховного Суда Республики Беларусь. В ходе исследования применялись общенаучные методы индукции, дедукции, анализа. Также был использован специальный метод – формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Для признания сделки недействительной по основаниям, предусмотренным ст. 175, квалифицирующим признаком будет считаться ограничение полномочий. То есть полномочие, как и правомочие, имеет свои границы. Нарушение их – это прежде всего злоупотребление в отношении представляемого юридического лица. Лицо может как сознательно действовать в интересах другого лица, так и ошибочно предполагать, что имеет полномочия. Для недопущения этого необходимо сравнить объем полномочий, предусмотренный в учредительном документе, с тем как он определен в доверенности, законодательстве либо действиями вытекающими из обстановки в которой свершается сделка.

Юридическое лицо осуществляет свою деятельность через свои органы, которые действуют в пределах полномочий, предоставленных им уставом, либо законодательством. Полномочия органа управления юридического лица предусмотрены уставом и зависят от различных критериев. От организационно-правовой формы, структуры органов управления и связей между ними (компетенционная, иерархическая), процедуры принятия решения для совершения сделки, в частности для совершения крупной сделки необходимо принятие такого решения общим собранием его участников либо советом директоров.

Так в государственных организациях один руководящий орган, в связи с чем особых затруднений в принятии решения для совершения сделки нет. Что касается общественных организаций, они строятся на основе широкой демократии и активного участия всех членов в решении всех важнейших вопросах их деятельности, соответственно и процедура принятия решений будет сложнее [1; 141].

Ограничение полномочий руководителя юридического лица также могут вытекать из законодательства Республики Беларусь. Так договор дарения между коммерческими организациями не допускается, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает пятикратного размера базовой величины [2].

Ограничение полномочий органа юридического лица на совершение сделок могут быть указаны в учредительных документах. Так в уставе можно ограничить совершение сделок, связанных с недвижимым имуществом, либо с высокой суммой, путем отнесения данного вопроса к компетенции общего собрания, совета директоров и др.

Верховным Судом Республики Беларусь в порядке надзора, решён спор о признании сделки, договора аренды нежилого помещения, совершенной директором общества с ограниченной ответственностью – недействительной. В качестве оснований для признания сделки недействительной явились ограничения полномочий, вытекающие из устава, так как сделки с недвижимостью отнесены к компетенции общего собрания. Таким образом, уставом были установлены ограничения на совершение сделки директором в интересах участников данного общества. Верховный Суд на основании ст. 175 ГК Республики Беларусь признал сделку недействительной [3].

В уставе могут быть установлены нормы, когда для заключения сделки руководителю необходимо согласие с одним из его участников. Данные нормы устанавливаются исключительно для защиты интересов представляемого юридического лица в случае недобросовестности руководителя.

Для признания сделки недействительной по основаниям, предусмотренным ст. 175 ГК, необходимо учитывать обстановку в которых совершается сделка, объем полномочий на её совершение. Сделка может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения.

В некоторых случаях, несмотря на нарушение, когда имеет место заинтересованность в данной сделке обеих сторон, сделка нуждается в обратимости, то есть придание ей юридической силы. В научной литературе данное явление носит обобщенное название «оздоровление», «исцеление» или «конвалидация»¹.

Понятие конвалидации было присуще еще римскому частному праву. Зависело оно главным образом от поведения субъекта, который мог бы

¹ Конвалидация - придание ничтожной сделке юридической силы с момента ее совершения.

сослаться на обратимость сделки, но может и закрепить совершенную сделку либо в явочной форме, объявив, что признает ее действительность, либо неявно, своим поведением показывая, что он соглашается с теми следствиями, которые она за собой влечёт [4; 88].

Тузов Д.О. считал, что исцеление оспоримых сделок предполагает отпадение у подтвердившего сделку лица права на ее дальнейшее оспаривание, поскольку оспоримая сделка является действительной, пока лицо в судебном порядке не докажет иное (ст.174,175 ГК). Хотя законодательная регламентация конвалидации оспоримой сделки была бы целесообразной при соблюдении определённых условий, таких как не создавать никакой угрозы общественным отношениям, согласие заинтересованной стороны [5; 145].

Придание юридической силы сделки, предусмотренной ст. 175 ГК, возможно в том случае, если третье лицо, в интересах которого ограничены полномочия по совершению, сделки одобрит ее. Также сделка не должна нарушать законодательство Республики Беларусь, интересы других лиц и если сделки повлекла или может повлечь за собой причинение убытков организации.

Заключение. В Республике Беларусь конвалидация сделок на законодательном уровне не закреплена. Однако в ряде статей (ст. 166, 172, 173 ГК) есть предпосылки к формированию данного термина и возможности введения его в законодательство. Для этого необходимо закрепить термин «конвалидация» на законодательном уровне, а именно в статье 9 ГК в качестве одного из способа защиты гражданских прав.

Совершенствование законодательства в области оздоровления сделок, связано не только с необходимостью легального закрепление понятия «конвалидация», но и закреплении тех случаев, когда такой процесс допустим, то есть без намерения причинить существенный вред другому лицу, без противоправной цели. Это необходимо для защиты прав и законных интересов юридических лиц при совершении сделок, связанных с ограничением полномочий.

Список использованных источников:

1. Советское гражданское право: Учебник/Под ред. О.А. Красавчикова - Москва - высшая школа – 1985.— 544 с.
2. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218-3: принят Палатой представителей 28 октября 1998 года: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 года: в ред. Закона Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 141-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. - Минск, 2022
3. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 29.12.2020 по делу № 59-28/2020/1279А,1352А/1251К,1256К
4. Курс римского частного права: Учебник/Пол ред. Д.В. Дождева — М.: Издательство БЕК, 2002. — 400 с.
5. Тузов, Д.О. Конвалидация ничтожных сделок в российском гражданском праве / Д.О. Тузов – М.: Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации – 145 с.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЧАСТЬ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Д.Н. Николичев, А.М. Фёдорова

Ключевые слова: кибербезопасность, киберугроза, интернет, кибер-атака.

Кибербезопасность как часть комплексной безопасности государства в условиях современных вызовов и угроз, является одной из главных задач любого суверенного государства, не исключая и Республику Беларусь.

Современный этап общемирового развития уходит из реального мира в информационную сферу, и в связи с этим и появилась необходимость в «безопасном интернете». Превращаясь в системообразующий фактор жизни общества, она все более активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной, личной, имущественной и других составляющих безопасности. Информационная сфера является психологическим рычагом воздействия на людей.

Целью данной статьи является анализ кибербезопасности как части комплексной безопасности государства в условиях современных вызовов и угроз.

Материал и методы. Теоретическую основу составили труды Алпеева А.С., Ромашкина Н.П., Петрова В.П. В ходе исследования применялись общенаучные методы индукции и анализа. Также был использован специальный метод – формально-юридический.

Результаты и их обсуждения. Первая стратегия кибербезопасности появилась в 2003 году в США [4, с. 78]. После чего подобные стратегии и планы мероприятий по безопасности в виртуальном пространстве распространились по всей Европе.

Есть множество определений термину «кибербезопасность». Например, Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» определяет:

Кибербезопасность – состояние защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз [2].

Как считает к.т.н. Алпеев А.С. кибербезопасность – раздел безопасности, изучающий процессы формирования, функционирования и эволюции киберобъектов, с целью выявления источников киберопасности, которые могут нанести им ущерб, и формирования законов и других нормативных актов, регламентирующих термины, требования, правила, рекомендации и методики, выполнение которых должно гарантировать защищенность киберобъектов от всех известных и изученных источников киберопасности [1, с. 37].

Таким образом, в связи с переходом мировой экономики и других сфер на цифровое поле возникает необходимость в осуществлении мер

безопасности этого поля. В связи с этим и по сей день разрабатываются и совершенствуются мероприятия по осуществлению безопасного использования цифрового пространства.

Как и было описано выше, ссылаясь на официальный источник и научную точку зрения, понятие кибербезопасности можно определить следующим образом: это отдельное направление сферы обеспечения безопасности, действующее в границах цифрового пространства и осуществляющая деятельность по предупреждению и исключению цифровых угроз (киберугроз) любых уровней, независимо от сферы обслуживания.

На безопасное функционирование информационных систем влияют такие факторы: интернет атаки, выход из строя программного и аппаратного обеспечения, человеческий фактор и др.

Сложность сдерживания потенциальных и реальных «киберугроз» относится к числу наиболее важных проблем национальной безопасности государств. Современное общество зависит от стабильной работы информационных систем. Нынешние реалии показывают, что хищение информации юридического лица любой организационно-правовой формы, такой как персональных данных, секреты производства (ноу-хау), различных технологий выполнения работ и/или оказания услуг. Всё это оказывает пагубное влияние на развитие экономики как предприятия, так и в дальнейшем экономики целой страны.

Проблемы защиты информации волновали людей с древних времён, ещё в VI веке до нашей эры китайский военачальник Сунь-Цзы «изложил ряд информационно-интеллектуальных приёмов ведения военных действий» [3, с. 54], в XVI веке философ Н. Макиавелли «сформулировал информационно-психологическую концепцию, где изложил принципы внедрения информационного противоборства в политической сфере» [3, с. 55]. История знает множество примеров информационно-пропагандистских акций, основанных на дезинформации и утечке данных.

Кибербезопасность информационных систем затрагивает все слои населения и сферы деятельности человека. В нынешнее время кибератаки является частью информационных войн, а глобальная сеть интернет – распространяя ложную информацию («фэйки»). Пользователь, посредством различных мессенджеров, чатов, имеет возможность быть «анонимным куратором», координируя действия, управляя группой людей, действуя радикально и деструктивно мысля в отношении реализации провокаций, террористических актов, госпереворотов и других не правомерных деяний, а так же втягивания молодого поколения, вербуя их в экстремистские организации.

Наши предприятия зачастую используют компьютерные технологии и информационные системы, с каждым годом это зависимость возрастает (для продвижения предприятия, товаров, услуг), и в случае кибератаки при помощи вредоносных программ и других методов, могут «парализовать» предприятия, блокировать официальные сайты – это может сказываться на

психологическом климате населения, вызвать панику. Уязвимость информационных коммуникаций при кибератаках может подвергнуть экономику, национальную обороноспособность, политическую стабильность к спаду, без использования огневой мощи либо военных действий.

Заключение. Наиболее серьезными киберугрозами безопасности и стабильности являются применение информационных систем в военно-политических целях («гибридная война») для осуществления агрессивных действий, актов агрессии; снижение общественной стабильности, разжигание межэтнической, межнациональной розни посредством информационных систем вмешательство во внутренние дела суверенного государства, деструктивное кибервоздействие на объекты критически важной государственной инфраструктуры. Международное нормативно-правовое управление в этой области пока отсутствует. При этом ситуация, связанная с обеспечением необходимого и достаточного уровня стратегической стабильности, сегодня может оцениваться как кризисная.

Список использованных источников

1. Алпеев А.С. Терминология безопасности: Кибербезопасность, Информационная безопасность. Журнал «Вопросы кибербезопасности». 2015. № 5. 36-42 с.
2. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. – Минск, 2022.
3. Петров В.П., Петров С.В. Информационная безопасность человека и общества: учебное пособие / В. П. Петров, С. В. Петров – М. : Изд-во НИЦ ЭНАС, 2007. – 336 с.
4. Ромашкина Н.П., Стефанович Д.В. Стратегические риски и проблемы кибербезопасности // Вопросы кибербезопасности. 2020. № 5. 77-86 с.

СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

А.П. Петров, В.А. Петров

Ключевые слова: юстиция, суд, правосудие, трибунал, защита.

После Октябрьской революции вся дореволюционная система судов была сломлена. Перед молодой Советской властью стал вопрос об организации ново судебной системы, которая отвечала бы требованием времени.

Цель – показать становление судебной системы в первые годы советской власти.

Материал и методы. Научную теоритетико-правовую базу исследования составили декреты Советской власти за период с 25 октября 1917 года по ноябрь 1920 года, закреплявшие судебную систему, порядок ее организации и рассмотрения гражданских и уголовных дел.

В качестве методов исследования использовались системный анализ, логически, исторический анализ, сравнительного правоведение.

Декрет «О суде № 1» упразднял все дореволюционные суды, ликвидировал институты судебных следователей, прокурорского надзора, а также институт присяжных и частной адвокатуры. Вводился постоянный судья и два народных заседателя, которые избирались местными Советами. Они рассматривали гражданские дела (не превышающие сумму иска 3 тысяч рублей) и уголовные дела (где наказание не превышало 2-х лет лишения свободы).

Предварительное следствие возлагалось на местных судей единолично. Обвинение и защиту могли осуществлять непорочные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами.

Приговоры и решения местных судов были окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали.

В кассационном порядке можно было обжаловать решения суда (если сумма присуждалась более 100 рублей) и приговоры суда (если лишение свободы превышало 7 суток). Кассационной инстанцией являлись уездные, а в столицах – столичные съезды местных судей [1, с. 463]

На фронтах местные судьи избирались полковыми советами, а где их не было – полковыми комитетами.

Одновременно с местными судами для борьбы против контрреволюционных сил, а равно с мародерством и хищением, саботажем и прочими злоупотреблениями, учреждались рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе председателя и местных очередных заседателей, избравшихся губернскими или городскими Советами. Для производства следствия эти Советы образовывали следственные комиссии.

Декрет «О суде № 2», для решения дел превышающих подсудность местных народных судов, вводил окружные народные суды, члены которых избирались по округам местными Советами. Общее собрание членов окружного народного суда устанавливало количество гражданских и уголовных отделений в составе председателя и не менее двух постоянных членов в каждом. Члены суда из своей среды избирали председателя суда и председателей отделений.

Рассмотрение дел в гражданских отделениях осуществлялось в составе трех постоянных членов окружного суда и четырех народных заседателей. По уголовным делам – в составе постоянного члена окружного суда (председательствующего) и двенадцати народных заседателей. Общие списки народных заседателей составлялись губернскими и городскими Советами.

Для рассмотрения кассационных жалоб на решения гражданских отделений и приговоров уголовных отделений окружных народных судов, члены этих судов на общем собрании избирали надлежащее количество членов областного народного суда, которые в свою очередь из своей среды выбирали председателя областного народного суда и председателей отделений. Кассационное обжалование устанавливалось в один месяц, как на решения, так и на приговоры окружного народного суда [1, с. 475].

В целях достижения единообразия кассационной практики учреждался в Петрограде Верховный судебный контроль, в состав которого входили председатели областных народных судов, избираемых не свыше 1 года.

Предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного суда, производилось следственной комиссией из трех лиц, избираемых Советами.

Судебное следствие происходило при участии обвинения и защиты. При Советах создавались коллегии лиц, работавшие общественными обвинителями и общественными защитниками.

Декрет о суде № 3 расширил компетенцию местных судов (иски до 10000 рублей, наказания до 5 лет лишения свободы). Дела о посягательстве на человеческую жизнь, изнасилования, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляций передавались на рассмотрение народных окружных судов. Следствие проводили следственные комиссии из трех лиц, избираемые Советами.

Советы местных народных судей осуществляли кассационные функции. В Москве создавался кассационный суд из двух отделений – гражданского и уголовного, в составе председателя и его товарища, утверждаемых ВЦИК по представлению Народного комиссара юстиции, и восьми членов, избираемых ВЦИК. Он рассматривал кассационные дела на приговоры и решения окружного народного суда [2, с. 16–18].

30 ноября 1918 г. ВЦИК принял Положение «О народном суде РСФСР» [3, с. 97–110]. Учреждался единый народный суд в составе одного постоянного народного судьи и двух или шести народных заседателей.

Постоянные народные судьи избирались в городах, имеющих районные Советы – общими собраниями отдельных районных Советов, а в остальных городах – общими собраниями городского Совета.

Народные судьи единолично рассматривали дела о расторжении брака и дела в порядке бесспорного производства. Народный судья и шесть народных заседателей рассматривали уголовные дела о посягательствах на человеческую жизнь, причинение тяжелых ран или увечья, изнасиловании, разбое, подделке денежных знаков и документов, взяточничестве и спекуляции монопольными и нормированными продуктами потребления. Народный судья и два народных заседателя рассматривали все остальные уголовные и гражданские дела.

Все народные суды, находящиеся в составе губернии или соответствующей ей отдельной территориальной единицы РСФСР составляли судебный округ. Город Москва и Петроград выделялись в отдельные судебные округа.

В каждом судебном округе для рассмотрения кассационных и частных жалоб на приговоры, решения и действия народных судов и ближайшего контроля над ними учреждался совет народных судей (вторая инстанция), который образовывал уголовные и гражданские отделения, заведовали которыми члена президиума совета народных судей.

Совет народных судей состоял из председателя и заместителя, постоянных членов совета народных судей, от двух до пяти народных судей округа, участвовавших в заседании совета по очереди.

Председатель, заместитель председателя и постоянные члены совета народных судей из числа народных судей избирались губернскими съездами народных судей округа, а в Москве и Петрограде их общими собраниями и утверждались соответствующими исполкомами Советов, а также образовывались президиум совета народных судей. На подачу кассационной жалобы устанавливался один месяц со дня объявления приговора.

Производство предварительного следствия возлагалось на следственные комиссии уездные и городские. Состояли они из председателя и двух членов избираемых городским Советом или исполкомами уездных съездов Советов.

При губернских и уездных Советах учреждались коллегии защитников, обвинителей и представители сторон, которые избирались соответствующими Советами. Они получали содержания в размере оклада народного судьи.

В качестве представителей сторон и защитника допускались также близкие родные тяжущихся (родители, дети, супруги, братья и сестры) и юрисконсульты учреждений, уполномоченные руководителем.

21 октября 1920 г. утверждается ВЦИК Положение «О народном суде» [4, с. 81–93]. По данному Положению число народных судов в районе утверждал Народный комиссариат юстиции (ранее губисполком Совета). Упразднялись следственные комиссии и вводились народные следователи, избираемые губисполкомами Советов. Состояли они при советах народных судей и действовали в пределах своего участка. При отделах юстиции назначались и утверждались Народным комиссариатам юстиции особые следователи по важнейшим делам, а при Наркомате юстиции следователи по важнейшим делам назначались им же.

Вместо коллегий обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе при отделах юстиции состояли обвинители, которые назначались губисполкомами Советов, а в качестве защитников привлекались граждане, способные исполнять эту обязанность, для чего исполнительные комитеты районные, городские и уездные составляли списки этих граждан.

Срок на подачу кассационной жалобы уменьшался до двух недель.

В своей деятельности суды руководствовались декретами ВЦИК, СНК, а в случае отсутствия соответствующего декрета или не полноты такового руководствовались социалистическим правосознанием [3, с. 101].

Первоначально суды в своей деятельности руководствовались декретами ВЦИК, СНК, положениями политических программ большевиков и левых эсеров, а также «законами свергнутых правительств, лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [1, с. 125], «гражданскими и уголовными законами действующими до ныне, лишь постольку, поскольку таковые не отменены декретами ВЦИК и СНК и не противоречат

социалистическому правосознанию» [1, с. 473]. 30 ноября 1918 г. «ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются» [3, с. 101].

Судоустройство строилось на принципах сочетания коллегиальности и единоличного рассмотрения дел, судейского правотворчества, социалистического и революционного правосознания.

В судебном процессе действовали принципы гласности, состязательности сторон, свободы применения доказательств, судоговорение проводилось на местном языке, возможности обжалования постановлений (приговоры, решений, определений) судов.

Заключение. Проведенное исследование показало, что за короткий срок была создана судебная система, которая отвечала требованиям времени и стала основой для создания существующей судебной системы Республики Беларусь, базирующихся на принципах территориальности и специализации.

Список использованных источников

1. Декреты Советской власти т. I: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 г / подгот. С.Н. Валком [и др.] / М.: Изд-во полит. лит-ра, 1957. – 626 с.
2. Декреты Советской: т. III: 11 июля - 9 ноября 1918 г. / подгот. С.Н. Валком [и др.] / М.: Изд-во полит. лит-ра, 1964. – 664 с.
3. Декреты Советской: т. IV: 10 ноября 1918 - 31 марта 1919 г. / подгот. С.Н. Валком [и др.] / М.: Изд-во полит. лит-ра, 1968. – 713 с.
4. Декреты Советской: т. XI: октябрь – ноябрь 1920 г. / подгот. С.Н. Валком [и др.] / М.: Изд-во полит. лит-ра, 1983. – 467с.

ЛИЧНОЕ ДОСТОИНСТВО КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО И ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС

М.Р. Ромашова

Ключевые слова: субъективные права, законные интересы, личное достоинство, государство, реформа, социальный эксперимент.

Осуществляется сравнительный анализ понятий право и интерес; определяются особенности восприятия достоинства личности как субъективного права, получившего закрепление в действующей Конституции РФ и обеспеченного системой государственных гарантий; показывается специфика понимания личного достоинства как законного интереса, являющегося оценочным показателем во взаимодействии государства и личности.

Право и интерес: соотношение понятий

В русской юридико-лингвистической традиции слово право используется как для наименования системного явления (современное российское право), так и для обозначения первичного элемента субъективного права (право на труд, образование, социальное обеспечение и т.п.).

Применительно ко второму пониманию, как правило, речь идет о множественном числе (права человека, права и свободы, права и законные интересы). При этом использование парных категорий, по идее следует рассматривать как попытку отграничить собственно право от связанных с ним, однако не тождественных категорий.

Права и интересы субъектов соотносятся как фактические явления и их предпосылки. Без предпосылок то или иное явление невозможно, однако наличие предпосылок, само по себе явление не порождает.

Субъективные права включают в себя правомочия (право действия, право требования, право притязания) и обязанности (обязанность действия, обязанность воздержания), реализуемые/защищаемые правосубъектными лицами в рамках регулятивных и охранительных правоотношений [1, с. 185]. Особенностью названных правомочий и обязанностей является их корреспондирующий характер. Вовлеченные в правоотношения субъекты могут реализовать свои права, только в случае выполнения контрсубъектами соответствующих обязанностей и наоборот. Государство выступает по отношению к субъективным правам как форматор, гарант реализации и защиты, арбитр в спорах о праве и возникающих в сфере правовых отношений конфликтах.

Государство-форматор, законодательно определяет перечень основных субъективных прав и определяет их содержание. При этом, следует обратить внимание на достаточно высокую степень содержательной неопределенности ряда субъективных прав относящихся к группе так называемых естественных неотчуждаемых прав человека. В частности Конституция России в ст. 20–22 закрепляет такие личные права как право на жизнь (ст. 20), право на достоинство (ст. 21), право на свободу (ст. 22). При этом из содержания Конституции, равно как и из других российских законов и подзаконных актов не понятно какую смысловую нагрузку вкладывает законодатель в вышеперечисленные правовые конструкции. Что такое жизнь, достоинство, свобода как правовые категории? Можно ли отчуждать неотчуждаемые права? Если нет, то как это согласуется с предусмотренными в Конституции такими видами наказания как смертная казнь и лишение свободы? Вопросы можно продолжать, но уже из тех которые были поставлены автором ясно, что формирующая роль государства в области наполнения субъективных прав реальным смысловым содержанием, весьма далека от идеала и нуждается в совершенствовании.

Государство-гарант, определяет условия реализации и защиты субъективных прав. При этом следует разграничивать гарантии исходящие непосредственно от государства, представленного компетентными правоохранительными органами и должностными лицами, гарантии гражданского общества (правозащитные и профсоюзные организации, политические партии и общественные движения, бизнес-корпорации и т.п.), а также гарантии определяемые и реализуемые непосредственно носителем соответствующего субъективного правового статуса. В частности, ст. 45 Конституции

определяет, что «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

Государство-арбитр, осуществляет объективное рассмотрение споров о праве, выступая в качестве суверенной судебной инстанции способной принять справедливое решение по любому юридически значимому вопросу в сферах конституционного, административного, гражданского и уголовного процессов.

В отличие от субъективных прав неразрывным образом, связанных как самими субъектами, так и с государством, субъективные интересы складываются исключительно на уровне заинтересованных субъектов. Государство может стимулировать либо ограничивать интерес, но не способно его создать и уж тем более уничтожить. Субъективные интересы представляют собой психоэмоциональные факторы, положенные в основу поведенческой мотивации, обеспечивающие принятие юридически значимых решений с последующим их воплощением в фактические поведенческие акты (целенаправленные/умышленные деяния) и поступки (деяния не подчиненные определенным целеполаганиям) [2, с. 63]. Любой субъект, первоначально руководствуется в своем поведении неким интересом, который в зависимости от результатов последующего волеизъявления может рассматриваться и в качестве законного и как противозаконный. При этом оценка интереса с точки зрения его соответствия (противопоставления) нормативно-правовым предписаниям носит сугубо формальный характер и определяется не столько сущностным содержанием, соответствующего мотиватора, сколько юридической квалификацией совершенного субъектом деяния (действия/бездействия). Так, к примеру интересом улучшения собственного благосостояния могут в одинаковой степени руководствоваться в своей деятельности работник на предприятии и грабитель; интерес карьерного роста может выступать в качестве катализатора обуславливающего и добросовестную конкуренцию, и коррупционные отношения.

Личное достоинство как предмет правового регулирования

Как уже ранее отмечалось, в действующей Конституции России закрепляется обязанность государства охранять достоинство личности и подчеркивается недопустимость любого обращения, унижающего человеческое достоинство (ст. 21). Так же отмечалось и то, что в Конституции отсутствует содержательная характеристика личного достоинства как предмета правового регулирования. Не понятно можно ли отождествлять право на личное достоинство (ст. 21) и право на достойную жизнь (ст. 7). Содержательный анализ слова достоинство, позволяет говорить об изменении его смысловой каннотации на различных этапах (циклах) российского политогенеза [5]. В Российской Империи достоинство – это, в первую очередь, оценочная категория (ассигнация достоинством в пятьдесят рублей). Применительно к людям, их достоинство (ценность, стоимость) определяется

принадлежностью индивида к определенному социальному сословию. Деление российских подданных на «благородных» и «простолюдинов», обусловливало иерархическую дифференциацию достоинств, а это, в свою очередь налагало отпечаток на выработку стереотипов общежития, в рамках которых устанавливались правила коммуникации «господ» с «простыми людьми». Показательно, что для имперского общества обращение «человек» используется по отношению к ресторанной службе, а помещение, называемое «людская» применяется для размещения слуг в барском помещении. К российским «господам» следовало обращаться на Вы, по имени отчеству, используя производные от наименования «Ваше благородие/светлость/священство». Сами же «господа» обращались к «простолюдинам» на Ты, по имени, зачастую используя уничижительные вариации (Сашка, Малашка, Варька и т.п.). Причем «иерархия достоинств» будучи перенесенной в «благородное сословие», мало чем отличалась от общеимперской. Показательным примером является общение Императора Петра I, с вельможным князем А.Д. Меншиковым, остававшимся для самодержца Алексашкой и нередко подвергавшимся, говоря современным конституционным языком, «обращению, унижающему человеческое достоинство».

Великая Октябрьская Социалистическая Революция 1917 г. провозгласив отмену сословного неравенства, вместе с тем не уравнила граждан РСФСР в их личных достоинствах, определявших место советского гражданина в социальной структуре социалистического общежития. Классовое деление «общества нового исторического типа» на эксплуатируемых трудящихся и эксплуататоров, с объявлением последних «политико-правовыми лишенцами», обусловило не отмену «иерархии достоинств», а лишь изменение принципов, на которых она была построена. Очень быстро на смену императорскому дворянству пришло «дворянство советское», представленное советско-партийной номенклатурой, «красными директорами», высшим начальствующим составом силовых структур. При этом отличаясь от своих «императорских предшественников» по социальному происхождению, «советские аристократы» практически полностью переняли от них пренебрежительное, зачастую хамское отношение к «нижестоящим» согражданам.

В постсоветской России право на личное достоинство получив свое конституционное закрепление, приобрело содержательное значение отличное как от имперского, так и советского аналогов. Утратив «верноподданический» характер по отношению к Императору – «хозяину земли русской», равно как и обусловленность «преданностью делу строителей коммунизма», достоинство личности в современных условиях воспринимается как естественное право, потенциально присущее каждому российскому гражданину не зависимо от его социального происхождения и партийной принадлежности. Получив свое конституционное закрепление наряду со свободой, равенством, собственностью (воспринимаемой в контексте «трудовой» концепции), личное достоинство выступает в качестве «нематериального блага,

свидетельствующего об осознании гражданином своих моральных качеств, определяющих его значимость перед государством и обществом (чувство собственного достоинства)» [4]. Естественно, что сам факт закрепления того или иного права в «основном законе» государства, равно как и продекларированная обязанность государства выступать гарантом его реализации и защиты, далеко не всегда означает, практического воплощения соответствующего правового предписания. Нельзя не согласиться с утверждением К. Поппера: «Воплотить в жизнь хорошее законодательство, превратить его в высшую власть в стране еще сложнее, чем его создать. Особенно трудна эта задача для России, которая на бумаге уже имела хорошие законы, оставшиеся, к несчастью, бессильными и неиспользуемыми» [3, с. 10]. Слова, произнесенные мыслителем более шестидесяти лет назад, не утратили своей актуальности вплоть до настоящего времени. Законодательное закрепление естественных прав, в число которых входит право на личное достоинство, пока не привело к осознанию их реальной юридической силы для государства, которое будучи представлено бюрократическим аппаратом, зачастую, в своем отношении к простым гражданам придерживается традиционного для российского политогенеза принципа «иерархии достоинств».

Личное достоинство как законный интерес гражданина России

Безусловно, самого факта конституционного закрепления любого субъективного права, не достаточно для его практического воплощения. И дело здесь не столько в желании, либо не желании государства, в лице различных чиновников, наделить или же ограничить человека в его праве, сколько в отсутствии у самих граждан реальной заинтересованности в отстаивании своих прав, которые возникают у них естественным, не зависящим от государства путем, однако обладание которыми не возможно без осознания ценности соответствующих правовых положений. Точно так же, как государство не может создать человеческую жизнь, оно не способно силой одного лишь закона, превратить человека, не осознающего для себя значимости и ценности таких понятий как свобода, равенство, собственность, достоинство в их фактического обладателя. Нищий не осознает значимости денег, которых у него никогда не было и скорее всего не будет. Если же Всевышний, очевидно желая зло подшутить над страждущим, дарует ему чудо в виде многомиллионного выигрыша в лотерею, то в абсолютном большинстве случаев, в буквальном смысле «свалившееся на голову» богатство, имеет тот же эффект, что и свалившийся на голову кирпич, в лучшем случае калечащий, в худшем – убивающий. То же самое происходит в случаях, когда государство пытается путем законодательных реформ одномоментно изменить общественное и личное сознание не готовое к переменам и воспринимающее все нововведения как чуждые, а следовательно, враждебные традиционному порядку, не любимому, но привычному и от того родному. В 1861 г. российское государство, отменив крепостное право, свято верило в то, что крестьянское сословие, осознававшее себя на протяжении веков в

качестве помещичьей собственности, «живого имущества», после императорского указа превратиться в сообщество «свободных землепашцев». Примерно в таком же контексте мыслил П. Столыпин, полагавший возможным по инициативе сверху внедрить «сельскохозяйственный капитализм», противопоставляемый круговой поруке деревенской общины. В новейшей истории России, также нашлось место утопистам-экспериментаторам, уверовавшим в возможность построения капитализма за 500 дней и осуществившим в 1991 г. приватизацию призванную превратить людей, которые в течении 70 лет были отчуждены от частной собственности в добросовестных конкурентоспособных собственников. Вполне естественно, что ни один из этих, равно как и подобных им социальных экспериментов, осуществляемых по инициативе власти, не привел к ожидаемым результатам, более того дважды за XX век, российское государство претерпело разрушительные катаклизмы, платой за которые стали разрушенные судьбы миллионов людей.

Современная Россия провозглашая себя демократическим правовым государством в котором достоинство личности находится под государственной защитой, демонстрирует стремление не только конституировать, но и воплотить в реальности естественные права человека, применительно к которым личное достоинство, как способность человека воспитывать чувство собственного самоуважения не зависящего от социального статуса и должностного положения, представляет законный интерес, определяющий как выбор вектора направления жизненного развития, так и задающий алгоритм взаимодействия индивида с государством. Рационально-правовое восприятие последнего, позволяет рассматривать государственную организацию общежития как систему способную приносить как пользу, так и вред жизни конкретного человека. И если человек сталкивается с проявлением неуважения конкретных государственных чиновников к собственному достоинству, то вряд ли можно заставить его уважать государство, от имени которого эти чиновники выступают.

Список использованных источников

1. Иванов Э.И. Понятие субъективного права // Марийский юрид. вестн. 2011. Вып. 8.
2. Конопченко Ю.П. Понятие законного интереса в праве // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 1.
3. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992;
4. Проект ФЗ «О конституционном праве граждан Российской Федерации на защиту чести и достоинства и об обеспечении этого права государством и обществом» // <https://docs.cntd.ru/document/901835548> (дата обращения 02.05.2022);
5. Ромашов Р.А. Политогенез: Храм-Полис-Государство-State. СПб.: Алетейя, 2020.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОНИКНОВЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА В ЧАСТНОПРАВОВУЮ СФЕРУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.Г. Стаценко

Ключевые слова: публичный интерес, субъективные права и свободы, международно-правовые стандарты, публично-правовое ограничение прав частных лиц, информационно-коммуникационные технологии, доступ в Интернет, обеспечение прав человека в онлайн-среде.

Правовые аспекты взаимовлияния публичного интереса и сферы частных общественных отношений относятся на современном этапе к наиболее актуальным и спорным проблемам нормативно-правового регулирования. Острота этой проблематики связана с возможностью вмешательства государства в сферу базовых субъективных прав, свобод и законных интересов человека в современном обществе и, соответственно, их ограничений.

Целью исследования в данной статье является сопоставление международных правовых стандартов в области прав человека в сфере доступа в Интернет с практикой их реализации на национальном уровне.

Материал и методы. Материалом исследования являются международные и национально-правовые источники, устанавливающие принципы и нормы регулирования доступа в Интернет. В работе использовались общенаучные методы, а также метод компаративистского анализа.

Результаты и их обсуждение. Содержание проникновения публичного интереса в частноправовую сферу общественных отношений в значительной степени определяется особой юридической процедурой правового установления и осуществления субъективных прав и свобод, а также их ограничения, устанавливаемой государством. Основанием создания и функционирования подобной юридической процедуры служит объективно или субъективно обоснованная оценка возможностей того, что реализация определенных субъективных прав в конкретных ситуациях может затронуть или затрагивает публичные интересы или частные интересы других лиц. Сама эта юридическая процедура возникновения, реализации и границ осуществления субъективных прав и свобод состоит, прежде всего, в обязанности участников частноправовых отношений следовать определенным формальным правилам, вступая для этого в публично-правовые отношения с компетентными государственными органами, наделенными по закону соответствующими контрольными и санкционирующими компетенциями и полномочиями.

Правовая обоснованность формализации осуществления субъективных прав и их ограничения путем проникновения публичного интереса в частноправовую сферу общественных отношений, в целом соответствует международным правовым стандартам, определяющим основания и границы вмешательства государства в область прав и свобод человека. Например, статья 29

Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. устанавливает: при осуществлении своих прав человек может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом в целях обеспечения должного признания и уважения прав других лиц и требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [1, ст. 29]. Аналогичные положения о публично-правовом ограничении прав частных лиц содержатся в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Протоколе № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и др.

При этом, однако, международные акты, определяющие стандарты в области прав человека, основываются на том, что ограничения на осуществление субъективных прав могут вводиться только в «особых условиях и только на основании закона». Основаниями при этом могут выступать «интересы государственной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других» [2, ч. 3 ст. 12].

Содержание проникновения публичного интереса в частноправовую сферу общественных отношений посредством установления особой юридической процедуры возникновения и осуществления субъективных прав их участников составляют различные виды этих процедур, таких, например, государственная регистрация юридических лиц; государственное лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности; государственная регистрация актов гражданского состояния; государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации; государственное регулирование требований процессам производства, эксплуатации, хранению, выполнению работ или оказанию услуг и др.

К числу таких процедур, требующих установления особого порядка возникновения и осуществления субъективных прав их участников, необходимо отнести и развивающиеся в последнее время, на национальном уровне правовые установления, относящиеся к регулированию доступа к информации или ее распространению *в режиме онлайн*.

При этом в условиях общественных изменений, определяемых внедрением цифровых технологий и глобализацией компьютерных сетей, проблема обеспечения необходимого баланса между интересами поддержания правопорядка и соблюдения прав человека становится все более злободневной. Существует, например, немало прецедентов блокировки доступа к Интернету и, тем самым, ограничения и нарушения права на получение и распространение информации, в связи с политическими событиями. В качестве примера последних лет можно привести факты ограничения властями ряда стран (Бирма, Китай Куба, Иран Северная Корея, Саудовская Аравия, Казахстан и др.) полностью или частично доступа к Интернету и социальным сетям, в том числе во время гражданских массовых протестных акций.

Между тем, в актах международных организаций неоднократно отмечалось, что «те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны

также защищаться и в онлайн-среде», включая права на неприкосновенность личной жизни и на свободу выражения мнений, которые должно осуществляться «независимо от государственных границ и любыми средствами по собственному выбору» [3]. В резолюциях Совета ООН по правам человека меры государств «по умышленному недопущению или нарушению доступа к информации или ее распространения в режиме онлайн в нарушение норм международного права прав человека» прямо признаются неправомерными; в ряде из них содержится требование к государствам «воздерживаться от таких мер и прекратить их использование» [4, п. 10].

В отчете Специального докладчика ООН по вопросам поощрения и защиты права на свободу мнений и их свободное выражение в мае 2011 года отмечалось, в связи с этим, что «отключение пользователей от доступа к Интернету, независимо от представленного оправдания, в том числе на основании нарушения закона о правах интеллектуальной собственности, является несоразмерным и, следовательно, нарушением пункта 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах... Учитывая, что Интернет стал незаменимым инструментом для реализации ряда прав человека, борьбы с неравенством и ускорения развития и прогресса человечества, обеспечение всеобщего доступа к Интернету должно быть приоритетом для всех государств» [5].

Комитет по правам человека ООН в свою очередь, определил, что «любые ограничения на работу вебсайтов, блогов и любых других подобных систем распространения электронной и иной информации, основанных на Интернет-технологиях, в том числе систем, обеспечивающих работу подобных средств коммуникации, таких как системы доступа к сети Интернет или поисковые системы, допустимы в той мере, в какой они совместимы с пунктом 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах... Допустимые ограничения должны основываться главным образом на содержании конкретных материалов; общие запреты на функционирование определенных сайтов и систем несовместимы с пунктом 3». В отчете Комитета отмечается также, что несовместимым с пунктом 3 Пакта 1966 года следует считать «запрет на публикацию сайтами или системами распространения информации каких-либо материалов исключительно по той причине, что они могут содержать критику правительства или социально-политической системы, которой придерживается правительство» [6, п. 43].

Неопределенные и неконкретные ссылки в национальных правовых актах на необходимость обеспечения «национальной безопасности», недопущения «экстремизма» или «терроризма», в качестве предлога для применения различных ограничений прав человека, включая право на свободный доступ к электронной информации и ее источникам, с позиций принципов конституционного и международного права, не должны допускаться.

Заключение. Поскольку доступ к Интернету в современных условиях является необходимым средством реализации многих субъективных прав,

включая право на свободу мнений и их выражение, право на частную жизнь, право на свободу собраний, право на охрану здоровья и получение образования, право на участие в политической, культурной жизни и др., право доступа к Интернет-технологиям очевидно требует гарантирования на конституционно-правовом уровне.

Международно-правовые стандарты определяют, также, что проникновение публичного интереса в рассматриваемую сферу частных отношений, в виде введения ограничений и запретов, должно осуществляться только на основании национального закона, который должен быть четко сформулирован и не может допускать произвола со стороны государственных органов.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/declhr.shtml>. - Дата доступа: 26.04.2022.

2. Международный Пакт по гражданским и политическим правам человека от 16.12.1966 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.

3. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век: Резолюция Генеральной ассамблеи ООН № 68/167 от 18 декабря 2013 года [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf.- Дата доступа: 28.04.2022

4. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете: Резолюция A/HRC/32/L.20, принятая Советом по правам человека 27 июня 2016 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G16/131/91/PDF/G1613191.pdf?OpenElement>. - Дата доступа: 27.04.2022.

5. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/HRC/17/27&referer.- Дата доступа: 28.04.2022.

6. Комитет по правам человека ООН. Замечание общего порядка № 34, CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г. [Электронный ресурс].-Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom34.html>. - Дата доступа: 27.04.2022

УНИФИКАЦИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ СОБЛЮДЕНИЕ РАЗУМНЫХ СРОКОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

И.Ю. Султанов

Ключевые слова: разумный срок судопроизводства, унификация уголовного наказания, квалификация, возвращение уголовного дела прокурору.

Одним из актуальных вопросов современного уголовного процесса является соблюдение разумного срока судопроизводства, которое закреплено как принцип в ст. 6.1 УПК РФ [1].

Только при соблюдении разумного срока уголовного судопроизводства возможно обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защитить лицо, подвергающееся уголовному преследованию, от чрезмерно долгого действия мер процессуального принуждения.

На сегодняшний день уголовный закон имеет определенные недостатки, которые наряду с повышенной рабочей нагрузкой правоприменительных органов, препятствуют своевременному достижению целей уголовного судопроизводства.

Согласно санкциям статей Особенной части УК РФ, которыми предусмотрена уголовная ответственность за совершение квалифицированных кражи (ч. 2 ст. 158 УК РФ), мошенничества (ч. 2 ст. 159 УК РФ), присвоения или растраты (ч. 2 ст. 160 УК РФ), установлены разные размеры наказаний в виде штрафа. В составе мошенничества, присвоения(растраты) по отношению к составу кражи размер штрафа выше, что незначительно, но делает данные преступления более тяжкими [2].

Такой дифференциации вряд ли найдется какое-либо объяснение, поскольку еще выдающийся мыслитель нового времени Т. Гоббс писал: «Тайное похищение – большее преступление, чем похищение имущества с согласия его владельца, полученного путем обмана» [3, с. 240].

Вышеуказанные различия на практике порождают определенные проблемы, поскольку в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, как более тяжкого преступления [1].

Статистика показала, что в 2020 году в России число дел, возвращенных районными судами прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, составило 7,4 тыс. дел [4, с. 10].

Следует признать, что вышеуказанные составы преступлений по своей общественной опасности равны и в силу их смежности на практике часто возникают спорные варианты квалификации.

Неслучайно, обобщив судебную практику по уголовным делам, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении указывает на то, что, если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа [5].

Так, 06.10.2020 постановлением Ленинского районного суда г. Красноярска уголовное дело по обвинению Мулина В.В. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в порядке ст. 237 УПК РФ возвращено прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом. В своем постановлении суд указал следующее.

Как установлено в судебном заседании, в ходе совершения хищения Мулин В.В. понимал, что действует открыто для М. обманул его, сообщив, что кошелек принадлежит ему, после чего изъял чужое имущество, впоследствии распорядившись его содержимым.

Данный вывод суд делает из анализа исследованных в судебном заседании показаний свидетеля М., данных им в ходе предварительного следствия и оглашенных в судебном заседании в соответствии с ч. 2 ст. 281 УПК РФ, из которых следует, что он, работая в такси, выполнил заказ, привез к месту назначения женщину на вид около 35 лет (потерпевшую Е.), а затем на остановке ожидал новых клиентов. В начале седьмого к нему в автомобиль сели трое мужчин, которых он привез к автобусной остановке ДК «КрасТЭЦ». После того как клиенты вышли из машины он обнаружил портмоне на заднем сидении своего автомобиля. Полагая, что портмоне забыл кто-то из мужчин, он сообщил им об этом, предложив забрать его. К нему подошел мужчина и сказал, что это его портмоне, забрал его и ушел.

Из показаний Мулина В.В., данных в судебном заседании следует, что он и его приятели воспользовались услугами такси при обстоятельствах, изложенных в обвинительном заключении. Когда они вышли из такси их окликнул водитель и сказал, что они оставил в машине кошелек. Подойдя к машине, он (Мулин В.В.) забрал кошелек, понимая, что имущество ему не принадлежит, как и не принадлежит его знакомым, находящимся с ним. Денежные средства, которые находились в кошельке, потратил на личные нужды.

Таким образом, совершая преступление, Мулин В.В. действовал открыто для постороннего лица – М., понимая это, обманул его, завладел имуществом Е., следовательно, в действиях Мулина В.В. усматривается состав более тяжкого преступления. Такой вывод суд делает, из фактически установленных по делу обстоятельств [6].

Несмотря на то, что в силу положений ст. 15 УК РФ п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину) и ч. 2 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину) относятся к категории преступлений средней тяжести, суды делают вывод о наличии оснований к возвращению делу прокурору (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ) по строгости всех видов наказаний, перечисленных в санкции статьи Особенной части УК РФ, а не только лишения свободы, которое лежит в основе категоризации преступлений.

Подобных случаев в судебной практике встречается немало.

В связи с вышеизложенным предлагается унифицировать, т.е. сделать одинаковым, уголовное наказание, установленное за совершение кражи (ч. 2 ст. 158 УК РФ), мошенничества (ч. 2 ст. 159 УК РФ), присвоения или растраты (ч. 2 ст. 160 УК РФ), для устранения препятствий рассмотрения уголовных дел судом в условиях спорной квалификации без использования института возвращения уголовного дела прокурору.

Реализация предложенной меры будет способствовать соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства, что позитивно отразится на защите публичных и частных интересов.

Список использованных источников

1. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Т. Гоббс. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Мысль. Москва, 1991 – 731 с.
4. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Москва, 2021 – 109 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Постановление Ленинского районного суда г. Красноярск от 06.10.2020 [Электронный ресурс] // Сайт Ленинского районного суда г. Красноярск lenins.krk.sudrf.ru.

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В.В. Хилькевич

Ключевые слова: информационные технологии, электронное уголовное дело, уголовный процесс, органы предварительного следствия, досудебное производство, электронный документооборот, E-уголовное дело.

Тема исследования актуальна, поскольку на современном этапе во всём мировом сообществе наблюдается стремительное внедрение информационных и коммуникативных технологий во все области жизнедеятельности, включая сферу уголовной юстиции. Это послужило импульсом для обсуждения в научной литературе различных инициатив по оптимизации нормативной базы и практического применения таких технологий в уголовно-процессуальной деятельности, центральной идеей которых является переход от бумажного документооборота к электронному.

Цель исследования – формирование научного представления о понятии, сущностных элементах и содержании деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство по уголовному делу в электронном формате.

Материал и методы. Материалом исследования послужили аналитические обзоры, справки, иные аналитические материалы о деятельности правоохранительных органов зарубежных государств и международных организаций по вопросам оптимизации деятельности органов досудебного

расследования, а также проведенный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, осуществляющих производство в электронном формате.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы научного познания. Использование формально-логического метода позволило уточнить понятийный аппарат, относящийся к деятельности органов досудебного расследования в электронном формате.

Результаты и их обсуждение. Под электронным уголовным делом, по нашему мнению, необходимо понимать содержащиеся на материальном носителе в электронном виде документы, отражающие ход расследования по уголовному делу. Также при соблюдении мер, исключающих несанкционированный доступ посторонних лиц и обеспечивающих сохранность файлов, возможно хранение документов электронного уголовного дела в облачных хранилищах. Уголовное судопроизводство в электронном формате – это электронный аналог бумажного уголовного судопроизводства с массой очевидных преимуществ. В рамках этого дела все процессуальные и иные документы оформляются на компьютере, сканируются и заносятся в программу. В суд такое дело направляется также в электронном виде.

Одним из лидеров в использовании технологий безбумажного документооборота в уголовном процессе является Финляндия. В настоящее время интегрированная информационная система правоохранительных органов Финляндии обслуживает 63 судебных округа, 6 апелляционных судов и Верховный суд Финляндии. Ежегодно системой обрабатывается 90 тыс. уголовных дел, 52% которых рассматривается судьей единолично. В систему интегрированы 30 пенитенциарных учреждений, органы криминальной полиции, прокуратуры, судебные приставы, управление по сбору штрафов за уголовные преступления и пенитенциарные суды. Главным координатором программы является Министерство юстиции Финляндии [1, с. 95].

Также заслуживает внимания опыт США по внедрению информационно-коммуникационных технологий в правоохранительную деятельность. В частности, с 1997 года в этой стране принято несколько федеральных законов, которые ускорили процесс перехода на электронный документооборот в уголовном процессе [1, с. 96].

Сегодня интегрированная информационная система правоохранительных органов, например, в штате Аляска обслуживает 4500 сотрудников правоохранительных органов. Полностью электронным образом ежегодно сопровождаются более 40000 решений об аресте, 13500 приговоров судов и 14500 прочих уголовно-процессуальных решений. В рамках соответствующего проекта реализованы: система снятия отпечатков пальцев, автоматизированная информационно-поисковая дактилоскопическая система, оперативно-розыскные и криминалистические базы данных (в том числе база данных генетической информации), а также доступ в общенациональные базы данных. Данная система надежно защищена и имеет различные уровни доступа к

хранящейся информации. В локальную сеть системы объединены 250 агентств и органов (полицейские участки, офисы прокуроров и адвокатов, пенитенциарные учреждения, суды). Доступ к системе возможен и с патрульных машин полиции. Положительным моментом системы является концепция полного электронного документирования материалов уголовного дела [1, с. 97].

Среди стран СНГ интересен опыт Казахстана. Проект электронного уголовного дела разработан Комитетом по правовой статистике и специальных учётов Генеральной прокуратуры. Программа охватывает все стадии уголовного процесса: регистрацию преступления, расследование и исполнение приговора. По мнению Генерального прокурора Республики Казахстан Ж.Асанова, цифровизация уголовного процесса позволит решить ряд чувствительных для населения вопросов, а также упростить процедуру сбора доказательств и составления процессуальных документов, снизить риски фальсификации материалов дела, а также материальные затраты и нагрузку на следственные и судебные органы.

Главными преимуществами программы разработчики называют следующие аспекты: избежание фальсификаций, обеспечение оперативности; возможность ознакомления в любое время (в онлайн-режиме); получение санкции суда в электронном виде; избавление от ненужной бумажной волокиты. Одной из задач, предусмотренных в Указе Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по усилению гарантий прав и свобод граждан в судебной-следственной деятельности», а также в Государственной программе на 2018 год, является выработка и внесение предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства и методологии расследования и рассмотрения уголовных дел, расширению использования современных информационно-коммуникационных технологий в судебной-следственной деятельности, оптимизации и упрощению делопроизводства по уголовным делам, в том числе путем внедрения системы «Электронное уголовное дело» [2, с. 76].

Анализ опыта зарубежных стран позволяет заключить, что переход к системе «Электронное уголовное дело» должен осуществляться поэтапно, и по ряду направлений сразу. Основными направлениями являются техническое переоснащение судов и правоохранительных органов, определение источников финансирования, обучение работников судов и правоохранительных органов, подготовка нормативной базы и др. Внедрение системы «Электронное уголовное дело», являясь одним из направлений модернизации уголовного судопроизводства, по нашему мнению, должно вестись одновременно в нескольких направлениях: пересмотр принципов уголовного процесса; подготовка юридических кадров; разработка модели для досудебного и судебного производства; создание нормативно-правовой базы; усиление гарантий прав участников уголовного процесса в ходе всего уголовного процесса; повышение открытости, доступности и оперативности правосудия, а также устранение избыточного формализма. Результатом

модернизации уголовного судопроизводства может быть полный отказ от бумажного производства с переходом к электронному уголовному делу.

В Республике Казахстан уже проработан вопрос создания «Электронного зала судебного заседания». В Верховном суде Республики Казахстан отметили, что планируется полностью отказаться от бумажных носителей при проведении судебного заседания, а все процессуальные документы и действия переводить в электронный формат [3].

В свою очередь, переход к электронному уголовному делу позволит повлиять на сокращение сроков уголовного судопроизводства, улучшение доступа к процессуальной информации всех участников судопроизводства; создание дополнительных возможностей обеспечения права на защиту соответствующих участников уголовного процесса; сокращение процессуальных издержек; систематизацию и структурирование материалов уголовного дела; снижение риска фальсификации материалов уголовного дела; повышение транспарентности правосудия по уголовным делам и т.д. [2, с. 77].

Безусловно, переход к системе «Электронное уголовное дело» процесс трудоемкий и затратный. Необходимы достаточные инвестиции как в оборудование, так и в систему подготовки кадров. Каждый элемент электронного уголовного дела должен получить не только техническое разрешение, но и правовое регулирование. На наш взгляд, для эффективного разрешения данного вопроса должна быть организована рабочая группа, состоящая не только из юристов, но и специалистов в области информационных технологий и экономистов. Только при комплексном подходе можно будет вести речь о возможных позитивных результатах.

Производство по уголовному делу в электронном виде имеет ряд преимуществ:

- 1) улучшение доступа к процессуальной информации всех участников уголовного судопроизводства;
- 2) создание дополнительных гарантий права участников уголовного судопроизводства на доступ к процессуальной информации, что повлияет на обеспечение прав и свобод каждого из участников;
- 3) облегчение проверки материалов уголовного дела прокурором, судом;
- 4) сокращение расходов в ходе производства по уголовному делу;
- 5) автоматизация ведения статистики по уголовным делам;
- 6) снижение риска фальсификаций и исправлений в материалах уголовного дела;
- 7) систематизация материалов уголовного дела для следователя, дознавателя и т. д.

Однако внедрению электронной формы уголовного дела могут помешать некоторые трудности. Система защиты электронных баз данных на сегодняшний день не сможет в полной мере защитить материалы уголовного дела от вредоносных программ и хакеров. Необходимо также оснащение

автоматизированными системами правоохранительных органов, что требует серьезных трат из бюджета.

Заключение. Таким образом, под организационной моделью деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, понимается особая система электронного документооборота (создания, использования, обработки, передачи, хранения электронных и оцифрованных документов), реализуемой уполномоченными субъектами (должностными лицами органов досудебного расследования), обеспеченной функционированием специальной информационной системы модуль «Электронное уголовное дело», интегрированной с другими информационными системами, которая преимущественно основана на непосредственном обороте первичных электронных документов (оригиналов) в сочетании с оцифрованными (сканированными) копиями документов на бумажных носителях.

Электронная форма уголовного дела является важным шагом на пути информационного прогресса нашего государства. Следственный Комитет Республики Беларусь находится на стадии становления своей единой автоматизированной информационной системы – ЕАИС. Ее задача не только перевод уголовного процесса на электронную платформу, но и оптимизация деятельности всего ведомства. Это в первую очередь устранение каких-либо предпосылок для коррупции: электронные элементы в уголовном деле сфальсифицировать будет невозможно. Тут и сокращение документооборота, и экономия времени, и ряд других преимуществ, которых бумажный уголовный процесс не имеет. Определенные шаги уже сделаны.

Каким бы образом не был решен вопрос широкого использования информационных технологий в уголовном процессе. Разработка программы и внесение изменений в законодательство должно осуществляться с учетом не допущения какого-либо нарушения или ущемления прав участников уголовного процесса.

Список использованных источников

1. Качалов О.В. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О.В. Качалов, Ю.А. Цветков // Российское правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–101.
2. Халиуллина Л. Г. Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 3. – С. 75–79.
3. Электронные сервисы повышают доверие к судам в Казахстане // Сайт 365info.kz. – Режим доступа: <https://365info.kz/2017/11/elektronnye-servisy-povyshayut-doverie-k-sudam-v-kazahstane/>. – Дата доступа: 02.05.2022.

ОБЫСК И ВЫЕМКА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ

И.В. Царенко

Ключевые слова: уголовный процесс, выемка, обыск, жилище, права личности, неприкосновенность, процессуальный порядок, следственная ситуация, следственная тактика, следственные действия.

Цель исследования обусловила необходимость решения следующих задач:

- показать сущность и значение обыска и выемки как следственных действий;
- рассмотреть основания и процессуальный порядок проведения обыска и выемки;
- проанализировать тактику проведения обыска и выемки в различных следственных ситуациях;

Отсюда вытекает и актуальность теоретической разработки предложений и рекомендации по совершенствованию тактики производства обыска и выемки.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных методов познания: диалектический, исторический, логический, сравнительно-правовой, абстрагирование, анализ и синтез, конкретно-социологический, индукция и дедукция и др.

Впервые упоминание об обыске содержится в «Законах великого князя Иоанна Васильевича» (Судебник 1497 г.). Так, ст.52 Судебника 1550 г. определяет «повальный обыск», как деятельность по сбору доказательств, от результатов которой зависит процедура суда над преступником. «Повальный обыск» предполагал опрос неограниченного количества посторонних людей для установления репутации обвиняемого и проверки достоверности его показаний.

Царский наказ Белозерским губным старостам и целовальникам 1571 г. содержал достаточно подробные правила производства следствия над разбойниками, а также определял силу доказательств против них. Одним из основных доказательств по рассматриваемому наказу также являлся «повальный обыск», от результатов которого зависело решение ответственности подсудимого.

В Соборном уложении 1649 г. устанавливались случаи проведения «повального обыска»: если у истца и ответчика отсутствуют общие свидетели; если оба ссылаются на многих безымянных людей; если подсудимый отрицает показания против себя.

Во всех этих исторических актах «повальным обыском» обозначалось действие, не имеющее ничего общего с последующими представлениями о нем. Вместе с тем, Соборное уложение 1649 г. знало и прообраз современного обыска – «поличное», которое представляло собой обнаружение у заподозренного краденной вещи.

К утвержденному Петром I в 1772 г. «Воинскому уставу» прилагалось «краткое изображение процессов», заимствованное из Западной Европы и применявшееся не только для расследования и разрешения военных дел, но и общеуголовных преступлений. В качестве самостоятельного доказательств результаты обыска в этом нормативном акте не рассматривались.

Но уже в Своде законов Российской империи 1832 г. говорилось об обыске и выемке как способах собирания доказательств (ст. 93). Однако в нем не содержалось четкого разграничения этих действий, что позволяло предположить, что выемка – это элемент обыска (так, ст. 9 обязывала «выемщика» обыскать домовладение). В тоже время устанавливались общие правила проведения обыска, например, «приличного числа» понятых (ст. 94), запрет на причинение имущественного вреда при производстве обыска или выемки (ст. 97)

Кардинальное переосмысление понятия обыска как одного из средств собирания доказательств, происходит в связи с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС). Ст.ст. 357–370 УУС, адресованные судебному следователю, содержали нормы, регламентирующие основные положения, связанные с производством обыска.

Условия и порядок производства обыска в большинстве своем были сходны с современными требованиями процессуального закона. Например, «обыски и выемки в домах и других жилых помещениях производятся лишь в случае основательного подозрения, что в этих местах скрыты: обвиняемый или предмет преступления, или вещественные доказательства, необходимые для «объяснения дела» (ст. 357 УУС); «Обыски и выемки производятся при понятых и при хозяине дома или помещения, а когда он в отсутствии то при жене его, если он женат, или при ком – либо из старших домашних лиц» (ст. 358 УУС) и др.

Впервые на законодательном уровне УУС установил порядок производства обыска в помещениях, занимаемых лицами с особым статусом (государь или члены императорского дома). Для производства обыска у указанных лиц требовалось разрешение Министерства иностранных дел или надлежащего придворного начальства.

Производство выемки имело аналогичную процессуальную регламентацию. Из текста УУС нельзя сделать однозначный вывод о том, когда следователь имел право произвести обыск, а когда выемку, так как законодатель не определил отличий одного следственного действия от другого. В таком виде законодательная регламентация обыска просуществовала до 1917 г., когда УУС перестал действовать.

Декретом СНК РСФСР от 24.11.1917 «О Суде» существовавший порядок предварительного следствия по уголовным делам был отменен. Вопросы, связанные с производством обыска, затрагивались в Постановлении Народного Комиссариата Юстиции РСФСР от 16 декабря 1917 года. Однако данный нормативный акт устанавливал только перечень учреждений,

которые были правомочны выдавать ордера на производство обыска, и не регулировал вопросы, связанные с процедурой производства этого следственного действия.

В Приказе начальника милиции РСФСР № 24 «О правилах производства обысков» от 16 марта 1921 г. содержались развернутые указания для сотрудников милиции, участвующих в производстве обысков, напоминающие положения УУС. В частности, основанием для производства обыска называлось «основательное подозрение в том, что в местах, которые должны быть обысканы, скрываются: а) необходимые для дела вещественные доказательства: б) разыскиваемый преступник». Формальным основанием для производства данного следственного действия служил «ордер, выданный начальником уголовно-розыскного учреждения».

Достаточно детальную регламентацию производство обыска получило в уголовно-процессуальных Кодексах РСФСР 1922 г. и 1923 г. Обыску и выемке них была посвящена глава 14. Решение о производстве обыска принималось следователем единолично. Для производства обыска в помещениях дипломатических представительств требовалось разрешение Народного Комиссариата Иностранных дел. Для изъятия документов, содержащих государственную, дипломатическую или военную тайну, соответствующими учреждениями по соглашению с прокурором могли устанавливаться особые гарантии ее неразглашения.

Следует отметить, что эти нормативные акты считали обыск самостоятельным следственным действием, имеющим свои цели, основания и детальный порядок производства. Таким образом, в первых советских уголовно – процессуальных кодексах, которые действовали и на территории БССР, производство обыска получило достаточно детальную регламентацию. Вместе с тем, этими актами отрицалась роль суда в принятии решения об обыске, то есть закон допускал возможность существенного ограничения прав личности без предварительной судебной проверки.

Реформа законодательства, предпринятая в конце 50-х годов прошлого века, была направлена на преодоление последствий культа личности. С принятием в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик для производства обыска следователю предписывалось получить санкцию у прокурора (ч. 1 ст. 35). В случаях, не терпящих отлагательства, допускалось провести обыск без санкции прокурора, но с последующим его уведомлением в течении 24 часов о произведенном следственном действии (ч. 2 ст. 35). Законодательное требование о санкционировании обыска было заметным шагом в укреплении законности, став определенной преградой от необоснованного вторжения в сферу личной жизни граждан.

В нынешних реалиях в соответствии со ст. 25 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности, а в ст. 29 гарантирует неприкосновенность жилища и иных законных владений. Никто не имеет права

без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли. Однако гарантированные Конституцией неприкосновенность жилища и личной жизни граждан могут быть ограничены на законных основаниях при расследовании уголовных дел, а именно при проведении обыска или выемки [1, с. 33–34].

Вместе с тем, следует иметь в виду, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Поэтому посредством проведения следственных действий, которые ущемляют права и свободы одних граждан, обеспечивается соблюдение прав и свобод других граждан. Необходимо учитывать то, что ст. 22 Конституции гарантирует равенство всех граждан перед законом и право каждого без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [1, с. 33]. Итак, обыск и выемка являются следственными действиями, проведение которых осуществляется с целью получения объектов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Основания для проведения обыска и выемки установлены соответственно в ст. 208 и ст. 209 Уголовно – процессуального Кодекса Республики Беларусь [2, с. 175].

Обыск – это следственное действие, заключающееся в отыскании и изъятии предметов или документов, имеющих доказательственное значение по уголовному делу, обнаружении трупов или живых лиц, а также денег и ценностей, нажитых преступным путем, в помещениях, иных местах или у лиц, где, по имеющимся данным, они спрятаны. Данное следственное действие заключается в принудительном обследовании любых доступных следователю мест, а также физических лиц.

На основании изложенного В.И. Игнашин дает следующее определение: *«обыск – это следственное действие, заключающееся в принудительном обследовании помещений, сооружений, территорий участков местности, транспорта, а также отдельных граждан в целях обнаружения, изъятия и приобщении к материалам дела скрываемых доказательств преступления, предметов и ценностей, добытых преступным путем, а также других предметов и документов, предположительной имеющих значение для дела»* [3, с. 7].

Выемка – это следственное действие, состоящее в изъятии указанных выше предметов, документов, трупов, скрываемых лиц, денег и ценностей в помещениях, иных местах или у лиц, где они, по имеющимся данным, находятся, если для их обнаружения нет надобности в проведении поисков.

При обыске необходимы поиски предмета, тогда как при выемке предмет выдается добровольно и поиски не проводятся. Но «поиски» - признак, производный от позиции лица, обладающего вещью, документом. Надобность в поисках возникает лишь тогда, когда лицо отказывается выдать предмет или документ добровольно.

Обыск и выемка неодинаково воспринимаются людьми. Обыск порочит больше. Выемка же, если это акт доброй воли, не носит характера принуждения. Поэтому четкое разграничение обыска и выемки важно с точки зрения охраны интересов граждан.

В настоящее время трудно переоценить значимость результативности проведения обыска и выемки для расследования уголовных дел. Иногда результаты проведения указанных следственных действий могут повлечь совсем неожиданные итоги, что в корне может повлиять на принятие окончательного решения по уголовному делу, решить судьбу подозреваемого, обвиняемого путем получения дополнительных доказательств, уличающих либо оправдывающих это лицо, заставляющих повернуть ход следствия в противоположное направление и выдвигать новые версии о лице (лицах), совершившем преступление. Ведь проведение обыска, выемки не может являться безосновательным.

Следователь, получив данные о возможном местонахождении интересующего объекта, либо же на основании определенных сведений принимает меры к его изъятию и проверке выдвинутой версии. В случае отсутствия или же необнаружения объекта обыска, выемки, следователь вынужден принимать меры к изысканию иных путей для решения задач, возникающих при расследовании дела. Не стоит забывать и о доказательственном значении обыска и выемки, так как отыскание и изъятие предметных носителей информации всегда будет весомей по своей значимости для судьи при оценке собранных доказательств по делу в сравнении с косвенными, так называемыми производными доказательствами. Например, с показаниями свидетеля – соседа потерпевшего, которому известны обстоятельства совершенного преступления со слов последнего.

При производстве расследования следователь должен помнить и о важности проведения обыска с точки зрения психологического воздействия на участников уголовного процесса. Так, для «добросовестного» свидетеля, проживающего в частном секторе, где его личность знакома большинству граждан, крайне неприемлемо проведение у него в жилище обыска. Ведь информация о его проведении станет предметом обсуждения и может повлечь появление недостоверных слухов в отношении обыскиваемого. В такой ситуации целесообразней проведение выемки, осуществление которой необходимо планировать вне жилого сектора проживания участника процесса, а возможно с вызовом его в орган уголовного преследования. Такой подход позволит установить психологический контакт с участником процесса и в дальнейшем, возможно позволит успешно решать иные задачи уголовного процесса, связанные с получением доказательств по делу.

В заключение следует утвердить, что обыск – это не оружие следователя для оказания психологического воздействия на участника процесса и не средство подавления «несговорчивого» свидетеля, подозреваемого, обвиняемого. Использование обыска в таких целях свидетельствует о некомпетентности

лица, осуществляющего предварительное следствие, и граничит с незаконными методами его проведения. Предпочтительным представляется проведение обыска тогда, когда в ходе расследования добыты неопровержимые сведения, свидетельствующие о предполагаемом местонахождении интересующего объекта, и проведение этого действия является финалом всех усилий по делу. В таком случае обыск венчает всю проведенную работу по уголовному делу, которая в дальнейшем заключается в закреплении собранных доказательств. Выемку как следственное действие необходимо рассматривать не как финальное торжество и успех по делу, как в вышеуказанном примере с обыском, а как рядовое средство собирания доказательств. Суть выемки состоит в изъятии объекта, местонахождение которого достоверно известно и не требует зачастую приложения усилий по его установлению. Однако ее роль очень существенна, так как обеспечивает уголовному процессу быстроту и является эффективным средством получения доказательств.

Таким образом, обыск и выемка, являются следственными действиями, проведение которых осуществляется с целью получения объектов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Обыск и выемка с исторических времен являются одним из самых распространенных средств получения доказательственной информации при производстве предварительного расследования. Своевременное и результативное проведение обыска и выемки является одной из гарантий успешного раскрытия преступления, установления истины по уголовному делу и защиты прав потерпевших.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 460 с.
3. Игнашин, В.И. Криминалистика. – Ростов н/Д, 2006. – 273 с.
4. Борягин, Г.И. Некоторые вопросы психологии производства обыска // Труды НИИ МВД СССР. – 1959. – № 1. – С. 122.
5. Быховский, И. Выемка // Соц. Законность. – 1982. – № 1. – С. 54–56.
6. Глазырин В.Ф. Обыск как источник информации о личности обвиняемого // Итоги научно-исследовательской работы Свердловского юридического института за 1970 год. Свердловск. 1971.
7. Громов, В. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. – М., 1935. – С. 152–153.
8. Долгинов, С.Д. Обыск как средство решения в исходной следственной ситуации // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения. Сборник научных трудов. – М., 1991. – С. 143–147.
9. Еникеев, М.И., Черных, Э.А. Психология обыска и выемки. Практикум по юридической психологии : учеб. пособие. – М., 1994. – 79 с.
10. Закатов, А.А., Ямпольский А.Е. Обыск: учеб. пособие. – Волгоград ВСШ МВД СССР, 1983. – 40 с.
11. Ратинов, А.Р. Обыск и выемка. – М. : Госюриздат, 1961. – 219 с.

ПРАВООТНОШЕНИЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ЧЕРЕЗ КРИТЕРИИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Е.А. Шантырева

Ключевые слова: закупка, закупочная деятельность, государство, государственная закупка, договор, природа правовых отношений в сфере закупок, публичное правоотношение.

В настоящее время в науке получил особую актуальность вопрос, касающийся природы правовых отношений в сфере закупок.

Так, о характере правоотношений в сфере закупок единой точки зрения не сложилось. Ряд авторов В.А. Щербаков, Ф.А. Тасалов, О.А. Беляева считают, что правоотношения в сфере закупок преимущественно имеют частно-правовой характер [8, с. 15; 5, с. 21; 2, с. 10]. Так, О.А. Беляева приходит к выводу о необходимости квалификации всех отношений, возникающих в процессе организации и проведения торгов, к области гражданско-правового регулирования, вне зависимости от того, в какой сфере общественных отношений, а также для каких целей организуются и проводятся торги [2, с. 10]. Ряд других авторов А.С. Тихомиров, А.В. Винницкий, Ю.Н. Стариков считают, что преобладает публично-правовой характер [6, с. 9; 3, с. 86; 4, с. 243]. Действительно, говоря о природе правоотношений, возникающих в сфере закупок, с первого взгляда невозможно с уверенностью определить характер данных отношений. Так, А.В. Винницкий считает, что в основе соответствующих отношений лежит публичный интерес, обеспечение и удовлетворение государственных нужд, соображения общественной пользы – категории, которые находятся в области публичного права, а потому не могут ограничиваться частноправовой регламентацией [3, с. 87].

Цель исследования – проанализировать природу правовых отношений в сфере закупок: публичный и частный характер отношений.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные труды, касающиеся обозначенной темы, национальное законодательство, анализ зарубежного опыта в сфере государственных закупок. При этом использовались следующие методы: анализ, синтез, метод юридической техники, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Определение характера отношений в сфере закупок невозможно без разграничения критериев публичного и частного права. Считаем, что ответ на интересующий нас вопрос можно получить, если рассматривать правоотношения в сфере закупок через критерии публичного права, предложенные Е.Б. Лупаревым [1, с. 23]. Данный выбор определяется тем, что указанный автор рассматривает критерии в том контексте, что публичное право может существовать автономно, «не нуждаясь» в частном праве, а вот частное право не может жить без вмешательства публичного [1, с. 24]. Он выделяет комплексный характер публичных

отношений. Представляется, что именно такой подход будет верным, так как комплексные общественные отношения являются отправной точкой дифференцируя публичную и частные сферы.

Для решения поставленной цели для начала попробуем разобраться какие правоотношения называют публичными. Публичное правоотношение – это урегулированное нормами права, конкретное общественное отношение, с обязательным участием субъекта, наделенного государственно-властными, муниципальными или иными политическими полномочиями, выраженное в субъективных правах, свободах и обязанностях, отражающих общественный интерес [1, с. 34].

Публичное правоотношение в качестве отличительных признаков имеет свои критерии. Критерии – это те свойства и признаки, наличие которых позволяет различить один предмет от другого, а также производится оценка, проверка того или иного предмета. Критерием является определяющая точка зрения, которая является условием расценивания истинности знаний. Теперь стоит перейти к критериям, которые предлагает Е.Б. Лупарев, в этой связи, для выделения, именно, публичных правоотношений. Так, говоря о таких отношениях, стоит отметить, что их основная задача – это достижение социально значимых целей. Данная цель является первым критерием в разграничении публичного права от частного.

Эффективность закупок напрямую влияет на темпы модернизации экономики, создает спрос, развитие собственного производства, конкурентную среду. Рынок госзакупок является важнейшим элементом социально-экономического развития страны, а сама система государственных заказов все более становится одним из основополагающих институтов государственного регулирования экономики, оказывающего существенное влияние на ее динамику и структуру.

По мнению Ф.А. Тасалова, создание национальной контрактной системы представляется задачей стратегического значения, ввиду значительного влияния государства на рыночную экономику. Кроме того, ученый подчеркивает, что в рамках государственных закупок ежегодно расходуются до 50% всех средств государственного бюджета [5, с. 22].

В связи со значительными расходами бюджетных средств не удивительно, что государство выделяет наиболее коррумпированные и проблемные моменты в отношениях в сфере закупок, такие как:

- 1) планирования закупок товаров, работ, услуг;
- 2) определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- 3) заключения гражданско-правового договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги;
- 4) особенностей исполнения контрактов;
- 5) мониторинга закупок товаров, работ, услуг;
- 6) аудита в сфере закупок товаров, работ, услуг;

7) контроля за соблюдением законодательства и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд.

Таким образом, законодатель в целях решения проблем со злоупотреблениями в указанных элементах закупочной процедуры выделяет публичный характер данных отношений, и их высокую для государства значимость.

Г.Ф. Шершеневич считает, если государство является высшим проявлением общественного интереса, в связи с этим, оно не может участвовать в частноправовых отношениях, которые выражают частный интерес [7, с. 147]. Рассматривая данную проблему, данный автор выступает и против теории двойственности государства. Это обусловлено тем, что государство делится на субъект публичного права и государство-казну как субъект частного права, при таком положении вещей создается впечатление, что государство по своему желанию принимает тот или иной образ. Возражает он и против признания всего государства целиком субъектом частноправовых отношений, поскольку в этом случае, по его мнению, вместо двойственности лица появляется двойственная роль государства. Он полагает, что с какой бы стороны мы ни подошли к государству, какой бы вид оно перед нами ни принимало, всюду мы встретим только общественный интерес. Государство и частное лицо могут быть противопоставляемы, но не сопоставимы. На основании этого Г.Ф. Шершеневич делает вывод, что имущественные отношения, в которые вступает государство со своими гражданами по гражданско-правовым договорам подлежат отнесению к сфере публичного права [7, с. 148]. Таким образом, считаю, что с большей долей вероятности можно говорить о публично-правовой природе отношений в сфере закупок нежели частноправовой.

Вторым критерием, который разграничивает публично-правовые отношения, будет являться субъектный состав, т.е. наличие субъекта, наделенного государственно-властными полномочиями. Говоря о правомочиях субъекта административных правоотношений, не стоит забывать об их управленческом характере, т.е., во-первых, реализуются в сфере государственного управления, во-вторых, характеризуют государственно-управленческие, а не какие-либо другие функции данного лица или организации.

Анализируя указанный критерий, следует отметить, что сторонники цивилистической концепции закупок утверждают, что основным контраргументом административно-правовой природы государственных закупок является основанность отношений сторон на юридическом равенстве, а не на власти и подчинении.

Действительно, организатор и участники закупок имеют равные права и обязанности. Обе стороны несут ответственность за неисполнение своих обязательств друг перед другом. Однако, при этом процессуальная форма защиты исполнителем своих прав в суде, в зависимости от способа защиты (обжалование актов, действий (бездействия) заказчиков и их должностных лиц в порядке административного судопроизводства; оспаривание торгов

как способа заключения договора в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом Республики Беларусь; обращение в суд с заявлением о понуждении к заключению договора, расторжении, изменении договора; обращение в суд с заявлением о взыскании убытков), не вполне очевидна.

Говоря о защите исполнителем права способом обращения в суд с заявлением о понуждении к заключению договора, расторжении, изменении договора; обращении в суд с заявлением о взыскании убытков, применяется правила искового производства. Напротив, говоря о других способах защиты процессуальный порядок не однозначен.

Таким образом, наличие указанного критерия в отношении в сфере закупок позволяет нам еще раз убедиться о публичности таких отношений.

Итак, рассмотрев вопрос, касающийся правовой природы правоотношений в сфере закупок, критерии публичных правоотношений присущи и отношениям в сфере закупок. В этой связи можно сказать, что отношения в сфере закупок являются в большей мере публичными.

Заключение. Подводя итог изложенному можно отметить, что госзакупки являются важнейшим элементом экономического развития страны, а сама система государственных заказов все более становится одним из основополагающих институтов государственного регулирования экономики, оказывающего существенное влияние на ее динамику и структуру. Государственные закупки – это не только процесс заказа, но и инструмент выстраивания политики выполнения государством таких стратегических функций, как защита (военно-промышленный комплекс), продовольственная и энергетическая безопасность, социальная политика (образование, здравоохранение, наука, культура), охрана и сохранение природных ресурсов и др.

Говоря о природе правоотношений, возникающих в сфере закупок, с первого взгляда невозможно с уверенностью определить характер данных отношений. В основе соответствующих отношений лежит публичный интерес, обеспечение и удовлетворение государственных нужд, соображения общественной пользы - категории, которые находятся в области публичного права, а потому не могут ограничиваться частноправовой регламентацией.

Список использованных источников

1. Административное право: в 10 т. Т. 2: Административные правоотношения / Е.Б. Лупарев. – М.: Издательство НП «Евразийская академия административных наук», 2013. – С. 20-46.
2. Беляева, О.А. Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д-р юрид. наук / О.А. Беляева. – М., 2012. – 29 с.
3. Винницкий, А.В. Участие публичных образований в имущественных отношениях: проблемы сбалансированности административно-правового и гражданско-правового регулирования / А.В. Винницкий // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 11. – С. 83-91.
4. Стариков, Ю.Н. Курс общего административного права: В 3 т. Т. 2: Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция / Ю.Н. Стариков. – М., 2002. – С. 242-245.

5. Тасалов, Ф.А. Контрактная система в сфере государственных закупок России и США: сравнительно-правовое исследование: монография / Ф.А. Тасалов. – М.: Издательство «Проспект», 2014. – 116 с.

6. Тихомиров, А.С. Институт государственного и муниципального заказа в административном праве: дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Тихомиров. – М., 2008. – 213 с.

7. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2, 3, 4. – М.: Изд-во «Юридич. колледж МГУ», 1995. – Т. 2. – С. 145-151.

8. Щербаков, В.А. Гражданско-правовое регулирование размещения государственных и муниципальных заказов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Щербаков. – М., 2009. – 28 с.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ, СОЗДАВАЕМЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

П.Г. Шеленговский

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, право собственности.

В современном мире социально-экономическое развитие идет одновременно с развитием инновационных технологий, в частности искусственного (машинного) интеллекта. На сегодняшний день существует необходимость разработки правового регулирования в области искусственного интеллекта. Данная тема актуальна ввиду отсутствия эффективных моделей правоприменения на практике в делах, связанных с отношениями в сфере определения авторских прав на объекты, созданные искусственным интеллектом. Важным вопросом в данной сфере является сфера творчества искусственного интеллекта.

На уровне государственных объединений подтверждено, что необходимо разрабатывать новые законы, которые помогут урегулировать взаимодействие сфер, связанных с искусственным интеллектом [1]. В Российском законодательстве остались спорные вопросы, касающиеся правоприменителей и их результатов деятельности машинного интеллекта. Например, Доктрина гражданского права так и не пришла к удовлетворительному решению, которое бы помогло унифицировать правоприменительную практику судов РФ относительно объектов, созданных искусственным интеллектом. В.П. Мозолин в труде «О концепции интеллектуальных прав» писал о том, что необходимо решать множество вопросов правового регулирования [2, с. 100–109]. Современные компьютерно-программные технологии, нейротехнологии, биотехнологии, технологии робототехники развиваются в геометрической прогрессии. Они помогают решать вопросы государственного уровня. Технологии искусственного интеллекта, по-другому, человекоподобного интеллекта, применяются во многих сферах общественных отношений. Публичная декларация целей и задач Федеральной службы по интеллектуальной собственности на 2018 год, утвержденная Роспатентом 27.02.2018 № 09/4-04/73вн предлагает

внедрять технологии искусственного интеллекта в традиционные сферы деятельности Роспатента. Но также сфера искусственного интеллекта остается неоднозначной в регулировании авторских прав [3, с. 5].

Чтобы решить проблему, нужно определиться, как защищать гражданские права людей на продукты деятельности машинного интеллекта, в случае признания их охраняемыми - во-первых, квалифицировать результаты деятельности искусственного интеллекта, как авторские права (ст. 1259 ГК РФ) или иные объекты гражданского права. Во-вторых, установить субъект права на результат деятельности искусственного интеллекта, т.е. решить конкретный вопрос: «Кого признать автором права и первоначальным правообладателем созданных результатов в случае, если кто-либо нарушит законные права субъекта на объект его творения».

Вопрос установления авторства на произведения, созданные техникой, обсуждается с 60-х годов XX века. В научной литературе эту тему активно стали поднимать в 90-х годах.

В зарубежной литературе машинный интеллект разделяют на два уровня: «слабый» – это обычный инструмент, который решает поставленные задачи; «сильный» – это разум, который самообучается и создает новые продукты.

Существует три варианта решения вопросов, связанных с авторством на произведения, созданных искусственным интеллектом:

- 1) признать непосредственным автором того человека, кто создал систему, потому что это его инструмент, который помогает создавать интеллектуальные объекты;
- 2) признать непосредственным автором искусственного интеллекта, как создателя творческого объекта, внесшего в него вклад;
- 3) признать, что автор не имеет отношения к результатам, созданных искусственным интеллектом.

Российские исследователи так же разнятся в мнениях. Но есть подход, с которым многие соглашаются - если искусственный интеллект создает уже самостоятельно продукты деятельности, автором этих продуктов необходимо считать первоначального создателя данного искусственного интеллекта. И.А. Грингольц один из первых, кто опубликовал эту мысль в сфере гражданского права. Такой же позиции придерживается Э.П. Гаврилов. Он дал в своей работе в 1984 году следующее пояснение: «за кем должно быть закреплено авторское право на произведения, создаваемые самими ЭВМ»: если созданные объекты «отвечают признакам, предъявляемым к произведениям, охраняемым авторским правом, то их авторами должны считаться разработчики программ, с помощью которых созданы эти произведения, даже если сам разработчик не мог предсказать конечного результата» [4]. Тоже самое говорят В.Н. Синелькова и О.В. Ревинский «если разработана программа, способная создавать новые программы, то права на эти новые программы будут у разработчика первоначальной программы либо у того, кому он передал исключительное право

на нее», так как «результат работы искусственного интеллекта представляет собой результат интеллектуальной деятельности создавшего этот искусственный интеллект». Е.В. Куликова считает, что нужно признать автором произведений ИИ самого автора, но никак не машину. Ведь ее нельзя признать субъектом авторского права, так она не обладает творческим началом. IT-специалист изначально задает алгоритмы машинному интеллекту, он самообучается. Но в результате это подражательная деятельность. Здесь отсутствует осмысление идеи и креативный подход. Несмотря на это, этот вопрос остается еще спорным в России, Франции, Испании и США. В работе «Generating rembrandt: artificial intelligence, copyright, and accountability in the 3a era—the human-like authors are already here—a new model» Shlomit Yanisky-Ravid выделяет 10 пунктов [5, с. 678–681], на которые можно опираться, чтобы решать вопросы творческого начала машинного интеллекта:

1. Креативность (Creativity) – не просто копировать, а находить другое решение.

2. Автономность и независимость (Autonomous and independent) – выполнять сложные задания максимально автоматизированно.

3. Непредсказуемость и новизна результата (Unpredictable and new results) – комбинировать данные.

4. Способность аккумулировать внутренние и внешние данные (Capable of data collection and communication with outside data).

5. Обучаемость (Learning capability)

6. Эволюционирование/изменчивость (Evolving) - находить новые, неизвестные решения.

7. Рациональность (Rational-intelligent system) - выбирать наиболее подходящие инструменты решения.

8. Эффективность (Efficiency) анализировать большой масштаб данных за короткое время, что возможно сделать человеку. Но на это уйдет больше сил и времени.

9. Элемент случайного выбора (“Free choice.”) используемых данных

10. Ориентирование на конкретную цель (Goal oriented) – написать мелодию, картину, разработать товарный знак.

Автор подводит мысль, что искусственный интеллект может взять на себя часть работы в создании таких произведений, благодаря вышеперечисленным качествам. Отечественные исследователи сходятся во мнении, что субъектом авторского права на объекты, созданные искусственным интеллектом, должен быть признан только человек. Именно он создал этот искусственный интеллект, благодаря подлинному творчеству. Данная позиция отражена в норме ст. 1228 ГК РФ.

Список использованной литературы

1. European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef= //EP//NONSGML+COMPACT+PE-582.443+01+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения: 20.11.2020).

2. Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. – 2007. – № 12(132). – С. 100–109.

3. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рос. Гос. акад. интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО РГАИС, Москва, 2018. С. 5.

4. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / Гаврилов Э.П.; Отв. ред.: Рассудовский В.А. - М.: Наука, 1984. - 222 с.

5. Shlomit Yanisky-Ravid, Generating Rembrandt: Artificial Intelligence, Copyright, and Accountability in the 3A Era—The Human-Like Authors are Already Here—A New Model, 2017 MICH. ST. L. REV. 659 (2017). С. 678-681.

ВНЕШНЯЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЕАЭС

И.И. Шматков, А.Д. Тимофеев

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, глобализация, договор, союз, экономика, политика.

В современном мире глобализация задает темпы развития экономических процессов различных стран и союзов стран. Мировая экономика на современном этапе своего развития характеризуется высоким уровнем динамики изменений. Также наблюдается глобализация процессов интеграции в сфере экономики.

Материал и методы. Материалом работы послужила нормативно-правовая база ЕАЭС, регулирующая правовые отношения в сфере интеграции.

Основными методами исследования послужили: анализ развития интеграции ЕАЭС и обобщение изученного материала.

Результаты и их обсуждение. Изначально ЕАЭС не ставил перед собой никаких политических целей. Главной задачей союза было удовлетворение экономических потребностей путем обеспечения взаимовыгодных условий сосуществования с целью дальнейшего постепенного укрепления и развития экономических отношений.

Вступая в ЕАЭС, у любой страны может возникнуть проблема: собственный проект модернизации может в корне отличаться от той стратегии развития, которую лучшей для себя на протяжении пяти последних лет считают государства-участники ЕАЭС [2].

Порядка пятидесяти стран мира выразили интерес сотрудничать с союзом. Расширение границ союза помимо возможных проблем, принесет положительные аспекты в рамках интеграции стран (не только экономической, но и политической), а также сможет способствовать повышению авторитета Евразийского экономического союза на мировой арене.

Процессы глобализации подразумевают не только расширение границ, а в чем-то даже и их исчезновение. За пять прошедших лет интеграция

в рамках ЕАЭС из сугубо экономической в некоторых аспектах переросла также и в политическую, в чем-то даже и в культурную.

В рамках процесса глобализации следует рассмотреть вектор отношений ЕАЭС и ЕС. Европейский союз является самым крупным торговым партнером ЕАЭС. Несколько лет назад была идея создать ЗТС на базе стран двух союзов. Учитывая проблемы, которые возникли бы при создании такой зоны (различные взгляды на существование этой зоны, различные пути модернизации, а также борьба за власть в такой зоне), вдобавок политические преграды, с этой инициативой пришлось повременить. За прошедший год в отношениях двух союзов наблюдались позитивные тенденции.

Важным фактором повышения эффективности реализуемой конкурентной политики на трансграничных рынках Союза является взаимодействие с международными организациями, региональными интеграционными объединениями, объединениями деловых кругов и конкурентными ведомствами третьих стран.

Задачами международного сотрудничества являются изучение передового международного опыта в сфере антимонопольного регулирования, конкурентного законодательства, исследования товарных рынков, а также регулирования государственных закупок; улучшение практики применения общих правил конкуренции на трансграничных рынках ЕАЭС и регулирования в сфере государственных закупок с использованием наилучших зарубежных практик; усиление потенциала работы блока по конкуренции ЕЭК и конкурентных ведомств государств-членов; формирование за рубежом позитивного имиджа ЕАЭС и ЕЭК [5].

Дальнейшее расширение ЕАЭС предполагает корректировку стратегии с учетом изменяющихся политических и социально-экономических обстоятельств. Отказ от понимания стратегии «многовекторности» как перманентного лавирования между центрами силы для получения односторонних выгод практически неизбежен. Иначе вероятно дестабилизация структурных и институциональных оснований ЕАЭС, что может сделать союз недееспособным. И если сейчас между Белоруссией, Россией и Казахстаном основные направления сотрудничества согласованы и определены, то в отношении новых и возможных будущих членов союза ситуация остается не до конца определенной. А это затрудняет планирование следующих стадий интеграционного процесса и согласованное управление ими.

Евразийский экономический союз для углубления и повышения качества интеграции нуждается в политическом «подкреплении», связанным с усилением параллельно действующих структур, обеспечивающих системную безопасность в Евразии. Столь же необходимым выглядит формирование странами ЕАЭС самостоятельной региональной политики, не только содействующей межрегиональной кооперации и трансграничному сотрудничеству, но и позволяющей лучше использовать ресурсы входящих в пространство Союза регионов для общего социально-экономического развития.

В равной мере представляется важной разработка и реализация общей демографической и миграционной политики, что позволит избежать многих рисков и сделать процесс евразийской интеграции более управляемым и предсказуемым, избежав катастрофических и кризисных сценариев.

Что касается Турции, то ее намерения сотрудничать со столь крупным интеграционным проектом, коим планируется Евразийский экономический союз, можно объяснить следующим. Для Турции существует три возможных и, в той или иной степени, перспективных с экономической точки зрения пути интеграционного взаимодействия, а именно: Европа, Ближний Восток и евразийский регион. Интеграция Турции с Европейским союзом возможна только в формате ассоциированного членства. Это, как и в случае с Грузией, Молдавией и Украиной, означает принятие ассоциированным членом ряда обязательств и условий, требующих ощутимых экономических затрат, и, при этом, вовсе не гарантирует скорое полноценное членство [6].

В ближневосточной интеграции Турция имеет ряд перспектив, однако, политическая нестабильность региона, а также наличие крупных ресурсных запасов, контролируемых такими государствами, как Саудовская Аравия, Ирак, Иран, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, сделает Турцию простым участником интеграционных процессов, без претензий на значительное расширение сфер собственного влияния. Принимая во внимание геополитический аспект, предположим, что участие Турции в евразийском интеграционном проекте может оказаться для ЕАЭС достаточно интересным. Как отмечают специалисты, взаимодействие Турции с Евразийским экономическим союзом оказало бы положительное влияние на политический климат на Кавказе, что позволило бы России укрепить свое влияние на данном направлении¹. Однако, учитывая присоединение Армении к ЕАЭС, данный сценарий находится под вопросом и требует серьезной проработки.

О желании создать зону свободной торговли с Евразийским экономическим союзом заявил также Тунис. Для ЕАЭС эта страна представляет интерес как импортер сельскохозяйственной продукции. Для Туниса сотрудничество со странами-участницами союза означает возможность привлечения в свою страну инвестиций, а также поиска новых торговых партнеров. Индия имеет значительный геополитический вес в мире, по показателю ВВП (ППС) она занимает III место после Китая и США. Развитие отношений Евразийского экономического союза с Индией будет иметь позитивное влияние на обе стороны. Принимая во внимание обширную территорию и экономический потенциал этой страны, подчеркнем, что создание зоны свободной торговли с Индией потребует достаточно серьезных переговоров с целью проработки условий, на которых может быть создана эта зона. Отметим, что при правильном проведении взаимовыгодной интеграционной политики, сотрудничество с этой страной может усилить Евразийский экономический союз [1].

О желании сотрудничать с ЕАЭС заявляли власти Сирии. На настоящий момент эта страна находится в экстраординарном положении: все сферы

жизнедеятельности государства поражены кризисом (внутренняя и внешняя политика, экономика, социальная сфера), часть территории страны контролируется террористическими и экстремистскими группировками, одной из которых является Исламское государство (ИГ, ИГИЛ), в городах ведутся боевые действия, по позициям незаконных вооруженных бандформирований наносятся точечные бомбовые удары. Сейчас стоит вопрос о сохранении целостности страны и политического режима. В случае благоприятного развития и стабилизации ситуации вокруг и внутри этой страны, включая проведение успешных операций по подавлению террористических и сепаратистских группировок, Сирию в дальнейшей перспективе можно рассматривать как потенциального участника определенных форм евразийской интеграции.

Главные задачи евразийской интеграции, помимо объединения экономик – увеличение объема рынка потребителей, создание трансграничных технологически-производственных цепочек, и создание благоприятной и стабильной внешнеэкономической среды. Евразийский банк развития видит достижение этих целей в сотрудничестве с зарубежными банками [4].

Евразийский банк развития занимается финансированием интеграционных проектов. Инвестиции играют далеко не последнюю роль в Евразийской экономической интеграции. Приоритетными инвестиционными направлениями для банка являются электроэнергетика, сельское хозяйство, строительство. В этом году банк реализовал часть успешных проектов, связанных с интеграционной политикой. И один из самых крупных – в Казахстане.

Евразийский банк развития заинтересован в появлении новых стран-участниц как самого банка, так и евразийской экономической интеграции. Азиатское пространство от Сингапура до Лондона, от Анадыря до Гибралтара, от Лиссабона до Владивостока – является неотъемлемой частью экономической интеграции. Объединение экономик укрепит сотрудничество государств и ускорит реализацию крупномасштабных мировых проектов.

Евразийская интеграция представляет собой один из вариантов развития группы внутриматериковых стран, удаленных от главных международных рынков. В основе модели евразийской интеграции лежал опыт ЕС, однако в ходе ее становления она довольно сильно отошла от прототипа. В ней преобладает национальный уровень управления, необязательна унификация институтов управления государствами, она предполагает изъятия из таможенных установлений и сохранение большого числа нетарифных ограничений для взаимной торговли, а также членство в ВТО на разных условиях. Действующая модель интеграции, по существу, представляет собой баланс между объективной необходимостью интеграции и объективными же ограничениями для нее.

Евразийская интеграция – явление, имеющие под собой объективные характеристики, обосновывающие данное определение, а именно: – факторы, способствующие возникновению – факторы, способствующие развитию по определенным циклам (формациям интеграционного развития); – объективирование результатов интеграции в конкретные формы (правовая

результативность – международные договоры, заключенные под эгидой Таможенного союза и ЕврАзЭС, образование Евразийского экономического союза, международно-правовые акты, принятые органами данных межгосударственных объединений; экономическая результативность евразийской интеграции выражается в конкретных качественных и количественных показателях роста товарооборота государств-членов Таможенного союза, а также внешнего товарооборота Таможенного союза с государствами, не являющимися его членами) [3].

С достаточной долей условности можно выделять тенденции развития евразийской интеграции как категории постсоветского развития государств: евразийская интеграция – явление достаточно молодое, не закрепившее своих «трендов» в правовой науке с общепризнанных позиций. В связи с этим более обоснованно можно говорить о формациях интеграционного развития – определенных циклах, «ступенях» евразийской интеграции, объективированных в определенные международно-правовые формы (модели). Таким образом, каждая формация развития евразийской интеграции предполагает опору на приоритетную для данной ступени сближения государств интеграционную модель. Сами же формации интеграционного развития, сменяя друг друга, предполагают постепенное усложнение как интеграционных моделей, служащих опорой для координации государств и согласования их позиций, так и для международно-правового и внутригосударственного обеспечения реализации принятых интеграционными структурами решений.

Возникающие экономические противоречия стран-участниц связаны с поддержкой странами своих производителей, несовпадающими интересами в вопросах защиты общего рынка, разными уровнями налогов и сборов, разным пониманием сути общего рынка и принципов ценообразования на нем, несогласованной валютно-курсовой политикой. Немалый ограничительный вклад в развитие интеграционного процесса вносят структурные особенности экономик стран-участниц, которые выражаются в таких концептуальных представлениях, как «ловушка среднего дохода» и «сырьевое проклятие». В связи с этим определение наиболее целесообразного сценария развития ЕАЭС в складывающихся условиях представляется важной теоретической и практической задачей. Возможные сценарии развития евразийской интеграции были разработаны в ЕЭК в 2015 г. – год запуска интеграционного проекта¹, что свидетельствует о понимании разработчиками сложности интеграционных задач. В нашей статье мы попытаемся оценить ход евразийской интеграции и соотнести его с существующими сценариями развития евразийской интеграции.

Следует отметить, что «Сценарий интеграционного партнерства» предложен в условиях активного продвижения Китаем мегопроекта «Экономический пояс Шелкового пути». Экономические интересы Китая могут воздействовать в пользу усиления сотрудничества не только стран ЕАЭС, но и всех постсоветских государств в сфере транспорта и энергетики.

Учитывая интерес Китая в надежном снабжении своей экономики топливом и сырьем, его вполне бы устроило развитие ЕАЭС по сценарию «Фрагментарный». В этом случае евразийский интеграционный процесс стал бы составной частью китайского мегапроекта.

В то же время Россия выдвинула идею «Большого евразийского партнерства», в которое могли бы войти ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и при определенных условиях и ЕС. Но для реализации проекта «Большая Евразия», в моем представлении, необходима реализация сценария формирования «Собственного центра силы» по ЕЭК или «Сценарий интеграционного рывка» с элементами «Сценария интеграционного партнерства» по ВАВТ. В целом же и китайский мегапроект, и российская идея БЕАП нацелены на создание единого экономического пространства на евразийском материке. Но при этом инструменты достижения этой цели у КНР и России существенно различаются. В связи с этим «... вопрос о том в каких институциональных формах должно будет осуществляться сопряжение китайской инициативы и евразийского интеграционного проекта, реализуемого в рамках ЕАЭС, так и остается открытым» [5].

В «Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС» от 6 декабря 2018 г. ставится задача превращения ЕАЭС в один из наиболее значимых центров современного мира путем повышения связанности странучастниц в торговой, инновационной, цифровой и социальной сферах, а также расширения взаимовыгодного сотрудничества с третьими странами в рамках идей «Большого Евразийского партнерства». В данном документе процессы внутренней связанности ЕАЭС и его включения в трансрегиональные проекты рассматриваются в определенном единстве, что отражает современные тренды мировой экономики. Однако до 2025 г. развитие евразийской интеграции будет осуществляться в условиях турбулентности мировой экономики. ЕС и США сохранят давление на Россию, одновременно расширяя экономическое и политическое сотрудничество.

Заключение. Исходя из уже имеющихся исследований, по нашему мнению, достаточно значимыми мерами, в области интеграционного сотрудничества могут стать: меры дальнейшей консолидации рынков стран ЕАЭС. Эти процессы могут стать основой для расширения возможностей хозяйствующих субъектов этих стран, их финансовых институтов, развитию конкуренции и укреплению их конкурентных позиций; создание условий дальнейшего расширения использования национальных валют в межгосударственных торговых отношениях.

Список использованных источников

1. Lagutina M.L. EU and EEU: Problems and Prospects of the Cooperation in the Current Geopolitical Conditions. Administrative Consulting. – 2015;(11):124-136.
2. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права. – 2018.– № 8. – С. 25–36.

3. Важнейшие принципы современной российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 1. – С. 8–14.

4. Логинова А. С., Травина Л. А. Сравнительно-правовое исследование деятельности Совета экономической взаимопомощи, Европейского экономического союза и Евразийского экономического союза // Право и современные государства. – 2015. – № 2.

5. Соколов А.О. Создание Евразийской компании: опыт Европейского союза // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 78.

6. Якушенко К.В., Шиманская А.В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств – членов ЕАЭС // Новости науки и технологий. – 2017.– № 2. – С. 11–20.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ АДВОКАТА, УЧАСТВУЮЩЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В КАЧЕСТВЕ ЗАЩИТНИКА

Д.С. Ястреб, Н.В. Анюховская

Ключевые слова: уголовный процесс, адвокат, защитник, принцип независимости.

В уголовном процессе деятельность адвоката-защитника, хотя и направлена на отстаивание частного интереса, но по своей сути имеет важнейшее публичное значение, заключающееся в препятствовании односторонности в деятельности органов государства в случаях, когда подобное может угрожать правам и законным интересам его подзащитного. Одним из главных, определяющих свойств деятельности защитника в уголовном процессе, во многом обеспечивающим реализацию концептуально значимого принципа уголовного процесса – состязательности и равноправия сторон – является независимость адвоката-защитника. Описанное обстоятельство, в совокупности с остротой правового спора, рассматриваемого в порядке уголовного судопроизводства, предполагают принципиальный и гарантированный подход к обеспечению независимой профессиональных защитников.

Актуальность данной темы не вызывает сомнения, поскольку проблемы, связанные с сущностью защиты, принципами ее осуществления, процессуальным положением адвоката-защитника в уголовном процессе в целом и на его отдельных стадиях, обеспечением и реализацией прав защитника, всегда вызвали интерес в теории уголовного процесса.

Цель исследования является формирование концептуального представления о сущности и содержании независимости адвоката-защитника, а также, анализ системы ее законодательных гарантий.

Материал и методы. Теоретическую основу составили труды белорусских и российских авторов, правовую – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», Правила профессиональной этики адвокатов. При подготовке работы методологической базой послужили

общенаучные методы познания. В зависимости от конкретных задач исследования в работе использовались следующие методы: сравнительно-правовой, описательно-аналитический.

Результаты и их обсуждение. Независимость адвоката-защитника заключается в возможности защитника самостоятельно выбрать линию поведения и определить конкретные средства и способы осуществления защиты, обеспеченная нормами законодательства и исключая прямое или косвенное влияние на адвоката-защитника со стороны каких-либо лиц.

Независимость адвоката-защитника является многогранной категорией, она подразумевает под собой не только свободу от давления со стороны государственных органов и их должностных лиц, но и со стороны средств массовой информации, органов самоуправления профессионального сообщества адвокатов, а также со стороны клиента. Однако стоит подчеркнуть, что независимость в какой-то степени можно определить, как фикцию, ведь позиция адвоката-защитника всё же ограничена в какой-то мере и отчасти определена клиентом.

Законодательное регулирование независимости адвоката-защитника характеризуется следующим образом. В Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) неоднократно употребляется термин «независимость» по отношению к следователю, судье, однако, применительно к защитнику данное понятие не используется.

В то же время Закон Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» регламентирует независимость в качестве одного из принципов организации адвокатуры и адвокатской деятельности, также в ст. 16 отдельно закреплено положение, где регламентировано, что адвокат в своей деятельности независим и подчиняется только закону [1].

В п. 6 Правил профессиональной этики адвоката предусмотрено следующее: «В своей профессиональной деятельности адвокат полностью независим. Обязанности по защите прав и интересов клиента адвокат исполняет свободно и самостоятельно, достойно и тактично, честно и принципиально, добросовестно и конфиденциально, без какого бы то ни было вмешательства или давления извне» [2].

Законодательное обеспечение независимости адвоката-защитника реализуется посредством регламентации ряда гарантий, которые дают возможность защитнику собственную линию поведения в процессе оказания им юридической помощи своему клиенту.

Под уголовно-процессуальными гарантиями понимают «специальные правовые средства, обеспечивающие участникам уголовного процесса возможность использовать предоставленные законом права и исполнять обязанности, средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, достижения его назначения» [3, с. 141].

В систему уголовно-процессуальных гарантий, как правило, включают: уголовно-процессуальную форму, принципы уголовного процесса,

права и обязанности участников уголовного процесса, проверку законности и обоснованности процессуальных действий и решений, отводы, обязанность должностных лиц государственных органов, ведущих уголовный процесс, разъяснять права участвующим в деле лицам и обеспечить возможность реализации этих прав.

Законодательные гарантии независимости адвокатов-защитников предусмотрены как на международном, так и на национальном уровне. На международном уровне важнейшими правовыми актами, регламентирующими организационно-правовые основы деятельности адвокатуры и юристов в целом, являются: Основные положения о роли адвокатов 1990 г., Общий Кодекс для адвокатов стран Европейского Сообщества 1988 г., Стандарты независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов 1990 г., Основные принципы, касающиеся роли юристов 1990 г. и др.

Перечисленные международно-правовые акты возлагают на государство соответствующие обязанности по созданию и обеспечению условий для осуществления адвокатами своих функций без дискриминации и неправомерного вмешательства извне.

Основные положения о роли адвокатов 1990 года закрепляют ряд важнейших гарантий независимости деятельности адвокатов: в п. 16 содержится положение, согласно которому правительства обязаны обеспечить адвокатам возможность исполнить все их профессиональные обязанности без вмешательства в их профессиональную деятельность; пресечь всякую возможность применения каких-либо санкций за любые действия, осуществляемые адвокатами в соответствии с профессиональными обязанностями и этическими нормами. Согласно п. 17 названного документа, власти обязаны обеспечить защиту адвокатам, в случае если они находятся под угрозой в связи с исполнением профессиональных обязанностей [4].

Независимость адвоката-защитника в современном уголовном процессе Республики Беларусь обеспечивается тремя основными группами гарантий:

1. В первую очередь, это полномочия защитника, позволяющие ему выбрать тактику и стратегию поведения в рамках защитительной деятельности независимо от других участников уголовного процесса. УПК Республики Беларусь предусматривает предоставляет право защитнику самостоятельно собирать доказательства; участвовать в следственных действиях, проводимых с его подзащитным; знакомиться с протоколами процессуальных действий, а также со всеми материалами дела по окончании расследования и т.д. К этой группе гарантий можно также отнести и порядок вступления защитника в дело.

2. Положения закона, ограждающие деятельность адвоката-защитника от влияния других участников уголовного судопроизводства, от необоснованных препятствий в осуществлении защитительной деятельности. К ним относятся: свидетельский иммунитет адвоката, запрет на

вмешательство в профессиональную деятельность адвоката либо препятствование этой деятельности, а также институт адвокатской тайны.

3. Законодательные требования, предъявляемые к самому защитнику, которые призваны не допустить предвзятости и недобросовестности со стороны самого защитника. Статья 87 УПК Республики Беларусь закрепляет перечень обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу.

В своем большинстве описанные выше законодательные гарантии независимости адвоката-защитника, хотя и имеют национальные особенности, но в целом соответствуют международным стандартам. Однако некоторые проблемы с законодательным обеспечением должной степени независимости защитника по уголовным делам в Республике Беларусь, по нашему мнению, требуют своего решения.

Так, проблемой является то, что вышеуказанные положения о запрете на вмешательство в адвокатскую деятельность либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом, закрепленное в ст. 16 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» не подкреплено юридической ответственностью за нарушение данного запрета. Отсутствие юридической ответственности за вмешательство или препятствование законной деятельности профессионального защитника создает условия для безнаказанного произвола органов власти и ее недобросовестных чиновников, препятствующих независимой деятельности самоуправляемых адвокатских объединений и профессиональной деятельности самих адвокатов.

Одной из важнейших гарантий независимости как адвоката, так и адвоката-защитника в частности является адвокатская тайна. Квалифицированная правовая помощь может быть оказана исключительно в условиях полного обеспечения конфиденциальности сведений, полученных от клиентов. В связи с этим, имеется проблема с проведением в отношении адвоката таких следственных действий, как обыск, осмотр и выемка. В белорусском законодательстве не предусмотрен особый порядок проведения указанных следственных действий, что негативно может сказаться на конфиденциальности сведений, сообщаемых клиентом адвокату. Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» содержит норму, в которой предусмотрено следующее: «государственные органы и иные организации не вправе истребовать, изымать и иным образом получать у адвоката, стажера и помощника адвоката информацию, составляющую адвокатскую тайну» [1, ст. 16]. Но этот запрет не подкреплен юридической ответственностью за его нарушение.

Нами уже исследовался данный вопрос и было предложено обратить внимание на опыт Российской Федерации и перенять его, законодательно закрепив возможность проведения обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката только после возбуждения в отношении адвоката уголовного дела; обязательность указания конкретно определенных данных, которые послужили основанием для производства соответствующих следственных

действий, а также четкий перечень объектов, которые предполагается отыскать; а также, обязательное присутствие члена совета соответствующей территориальной коллегии адвокатов или иного представителя адвокатского сообщества, уполномоченного председателем этой коллегии [5, с. 69].

Заключение. Резюмируя вышесказанное, отметим, что несмотря на соответствие международным стандартам законодательного обеспечения независимости адвоката-защитника в уголовном процессе Республики Беларусь, всё же данная система не является совершенной и не может рассматриваться в качестве достаточной. В национальную систему гарантий независимости адвоката-защитника необходимо вносить изменения и дополнения, это позволило бы обеспечить наиболее эффективное оказание квалифицированной юридической помощи. Государство должно быть заинтересовано в защите адвокатов, ведь они выполняют публичную функцию, участвуя в уголовном процессе и защищая интересы, права и свободы своих клиентов. Обеспечение беспрепятственного исполнения защитником своих профессиональных обязанностей и реализации принципа независимости и самостоятельности адвокатуры является важнейшим условием для эффективной реализации фундаментального права граждан – права на защиту.

Список использованной литературы

1. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З: принят Палатой Представителей 18 декабря 2011 г.: одобрен Советом Республики 20 декабря 2011 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 27.05.2021 № 113-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2022.
2. Правила профессиональной этики адвоката: утверждено Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь 30.09.2021 № 180 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Насонова, И. А. Уголовно-процессуальные гарантии как средства, обеспечивающие выполнение назначения уголовного судопроизводства [Текст] / И.А. Насонова, Ю.В. Бурдов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2014. – № 3. – С. 136–142.
4. Основные положения о роли адвокатов // Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>. – Дата доступа: 30.04.2022.
5. Анюховская, Н. В. К вопросу о необходимости совершенствования производства отдельных следственных действий в отношении адвоката / Н. В. Анюховская // Государство и право во времени и пространстве : сборник тезисов докладов Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов, 3 декабря 2021 года / [под ред. Д. В. Петровича]; Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск : БГЭУ, 2022. – С. 68–70.

РАЗДЕЛ 2
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ
И ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ:
ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**ЕИС НОТАРИАТ – НАЧАЛО ЦИФРОВИЗАЦИИ
БЕЛОРУССКОГО НОТАРИАТА**

Т.М. Аникеева, Е.Н. Митрофанова

Ключевые слова: ЕИС Нотариат, электронный нотариат, электронный нотариус, цифровизация нотариата, информатизация, наследство без границ, нотариальные действия, деятельность нотариата, истребование сведений, права и законные интересы.

Цифровизация и информатизация наиболее важных процессов в обществе являются важнейшими направлениями в развитии электронного государства, к созданию которого согласно государственным программам «Цифровое развитие Беларуси» стремится и наша Республика. Эта программа направлена на внедрение информационно-коммуникационной инфраструктуры в сферы жизнедеятельности общества, а также обеспечение информационной безопасности. Одной из таких услуг на основе информационно-коммуникационной инфраструктуры является «электронный нотариус», поэтому важно показать значимость модернизации и внедрение цифровых инноваций в нотариате Беларуси, учитывая уровень "цифровой зрелости" Республики Беларусь как в отраслевом, так и в региональном масштабах, а также применяемые технические решения, мировые тенденции, что является основой для дальнейших цифровых преобразований.

Материал и методы. Материалами для исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных исследователей и юридические журналы, а также методы: логический, анализа, синтеза, индукции, дедукции.

Результаты и их обсуждения. Все организационные структуры государства, граждане, общественные объединения и организации вовлечены в процесс информатизации в Республике Беларусь, который с каждым годом набирает обороты. Информатизацию рассматривают как научно-технически и социально-экономически организованный процесс удовлетворения информационных потребностей на основе использования компьютерной техники, современных телекоммуникационных систем и информационных технологий [1, с. 69].

Высокие требования предъявляются современным обществом к получению, передаче, обмену информации, реализации прав, обязанностей и законных интересов в информационной сфере. Использование преимуществ

электронного документооборота, возможностей обращения для решения вопросов в электронной форме значительно упрощает взаимодействие государственных органов с гражданами и организациями в двустороннем порядке.

С 01.01.2014 нотариат в нашей стране не является государственным, но реализует публичную функцию, совершая нотариальные действия от имени государства в интересах частных лиц с учетом требований действующего законодательства Республики Беларусь.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, компьютерных сетей, распространение для широкого круга лиц доступа к сети Интернет и обоюдное желание государства в лице его органов, общества в целом и отдельных его граждан упростить порядок взаимодействия привело к появлению таких понятий как «электронное государство», «электронный нотариат», «электронный нотариус» и другие.

Под электронным нотариатом следует понимать не просто возможность использования компьютера в работе нотариуса и подготовку электронных документов с использованием компьютерной техники, а совершение нотариусом в порядке, установленном законодательством, нотариальных действий с использованием информационных коммуникационных технологий. Электронный нотариат включает в себя электронный документооборот, возможность допуска к служебным электронным базам данных и организации электронных запросов, обслуживание электронного нотариального архива, осуществление засвидетельствования электронной копии бумажного документа и бумажной копии электронного документа, применение электронной цифровой подписи [2, с. 386].

По сравнению с такими странами СНГ как Казахстан и Российская Федерация, где «электронный нотариат» достаточно развит, в нашей стране он только начинает набирать обороты.

В рамках реализации пункта 10 Указа Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. № 523 «Об организации нотариальной деятельности в Республике Беларусь», а также Концепции информатизации нотариата нашей страны Белорусской нотариальной палатой был реализован ряд приоритетных задач, созданная Белорусской нотариальной палатой Единая информационная система нотариата (ЕИС Нотариат) функционирует с 01.01.2017 и зарекомендовала себя как надежный автоматизированный помощник в работе нотариуса.

В настоящее время Белорусской нотариальной палатой в рамках компетенции обеспечивается функционирование информационных (электронных) ресурсов (систем) и технологий, с использованием которых всеми нотариусами осуществляется взаимодействие между собой и с государственными органами [3, с. 2].

Каждый нотариус может обратиться за необходимой ему в рамках компетенции информацией из Единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, Единого реестра

административно-территориальных и территориальных единиц Республики Беларусь. Также в ЕИС нотариата запущен сервис по «онлайн» доступу к данным ресурсам. Кроме того, благодаря работе системы, нотариус имеет возможность оперативно получить информацию из Государственной информационной системы «Регистр населения», автоматизированной информационной системы Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, других информационных источников.

В ЕИС Нотариат содержатся сведения о завещаниях и их отмене, что позволяет своевременно реагировать на открытие наследства при наличии завещания гражданина; а с 1 января 2023 станет доступна возможность истребовать и получать на безвозмездной основе сведения о наличии вкладов лица в банках Республики Беларусь и некоторую другую информацию [4, с. 5]. Получение подобной информации позволит ускорить сроки совершения нотариальных действий; защитить права и законные интересы лиц, заключающих сделки с недвижимым и движимым имуществом, а также лиц, имеющих права на отчуждаемое имущество; проверить легитимность лиц, обращающихся к нотариусу; оперативно установить вид наследуемого имущества и т.д.

Заключение. Стоит отметить, что внедрение цифровизации в деятельность нотариата также позволило ввести принцип «наследство без границ» на территории отдельных городов и районов Республики Беларусь, что позволяет наследникам умерших граждан, обратиться для оформления наследственных прав к любому нотариусу в этом городе или районе (Минск, Витебск, Гомель, Брест и Брестский район, Гродно и Гродненский район, Бобруйск и Бобруйский район).

ЕИС Нотариата обеспечивает комплексную автоматизацию процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и, как следствие – возможность доступа в режиме реального времени к сведениям об отмене доверенности (в том числе удостоверенных должностными лицами белорусских загранучреждений) и поиска открытого наследственного дела. Сервис работает совершенно бесплатно, размещен в открытом круглосуточном доступе на сайте Белорусской нотариальной палаты, и с каждым годом число граждан и представителей бизнеса пользующиеся данным сервисом увеличивается. Благодаря развитию автоматизации и информатизации в нотариальной деятельности информационный функционал стал доступен и востребован в обществе.

По словам председателя Белорусской нотариальной палаты Натальи Борисенко «Расширение использования информационных технологий является одной из приоритетных задач в деятельности современного белорусского нотариата» [5, с. 8], что несомненно будет способствовать построению информационно-правового пространства государства, повышению правовой и информационной культуры, совершенствованию правового обеспечения развития информационных технологий.

Список использованных источников

1. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для бакалавров / под общ. ред. проф. П.У. Кузнецова. – М.: Юрайт, 2011. – 422 с.
2. Кирвель, И.Ю. Перспективы внедрения электронного нотариата в Республике Беларусь // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015): материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 28 мая 2015 г.) [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Электрон. дан. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – С. 386.
3. Комментарий «Инструкция о порядке совершения нотариальных действий: что изменилось» (Т.А. Лисок) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/=21ni&searchPosition=2#M100001>. – Дата доступа: 29.04.2022.
4. О нотариате и нотариальной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2004 г., № 305-З : в ред. от 5 янв. 2016 г. № 355-З : с изм. и доп. от 29 июня 2020 г. № 33-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Леднева, Н. Статус изменен / Н. Лебедева // Нотариальный вестник плюс. – 2014. – № 4. – С. 8.

ЗАВЕЩАНИЕ КАК ИНСТИТУТ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т.М. Анিকেева, Н.С. Царенко

Ключевые слова: наследство, нотариус, наследственное право, наследственные правоотношения, наследодатель, наследник, основания наследования, наследование по завещанию, охрана прав и законных интересов граждан.

Материалы и методы. Материалами для данного исследования послужили научные труды отечественных авторов, а также методами исследования выступили комплекс общенаучных и специальных методов познания: диалектический, исторический, логический, сравнительно-правовой, абстрагирование, анализ и синтез.

Основными целями исследования является:

- всестороннее изучение и анализ норм законодательства Республики Беларусь в отношении завещания и особых распоряжений, которые завещатель вправе указать в завещании;
- изучение проблем, связанных с реализацией данных норм на практике;
- необходимость изменения законодательства в связи с изменениями социальной среды;
- а также сравнительный анализ действующего законодательства с законодательством иностранных государств в сфере реализации прав и законных интересов граждан посредством наследственных правоотношений.

В условиях нарастающей цифровизации населения, угрозы пандемии исследование данной темы приобрело еще большую актуальность.

Результаты и их обсуждения. Одним из признаков успешного развития рыночной экономики страны является увеличение благосостояния её граждан. В наше время человеку на праве собственности может принадлежать практически любое имущество (машины, квартиры, оружие, ценные бумаги, машино-место и др.) и, естественно, рано или поздно перед каждым собственником, сам собой встаёт вопрос о дальнейшей судьбе нажитого имущества, в том числе и на случай его смерти. Большинство граждан стараются ещё при жизни определить будущих владельцев своего имущества, и именно завещание здесь играет важнейшую роль. Завещателю законодателем предоставлен широкий круг распоряжений, которые он может предусмотреть при составлении завещания. Так, при составлении завещания наследодатель может указать исполнителя завещателя, подназначить наследнику другого наследника, а также обязать наследника совершить ряд действий необходимых для получения наследства (завещательный отказ, завещательное возложение).

Право граждан наследовать имущество в соответствии с завещанием или законом является одной из возможностей реализации предусмотренного статьей 44 Конституции Республики Беларусь права собственности [1, с. 14].

Можно сказать, что вся совокупность норм гражданского права о наследовании направлена на обеспечение прав наследодателя и его наследников.

Что же представляет собой завещание – Завещание (от лат. *testamentum*) представляет собой: с одной стороны – волеизъявление (распоряжение) гражданина в отношении своего имущества, сделанное им на случай своей смерти; а с другой стороны – непосредственно сам документ, в виде которого оно оформляется. Пункт 1 статьи 1040 Гражданского кодекса Республики Беларусь определяет завещание, как волеизъявление гражданина по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти [2].

Завещание представляет собой гражданско-правовую сделку с рядом присущих только ему особенностей. Основными признаками (принципами) завещания является его сугубо личный, односторонний характер, свобода завещания, тайна завещания и его строго установленная форма.

Завещание – это сделка, которая тесным образом связана с личностью гражданина, ее совершающего, ввиду чего совершение завещания через представителя, например по доверенности, прямо запрещено законом (п. 3 статьи 1040 Гражданского кодекса Республики Беларусь) [2].

Не могут составлять завещания:

- недееспособные граждане;
- ограниченно дееспособные граждане (по возрасту или вследствие признания их ограниченно дееспособным судом); несовершеннолетние лица, за исключением случаев, объявления их полностью дееспособными в соответствии с правилами об эмансипации (согласно статьи 26 Гражданского кодекса

Республики Беларусь несовершеннолетний, достигший 16-ти лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.) [2] или ставшими полностью дееспособными в силу вступления в брак до достижения восемнадцатилетнего возраста.

Таким образом, совершить завещание может только лично сам гражданин, приобретший дееспособность в полном объеме и способный своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их [2], при чём, гражданин должен быть дееспособным именно на момент составления завещания. Последующая утрата им дееспособности или ограничение его в дееспособности не влечёт за собой признание недействительным ранее составленного завещания.

Личный характер завещания также подчеркивается и тем, что в завещании могут содержаться распоряжения только одного лица. Оно не может быть совершено двумя или более лицами, даже если они являются собственниками завещанного имущества (например, супруги).

Завещание, как уже упоминалось выше, является односторонней сделкой, то есть для ее совершения достаточно выражения воли одного лица – завещателя. Согласие каких-либо третьих лиц либо самих наследников на совершение завещания не требуется. Само по себе составление завещание не порождает при жизни завещателя никаких прав и обязанностей ни для него самого, ни для указанных в завещании лиц. Эти права и обязанности возникнут лишь в момент открытия наследства. В связи с этим, завещатель не ограничен законодательством какими-либо рамками по количеству составленных завещаний, то есть он может в любое время без объяснения причин и без сообщения кому-либо отменить или изменить ранее сделанное им завещание.

При составлении завещания, завещатель как был, так и остается собственником своего имущества и поэтому при своей жизни может распоряжаться им по своему усмотрению (дарить, обменивать, продавать и др.).

Завещатель вправе без объяснения причин лишить наследства одного или всех наследников по закону, однако, Закон определяет категорию лиц, которые не могут быть лишены завещателем права на наследство, за такими лицами закрепляется обязательная доля в наследстве и их именуют необходимыми наследниками. К ним относятся: несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя (в том числе усыновленные), нетрудоспособный супруг, нетрудоспособные родители (усыновители) [2].

Нотариально удостоверенные завещания условно, можно разделить на три вида: первый вид – это завещание собственноручно написанное завещателем; второй вид – это завещание, записанное нотариусом со слов завещателя в присутствии свидетеля и третий вид – это завещание удостоверенное нотариусом без ознакомления с его содержанием (закрытое завещание).

Принцип свободы завещания наряду с другими средствами обеспечивается тайной завещания. Так, согласно статье 1050 Гражданского кодекса Республики Беларусь – нотариус, другое лицо, удостоверяющее завещание, свидетели, а также гражданин, подписывающий завещание вместо завещателя, не вправе до открытия наследства разглашать сведения, касающиеся содержания завещания, его составления, отмены или изменения [2].

Сведения о завещании при жизни завещания выдается только самому завещателю [4].

Выводы. В заключении хотелось бы отметить, что роль наследственного права в современном мире значительно возросла. Это в первую очередь обусловлено тем, что количественно и качественно расширился состав имущества, находящегося в собственности у граждан, и, следовательно, состав наследственного имущества. У многих лиц появилась дорогостоящая собственность – квартиры, жилые дома, земельные участки и др., что в свою очередь ведет к увеличению числа действий, связанных с определением судьбы данного имущества на случай смерти.

В нынешнее время мир столкнулся с рядом заболеваний, например, таким как COVID-19, что повлекло за собой вынужденные изменения во всех сферах жизнедеятельности человека. Появилось ряд возможностей, совершать определённые действия онлайн, то есть без личного присутствия человека. На мой взгляд, сегодня у нотариата Республики Беларусь есть все предпосылки для предоставления гражданам реализации своих прав для совершения нотариальных действий онлайн. Так, на сегодняшний день на сайте Белорусской нотариальной палаты доступен функционал поиска открытых наследственных дел и проверке отмененных доверенностей. Также с 2017 года весь нотариат Республики работает в единой информационной системе, где есть возможность получать необходимую актуальную информацию посредством электронных каналов. Конечно предстоит еще большая работа, но полагаю, в ближайшем будущем граждане смогут общаться к нотариусам посредством новейших технологий, в том числе и за удостоверением завещаний.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года, 17 октября 2004 год и 27 февраля 2022 г.). – Минск: Амалфея, 2022.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218-3: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 05.01.2021 г. № 95-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.

3. Гражданское право, В 3 т. Т.3: учебник / Т.В. Авдеева [и др.]; под ред. Д-ра юрид. наук, профессора, засл. Юриста БССР В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2011. – 2011. – 560 с.

4. Закон Республики Беларусь от 18 июля 2004 года № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 22 июня 2004 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 2004 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 29 июня 2020 г. № 33-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.

5. Захарова, Ж.В. Завещание: Как составить завещание, Образцы завещаний / Ж.В. Захарова, Л.Ф. Мороз, С.Г. Пристолм; под общ. ред. А.В. Билейчика. – Минск: Дикта, 2011. – 80 с.

6. Кафарова, Е.С. Наследование по завещанию в Республике Беларусь / Е.С. Кафарова, под науч. ред. В.Г.Тихини. – Минск : Право и экономика, 2011. – 237 с.

7. Пронина, М.Г. Наследование по завещанию и по закону / М.Г.Пронина. – Минск: Амалфея, 2002. – 144 с.

ИНТЕРЕСЫ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л.В. Войтович

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; хозяйственное судопроизводство; третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора; третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора.

Реалии нынешнего общества, обусловленные различными политическими и экономическими процессами, диктуют необходимость переосмысления традиционных правовых институтов, в том числе и в цивилистическом судопроизводстве, позволяющих реализовать право на судебную защиту.

В свете этого следует уделить внимание и такому актуальному вопросу как интересы третьих лиц в цивилистическом судопроизводстве.

Материал исследования:

Правовому регулированию процессуального положения и порядка участия в гражданском судопроизводстве третьих лиц, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора в Российской Федерации в настоящее время посвящена статья 42 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГПК РФ), а третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, статья 43 ГПК РФ. В действующем Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [2] (далее – АПК РФ) процессуальное положение и порядок участия в судопроизводстве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора определен в статье 50, а третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора в статье 51.

При этом, статья 47 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [3] (далее – КАС РФ), посвящена регулированию заинтересованных лиц как участников судопроизводства. Анализ нормативных

положений гражданского процессуального, арбитражного и административного процессуального законодательства Российской Федерации показывает, что заинтересованные лица, как участники административного судопроизводства по своему правовому и процессуальному положению аналогичны третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, как участникам гражданского и арбитражного судопроизводства.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [4] (далее – ГПК Республики Беларусь) включает отдельную главу 8, в которой наиболее детально, по сравнению с гражданско-процессуальным законодательством Российской Федерации урегулирован порядок реализации процессуальных прав и обязанностей третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, а также третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора (статьи 65–69).

В Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь [5] (далее – ХПК Республики Беларусь) статья 64 регулирует порядок участия в судопроизводстве третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, а статья 65 третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора.

Методология исследования.

В представленной работе использовались методы сравнительного анализа, комплексного исследования и другие.

Результаты исследования и их обсуждение.

Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора защищают в судопроизводстве самостоятельные интересы – это правило является общеизвестным.

В связи с этим, следует вспомнить выводы И.М. Ильинской, имеющие значение и в настоящее время. Так, она отмечала, что «третьи лица с самостоятельными требованиями, участвуя в процессе между первоначальными тяжущимися сторонами, заявляют свои самостоятельные притязания на предмет спора» [6, с. 6].

При этом, необходимо учитывать, что требование истца и требование третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, должны быть идентичны и одновременно иметь взаимоисключающий характер. То есть третье лицо заинтересовано в таком материально-правовом разрешении спора, которое исключает удовлетворение притязаний истца.

В связи с вышеизложенным, интересным представляется следующий пример из судебной практики, где Сланцевский городской суд Ленинградской области в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные иски требования на предмет спора указал супругу истца, которая вместе с ним ездила в туристическую поездку. Так, согласно содержанию решения суда по делу № 2-267/2021 [7]¹ истец А.С. обратился в суд с иском к ответчику ООО «Анекс

¹ Решение по делу № 2-267/2021 // Архив Сланцевского городского суда Ленинградской области за 2021 год.

Туризм» с требованиями: взыскать убытки в виде реального ущерба, причинённого невыполнением условий договора о реализации туристского продукта; взыскать компенсацию морального вреда; взыскать судебные издержки, связанные с оказанием юридической помощи адвокатом.

В это дело был также привлечен еще и третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора ИП Н.М. – турагент. Участие в деле последнего оправдано, поскольку содержание решения суда свидетельствует, что возможны регрессные требования.

Однако, по поводу привлечения в дело супруги истца в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования вызывает возражения. Представляется правильным ее участие в таком деле в качестве соистца.

Требования третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора направлены к одной или обеим сторонам искового производства (истцу и (или) ответчику).

Наличие у такого лица права на обращение в суд связано с тем, что оно является предполагаемым субъектом спорного материального правоотношения, и его интересы направлены на предмет уже существующего спора.

В отношении *третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора* необходимо отметить ряд следующих характеристик.

Участие в судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора обусловлено самостоятельным юридическим интересом.

Так, в свое время И.М. Ильинская указала, что «третьи лица без самостоятельных исковых требований не имеют таких притязаний, как третьи лица с самостоятельными исковыми требованиями. Их юридическая заинтересованность тоже носит материально-правовой характер и имеет место лишь в тех случаях, когда третье лицо связано с одной из сторон взаимными правами и обязанностями и находится с одной из них в определенном правоотношении» [6, с. 6–7]. При этом, «третье лицо без самостоятельных требований, участвуя в процессе, заинтересовано в правильном разрешении спора между сторонами, поскольку судебное решение по спору может определить его отношение к одной из сторон в процессе, повлиять на его права и обязанности. В связи с этим основанием участия третьего лица без самостоятельных требований в гражданском процессе является не помощь стороне и желание быть ей полезным в процессе, а самостоятельный юридический интерес третьего лица» [6, с. 44].

Современные исследователи постоянно проявляют интерес к проблемам правового регулирования третьих лиц, как участников судопроизводства. Так, К.С. Рыжков отметил, что «традиционно участие третьих лиц в деле связывается с влиянием судебного решения на их собственные материальные права и обязанности. Однако третьи лица зачастую имеют законные интересы, которые выражаются в защите прав и законных интересов других лиц. Таким образом, в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в гражданском процессе

могут участвовать лица, защищающие различный по своей природе интерес. Данное обстоятельство создает сложности в правоприменении, поскольку вопрос о возможности участия конкретного лица в деле в качестве третьего лица не возможно решить без установления содержания защищаемого им интереса» [8, с. 4].

Согласно части 1 статьи 43 ГПК РФ «третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судом первой инстанции судебного постановления по делу, *если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон*».

Аналогичное правило закреплено в части 1 статьи 52 АПК РФ, согласно которому «третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в первой инстанции арбитражного суда, *если этот судебный акт может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон*».

В гражданском процессуальном законодательстве Республики Беларусь установлены такие же правила. Соответственно, согласно положениям пункта 1 статьи 65 ГПК Республики Беларусь «Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до вынесения судьей решения, *если решение по делу может повлиять на их права и обязанности по отношению к одной из сторон*».

В пункте 1 статьи 67 ХПК Республики Беларусь закреплено, что «третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, могут быть привлечены судом, рассматривающим экономические дела, либо вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судебного постановления, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, *если это постановление может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон*».

Соответственно, по защищаемому интересу в судопроизводстве третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора отличаются от третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора как по процессуальному законодательству Российской Федерации, так и Республики Беларусь.

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что в современном административном судопроизводстве Российской Федерации могут участвовать заинтересованные лица в порядке, определенном статьей 47 КАС РФ.

В ч. 1 ст. 47 КАС РФ законодательно закреплено понятие заинтересованных лиц – *это лица, права и обязанности которых могут быть затронуты при разрешении административного дела*. Далее в части 2 статьи 47 КАС РФ уточняется, что статус заинтересованного лица может быть приобретен в связи с тем, что *«судебный акт по делу может повлиять на права или обязанности»* этих лиц по отношению к одной из сторон административного судопроизводства. Как известно, такой признак напрямую

закреплен в части 1 статьи 43 ГПК РФ и части 1 ст. 51 АПК РФ и является основным, который определяет третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора как участников гражданского и арбитражного судопроизводства.

Анализ и других признаков подтверждает, что заинтересованные лица, как участники административного судопроизводства в Российской Федерации по своему правовому и процессуальному положению аналогичны третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, как участникам гражданского и арбитражного судопроизводства.

Выводы (заключение). Вышеизложенное исследование показывает, что современное гражданское процессуальное, арбитражное процессуальное и административное процессуальное законодательство в Российской Федерации, определяющее интересы третьих лиц, также как гражданское процессуальное и хозяйственное процессуальное законодательство Республики Беларусь включает общие и особенные правила. Общие правила правового регулирования обусловлены общей правовой природой процессуального законодательства. Особенности правового регулирования, показывают проблемы, требующие устранения в законодательстве. При этом необходимо учитывать эффективно функционирующие нормативные положения, применяемые как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021), с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022. // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021), с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022. // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. Ст. 3012.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 13.01.2022), с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022. // Собрание законодательства РФ. – 09.03.2015. – № 10. – Ст. 1391.
4. Гражданский Процессуальный Кодекс Республики Беларусь 238-3 от 11.01.1999 г. // https://kodeksy-by.com/grazhdanskij_protseussualnyj_kodeks_rb.htm.
5. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15.12.1998. № 219-3. // https://kodeksy-by.com/hozyajstvennyj_protseussualnyj_kodeks_rb/64.htm.
6. Ильинская И.М. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе. – М.: Гос.изд-во юрид. лит-ры, 1962. – 83 с.
7. Решение по делу № 2-267/2021. // Архив Сланцевского городского суда Ленинградской области за 2021 год.
8. Рыжков К.С. Участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в гражданском процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов. 2017. – 27 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ

Е.С. Евдюнина, А.В. Ковалева

Ключевые слова: судебное представительство, образовательный ценз.

Правовая система Российской Федерации – сложный комплекс норм, который находится в постоянном развитии. Предложенный тезис подтверждается тем, что в 2015 г. Комитетом по гражданскому, уголовному, арбитражному процессуальному законодательству ГД ФС РФ представлена Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ. Помимо этого, была проведена процессуальная реформа 2019 г., которая ввела образовательный (квалификационный) ценз для представителей в арбитражном судопроизводстве. Помимо этого, в марте 2022 г. было опубликовано Постановление Пленума Верховного суда от 23.12.2021 г. № 46, обобщающее судебную практику по вопросу представительства в суде первой инстанции. Институт представительства в арбитражном суде является одним из наиболее распространенных способов оказания юридической помощи при реализации прав и законных интересов лиц, участвующих в деле. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение института представительства в арбитражном судопроизводстве в его развитии. Помимо этого, для внесения изменений в правовую систему РФ представляется необходимым изучить положения, регламентирующие институт представительства в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, другой исторически близкой правовой системы.

Таким образом, целью данного исследования является сравнение института представительства в арбитражном суде в контексте изменения законодательства, а также сравнение института представительства в арбитражном суде правовой системы РФ с правовой системой Республики Беларусь.

В основу исследования легли следующие материалы: АПК РФ, ГПК РФ, Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Постановление Пленума Верховного суда от 23.12.2021 г. № 46 «О применении АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции», Конституционного суда РФ, ХПК РБ, специальная литература по выбранной теме.

Сравнительно-правовой метод – основной метод проведенного исследования.

Итак, защита и охрана прав и законных интересов лиц возможны в арбитражном (хозяйственном) процессе обеих юрисдикций как самостоятельно, так и через представителей. Под представительством в арбитражном суде понимается деятельность представителя, осуществляемая от имени представляемого с целью добиться для него наиболее благоприятного решения, а также для оказания ему помощи в осуществлении своих прав, предотвращения их

нарушения в процессе и оказания арбитражному суду содействия в осуществлении правосудия по делам, отнесенным законом к его ведению [11].

Следует отметить, что институт представительства в арбитражном процессе претерпевал существенные изменения. Так в соответствии с АПК РФ 1992 года в качестве представителя организации и гражданина – предпринимателя в арбитражном суде мог выступать адвокат. Помимо этого, представителями юридических лиц могли являться органы юридического лица (руководители и их заместители) или другие работники организации [1]. Иной подход использовал законодатель в АПК РФ от 05.05.1995 года, который установил, что представителем в арбитражном суде может быть любой гражданин, имеющий надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела в арбитражном суде. Соответственно, АПК РФ от 05.05.1995 года не устанавливает никакого ценза для представителей в арбитражном суде [2].

Следующее изменение в институт представительства в арбитражном суде было внесено при принятии АПК РФ от 24.07.2002 года. В первоначальной редакции представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица [3]. В свою очередь представителями организаций могут выступать в арбитражном суде по должности руководители организаций или лица, состоящие в штате указанных организаций, либо адвокаты. Данная норма устанавливала ценз для представителей юридических лиц, что в свою очередь стало основанием для дальнейших изменений.

Данное положение признано несоответствующим Конституции РФ в силу того, что государство, допуская возможность выступать в арбитражном суде в качестве представителей организаций штатных сотрудников либо адвокатов, а в качестве представителей граждан - иных, помимо адвокатов, лиц, оказывающих юридическую помощь, не предъявляет особых требований к качеству предоставляемой юридической помощи и не гарантирует ее надлежащий уровень [15].

В соответствии с редакцией АПК РФ от 2005 года представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица [4].

Следующей вехой в развитии Арбитражного процессуального законодательства стала Концепция Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В силу межотраслевого характера института представительства многие положения были унифицированы авторами. Например, Концепция указывает, что положения о лицах, которые могут быть представителями в суде, в ГПК (ст.49) и АПК (ст.59) практически совпадают [12]. Других положений, касающихся возможности участия представителей, Концепция Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не предусматривает. Однако данный тезис представляется неверным, так как при сравнении редакций АПК РФ и ГПК РФ

от 30.12.2015 существуют большие противоречия в рамках института представительства. Согласно ГПК РФ в редакции от 30.12.2015 года представителями по договору могут быть дееспособные лица. В свою очередь в соответствии с АПК РФ в редакции от 30.12.2015 года представителями по договору в арбитражном суде могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица [5, 9].

В свою очередь направлением к унификации арбитражного и процессуального законодательства стало принятие Федерального закона № 451-ФЗ от 29.11.2018 г. В АПК РФ были введены новые требования к договорному представительству, а именно установлен квалификационный (образовательный) ценз за рядом исключений. Таким образом, представителями по договору в арбитражном суде могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности (п. 3 ст. 59 АПК РФ), а также иные лица, указанные в федеральном законе, на которых не распространяются указанные требования [6, 16].

Основой такого подхода законодателя стала ст. 48 Конституции РФ, гарантирующая право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Таким образом, охрана и защита прав и законных интересов лиц через представителей невозможны без оказания эффективной, квалифицированной юридической помощи лицу, обратившемуся в суд за судебной защитой. АПК РФ до внесения изменений в п. 3 ст. 59 АПК РФ предусматривал участие в качестве представителей граждан иных лиц, помимо адвокатов, оказывающих юридическую помощь, тем самым, «по существу, не предъявляет особых требований к качеству предоставляемой юридической помощи и, следовательно, не гарантирует ее надлежащего уровня».

Требования п. 3 ст. 59 АПК РФ к договорному представительству должны соблюдаться при совершении представителем любых процессуальных действий. При этом лица, оказывающие юридическую помощь, не являющиеся адвокатами, предоставляют суду документы о высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности. В свою очередь данное правило не распространяется на адвокатов, так как в соответствии с п. 2 ст. 6 ФЗ № 63-ФЗ от 31.05.2002 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат предоставляет суду ордер на исполнения поручения.

Следует отметить, что помимо оказания лицу через представителя квалифицированной юридической помощи, выраженной в знании, понимании и правильном использовании норм материального и процессуального права, институт профессионального представительства имеет ряд преимуществ. Так адвокатов и лиц, имеющих высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, можно признать лицами «до тонкости изучившими все приемы и средства процессуальных действий», что дает возможность суду действовать более эффективно. Избежание процессуальных

нарушений представителем лица в свою очередь оказывает влияние на уменьшение нагрузки на работников судебных органов.

Не все представители юридической доктрины согласны с изложенной в последней редакции АПК РФ подходом. Возрождая дискуссию о необходимости создания системы квалифицированной юридической помощи, предлагается ввести адвокатскую монополию на представительство лиц, обратившихся за судебной защитой. Такой подход аргументируется тем, что в большинстве стран с развитыми правовыми системами оказывать юридическую помощь могут лица, обладающие специальным правовым статусом. Например, в подавляющем большинстве судов США только адвокаты могут выполнять функции представителей в судебном процессе. Согласно законодательству Французской Республики, представительство и помощь в суде по общему правилу осуществляется адвокатами [11].

Такой подход может и будет способствовать повышению уровня оказания квалифицированной юридической помощи, однако в современных реалиях представляется необоснованным в силу того, что с каждым годом увеличивается нагрузка арбитражного суда. Таким образом, участие во всех делах, рассматриваемым арбитражным судом, в качестве представителей только адвокатов, видится необоснованным, так как число обращений в арбитражные суды с каждым годом возрастает, в тоже время не все лица, имеющие высшее юридическое образование, могут получить статус адвоката. В свою очередь установление такого ценза приведет к увеличению нагрузки на лиц, обладающими статусом адвокатов. В тоже время представляется необоснованным установление адвокатского ценза на представительство в арбитражном суде, так как отсутствие статуса адвоката не означает отсутствие профессиональных знаний у лиц, имеющих высшее юридическое образование либо ученую степень, не обладающих адвокатским статусом.

Стоит отметить, что образовательный ценз в представлении интересов лиц в арбитражном суде является не абсолютным, так как в соответствии с п. 21 ПП ВС РФ от 23.12.2021 г. № 46 если представителем лица, участвующего в деле, является адвокат либо иное оказывающее юридическую помощь лицо, имеющее высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, наряду с ним к участию в арбитражном процессе в качестве представителей допускаются лица, не имеющие высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности [13]. Однако следует отметить, что при отсутствии у лица высшего образования или ученой степени по юридической специальности, при участии в арбитражном процессе такое лицо может совершать технические действия, такие как передача в суд заявление и ходатайства, снятие копий материалов дела, получение копий судебных актов, исполнительного листа.

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в свою очередь установил образовательный ценз для представителей, представляющих интересы лиц в

верховных судах республик РФ, краевых, областных и прочих судах субъектов Российской Федерации, военных судах, апелляционных и кассационных судах общей юрисдикции и в Верховном суде РФ [8, 16].

Таким образом, институт представительства в гражданском и арбитражном судопроизводстве стоит считать унифицированным, несмотря на отсутствие образовательного ценза при рассмотрении гражданских дел мировыми судьями, а также районными судами. Такой подход законодателя стоит рассмотреть как способ обеспечения доступности правосудия для лиц, не имеющих средств для оплаты услуг квалифицированного представителя, и даёт возможность обратиться за юридической помощью к иным лицам. Наиболее распространённым примером таких лиц служат студенты старших курсов, оказывающих бесплатную юридическую помощь в общественных приемных Юридических клиник, организованных на базе университетов.

Таким образом, для правовой системы Российской Федерации правило, устанавливающее образовательный ценз для представителей, можно считать устоявшимся. Однако для совершенствования закона стоит рассмотреть подходы к институту представительства, предложенные иной исторически близкой правовой системой Республики Беларусь. Охрана и защита гражданских прав лиц в сфере предпринимательства и экономических отношений в Республике Беларусь регулируется Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ХПК РБ). В соответствии с ст. 76 ХПК РБ представителем юридического лица может быть адвокат, руководитель либо работник юридического лица по делам этого лица, иные лица в случаях, предусмотренных законодательными актами. Представителями индивидуального предпринимателя и гражданина могут быть адвокаты, законные представители, близкие родственники, супруг (супруга), иные лица, осуществляющие представительство в случаях, предусмотренных законодательными актами [17]. Таким образом, закон РБ устанавливая отдельные категории лиц, которые могут быть представителями в суде, и сужает круг лиц, которые могут быть представителями в судах для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Представляется необоснованным такое сужение лиц, способных выступать в качестве представителей в Республике Беларусь, так как данное положение ограничивает как право на судебную защиту, так и право на получение квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, правило ч. 3 ст. 59 АПК РФ, представляется в современных реалиях наиболее обоснованным. Введение данного положения способствует реализации гарантий на квалифицированную юридическую помощь и доступ к судебной защите.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05.03.1992 N 2447-1 // «Ведомости СНД и ВС РФ».- 16.04.1992.- N 16.-ст. 836.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.1995 N 70-ФЗ // «Собрание законодательства РФ».- 08.05.1995.- N 19.- ст. 1709.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон, от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. 24.07.2002 г) // «Собрание законодательства РФ».- 29.07.2002.- № 30, ст. 3012.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон, от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.01.2005) // «Собрание законодательства РФ».- 29.07.2002.- № 30, ст. 3012.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон, от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. 30.12.2015 г) // «Собрание законодательства РФ».- 29.07.2002.- № 30, ст. 3012.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон, от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // «Собрание законодательства РФ».- 29.07.2002.- № 30, ст. 3012.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон, 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в ред. 30.12.2021 с изм от. 10.03.2022) // «Собрание законодательства РФ».- 18.11.2002.- N 46.- ст. 4532.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон, 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (30.12.2015) // «Собрание законодательства РФ».- 18.11.2002.- N 46.- ст. 4532.
9. Кондратенко, Н.А. Широкова, М.В. О проблеме реализации института профессионального представительства в арбитражном процессе / Н.А. Кондратенко, М.В. Широкова // Вестник арбитражного суда Московской области. – 2018. - №1. – С.82–91.
10. Концепция Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 08.12.20014 №124 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/– Дата доступа: 25.04.2022.
11. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2021 №46 // Российская газета. - 14.01.2022,
12. Орлова, А.И. О некоторых направлениях развития института представительства в цивилистическом процессе / А.И. Орлова // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2019. – № 157–164.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 N 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Российская газета. – № 158. – 27.07.2004.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №451-ФЗ от 29.11.2018 г. // Российская газета. – N 133. – 18.06.2021.
15. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь, от 15.12.1998 № 219-3 [Электронный ресурс] // Белзакон.net — законы Республики Беларусь». – Режим доступа: <https://belzakon.net/>. – Дата доступа: 25.04.2022.

ПЕРЕПЛАНИРОВКА И ПЕРЕУСТРОЙСТВО КАК ОСНОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Ю.В. Емельянова

Ключевые слова: изменение жилищного правоотношения, наем жилых помещений, основания изменения правоотношения, перепланировка, переустройство, прекращение жилищного правоотношения.

Не все из возможных случаев изменения договора найма жилого помещения квалифицируются жилищным законодательством в качестве таких, хотя при их наступлении происходит именно изменение первоначальных условий договора найма жилого помещения. Одним из таких оснований является перепланировка и переустройство. Вопрос о возможности отнесения переустройства и перепланировки жилого помещения к основаниям изменения договора найма жилого помещения является спорным.

В этой связи, целью настоящей статьи является исследование отношений, возникающих при проведении перепланировки и переустройства, и их последствий для правоотношения найма жилого помещения.

Материал и методы. В качестве материалов для исследования были использованы научные труды белорусских и зарубежных ученых, посвященные вопросам правового регулирования оснований изменения жилищного правоотношения, и нормативные правовые акты Республики Беларусь, регулирующие условия и порядок осуществления перепланировки и переустройства. В процессе исследования применялись следующие методы познания: сравнительно-правовой, системного анализа, формально-логический.

Результаты и их обсуждение. Вопросы, посвященные изменению правоотношения, возникающего из найма жилого помещения, всегда порождали дискуссии среди ученых, что обусловлено отсутствием универсального критерия, который позволил бы отграничить изменение правоотношения от его прекращения, поскольку в одних случаях изменение элементов правоотношения приводит к его изменению, а в других – к его прекращению. Такой критерий определяется индивидуально с учетом специфики конкретного вида жилищного правоотношения и основания изменения жилищного правоотношения.

Имеющиеся в юридической литературе подходы к определению понятия «изменение договора» можно условно свести к двум позициям, а именно: изменение договора есть изменение его условий [1, с. 22]; или изменение договора есть изменение элементов состава правоотношения [2, с. 132]. Следует согласиться с О. Б. Новиковой, что «одни ученые выделяют в качестве главного признака последствия, другие – сами юридические факты, их порождающие» [3, с. 68].

Представляется, что поскольку именно юридические факты порождают определенные правовые последствия, то изменение договора есть

изменение элементов правоотношения. А понятия «изменение договора найма жилого помещения» и «изменение правоотношения найма жилого помещения» можно рассматривать как синонимы.

Изменение договора найма жилого помещения представляет собой изменение элементов жилищного правоотношения, вытекающего из договора, при сохранении вида самого правоотношения. При этом, изменение правоотношения найма жилого помещения может затрагивать все элементы этого правоотношения: субъектный состав, содержание и объект, – причем как порознь, так и в совокупности.

Наиболее распространенными основаниями изменения жилищного правоотношения являются изменения в субъектном составе, но изменение договора найма жилого помещения может быть связано и с изменениями в объекте правоотношения. Так, жилое помещение может претерпеть определенные изменения вследствие осуществления переустройства и перепланировки. Стремление осуществить перепланировку и переустройство, как правило, обусловлено необходимостью повысить благоустройство жилого помещения и улучшить условия проживания, либо обеспечить сохранность жилого помещения.

Переустройство и перепланировка могут быть осуществлены как по инициативе наймодателя, так и по инициативе нанимателя. Наниматель жилого помещения государственного жилищного фонда согласно ст. 17 Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК) [4], вправе осуществить переустройство и (или) перепланировку после получения разрешения районного, городского исполнительных комитетов, местной администрации района в городе. По инициативе же наймодателя переустройство и (или) перепланировка, как правило, осуществляются в рамках осуществления капитального ремонта.

Вопрос о влиянии переустройства и перепланировки на динамику жилищного правоотношения и возможности отнесения перепланировки и переустройства к основаниям изменения правоотношения найма жилого помещения в современной научной литературе относится к числу дискуссионных.

По мнению одних, переустройство и перепланировка, осуществляемые как в ходе капитального ремонта, так и независимо от него, являются основанием изменения жилищного правоотношения, поскольку изменяется жилое помещение, а, следовательно, и содержание правоотношения [5; 6, с. 326]. По мнению других, изменение предмета договора найма жилого помещения в связи с перепланировкой и переустройством является основанием для прекращения одного жилищного правоотношения и возникновения нового [7, с. 11–12]. По мнению третьих, переустройство и перепланировку жилого помещения можно отнести к основаниям изменения договора найма жилого помещения с определенной степенью условности [8, с. 60–61], поскольку, изменение договора найма жилого помещения происходит

только в тех случаях, когда переустройство и перепланировка вызывают изменение прав и обязанностей сторон [3, с. 111].

Наличие такого разнообразия мнений обусловлено тем, что нет четкого критерия, при котором изменения, происходящие в ходе перепланировки и переустройства, приводят к изменению договора найма жилого помещения.

Исходя из легальных определений переустройства и перепланировки, закрепленных в п. 41 и п. 40 ст. 1 ЖК можно сделать выводы, что в процессе выполнения ремонтно-строительных работ по переустройству происходит изменение инженерных систем в жилом помещении и (или) его конструктивных элементов, а при перепланировке изменяются планировочные решения жилого помещения.

Закрытый перечень ремонтно-строительных работ, которые относятся к переустройству и перепланировке, предусмотрен п. 3 Положения об условиях и порядке переустройства и (или) перепланировки, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 мая 2013 г. № 384, в частности, к работам по переустройству и (или) перепланировке относятся следующие:

- замена или перенос систем газоснабжения, центрального отопления, мусороудаления, газоудаления;

- устройство гидро-, паро-, тепло- и звукоизоляции; изменения в несущих конструкциях;

- изменение площади, количества жилых комнат и подсобных помещений в квартире за счет разборки существующих и (или) устройства новых перегородок;

- изменение площади и количества помещений в изолированных нежилых помещениях за счет разборки существующих и (или) устройства новых перегородок;

- устройство, увеличение проемов в ненесущих стенах и перегородках [9].

Проанализировав данный перечень работ, можно прийти к выводу, что работы по переустройству и перепланировке могут привести к различным правовым последствиям. В одних случаях изменение жилого помещения вследствие перепланировки и переустройства влечет изменение прав и обязанностей сторон, например, изменение площади, количества жилых комнат и подсобных помещений в квартире, влияет на содержание правоотношения найма, поскольку происходят изменения в порядке пользования жилым помещением. В других случаях, например, при увеличении проемов в ненесущих стенах, изменения касаются исключительно предмета договора найма подобно тому, как в отдельных случаях изменение субъектного состава не изменяет содержание правоотношения.

В связи с вышеизложенным, следует согласиться с мнением Ю. П. Свит, что «переустройством и перепланировкой признаются все же достаточно значимые изменения жилого помещения, отражаемые в техническом паспорте» [5], поскольку данные технического паспорта отражаются и в договоре найма

жилого помещения, а изменения, внесенные в технический паспорт жилого помещения, должны быть отражены и в договоре найма жилого помещения посредством внесения соответствующих изменений.

Следует отметить, что в ходе переустройства и перепланировки жилое помещение, являющееся предметом договора найма, может как измениться, так и прекратить свое существование. Это возможно, когда переустройство и перепланировка жилого помещения осуществляется в ходе капитального ремонта жилого дома, в результате которого жилое помещение не может быть сохранено или его общая площадь уменьшится (ст. 102 ЖК). В данном случае, договор найма жилого помещения прекращается в связи с невозможностью дальнейшего использования жилого помещения по обстоятельствам, которые не зависят от сторон. А по требованию нанимателя жилого помещения, согласно ст. 102 ЖК, ему вместе с постоянно проживающими совместно с ним гражданами должно быть предоставлено собственником жилищного фонда другое жилое помещение, на условиях ранее заключенного договора найма жилого помещения.

Однако, прекращение правоотношения найма жилого помещения в результате перепланировки и переустройства является скорее исключением, чем правилом.

Заключение. В результате переустройства и перепланировки возможны следующие варианты динамики правоотношения, возникающего из договора найма жилого помещения: во-первых, изменения могут затронуть исключительно жилое помещение, вследствие чего происходят изменения в предмете договора; во-вторых, могут измениться, как предмет жилого помещения, так и содержание договора; и, в-третьих, жилое помещение перестанет существовать, что приведет к прекращению жилищного правоотношения найма.

Список использованных источников

1. Кабалкин, А. Ю. Изменение и расторжение договора / А. Ю. Кабалкин // Российская юстиция. – 1996. – № 10. – С. 19–22.
2. Толстой, Ю. К. Жилищное право / Ю. К. Толстой. – М.: ТК Велби: Проспект, 2015. – 192 с.
3. Новикова, О. Б. Основания изменения и расторжения договора найма жилого помещения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. Б. Новикова. – Волгоград, 2006 – 210 л.
4. Жилищный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 28 авг. 2012 г., № 428-З : принят Палатой представителей 31 мая 2012 г.; одобр. Советом Респ. 22 июня 2012 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Свит, Ю. П. Основания и правовые проблемы изменения договора социального найма жилого помещения / Ю. П. Свит // Жилищное право. – 2006. – № 12. – С. 50–57.
6. Папушина, Н. Ю. Изменение правоотношения найма служебного жилого помещения как самостоятельный этап развития правоотношения // Н. Ю. Папушина // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 324–339.

7. Васильев, В. В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из договора социального найма жилого помещения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В. В. Васильев. – Тверь, 2004. – 212 л.

8. Гонгало, Б. М. Основания изменения жилищных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Б. М. Гонгало. – Свердловск, 1984. – 202 л.

9. Положение об условиях и порядке переустройства и (или) перепланировки [Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 16 мая 2013 г., № 384: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 17.09.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ОБ ОСПАРИВАНИИ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ (ОТКАЗА В ИХ СОВЕРШЕНИИ) КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

С.Ю. Катукова

Ключевые слова: нотариус, прокурор, судебный контроль, нотариальные действия, профессиональный контроль.

Нотариат – неотъемлемый элемент справедливой и эффективной правовой системы. Современный российский нотариат демонстрирует устойчивое поступательное развитие. Согласно данным Федеральной нотариальной палаты России в 2021 году было совершено 45.5 млн. нотариальных действий, что на 14% больше, чем годом раньше [11]. Пропорционально росту числа обращений к нотариусу возрастает необходимость в создании реального механизма защиты прав и законных интересов потребителей нотариальных услуг.

Целью исследования является выявление проблематики форм участия прокурора в защите законных интересов граждан и государства от незаконных нотариальных действий в судебном порядке. В основе исследования лежит анализ судебной практики, статистических показателей, системное и сравнительно-правовое толкование права.

Участие прокурора в гражданском процессе традиционно является предметом активной теоретической дискуссии, а полномочие прокурора по оспариванию нотариальных актов, как представляется, находится в зоне правовой неопределенности не только в России, но и в Республике Беларусь [17, с. 250]. С одной стороны, участие прокурора в судебном процессе в целях защиты публичных интересов или прав и законных интересов лиц, нуждающихся в особой опеке в силу возраста, недееспособности, болезни и прочих уважительных причин, бесспорно необходимо. С другой стороны, оно не должно подрывать принципов диспозитивности и равенства сторон в суде, принципов функционирования независимого нотариата. Действующие Основы законодательства о нотариате [3] (далее – Основы) предусматривают двойной контроль нотариальной деятельности: профессиональный контроль со стороны нотариальных

палат и органов юстиции (ст.ст. 33.1, 34 Основ) и судебный контроль за законностью нотариальных актов (отказов нотариуса в совершении нотариальных действий) (ст. 33 Основ). Основы не упоминают прокурора в качестве субъекта, уполномоченного осуществлять контроль за нотариальной деятельностью, или субъекта, способного инициировать проверку нотариального акта в судебном порядке. В главе 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее - ГПК РФ) о судебном порядке рассмотрения заявлений об оспаривании нотариальных действий (отказа в их совершении) прокурор также не указан в числе участников процесса.

Вместе с тем очевидно, что прокурор в соответствии с Законом РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ о прокуратуре) [2] наделен такими полномочиями. Он является должностным лицом, «отсеивающим» интересы, подлежащие защите, от прочих, выявляющим наиболее эффективные способы защиты. Процессуальное законодательство предусматривает две формы участия прокурора в судебном процессе (ст. 45 ГПК РФ): обращение прокурора в суд с соответствующим требованием либо вступление в дело для дачи заключения.

Право прокурора подать в районный суд заявление об оспаривании нотариального действия в ч. 1 ст. 310 ГПК РФ не закреплено. К заинтересованным лицам прямо отнесены только граждане и юридические лица, в отношении которых совершено нотариальное действие либо получившие отказ в его совершении. Обращение прокурора с заявлением об оспаривании нотариальных действий практически не встречается, например, в отчете о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел по первой инстанции за 2021 год в районные суды поступило 4019 заявлений об оспаривании нотариальных действий, при этом ни одного заявления не поступило от прокурора [13].

Объяснить это может, прежде всего, ситуация правовой неопределённости. В свое время Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении» указывалось, что дело может быть возбуждено по заявлению прокурора, что вытекало из ранее действовавшей ст. 4 ГПК РСФСР [5]. Право прокурора обратиться с соответствующим заявлением в суд с учетом редакции ст. 45 ГПК РФ признается ведущими исследователями процессуального законодательства [9, с. 234; 10, с. 231; 16; 19, с. 64], главное, чтобы прокурор легитимировал свое обращение наличием уважительных причин, препятствующих обращению в суд с заявлением об оспаривании нотариального акта заинтересованными лицами.

Вместе с тем, в Приказе Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» о такой возможности прямо не говорится [7]. На сайтах прокуратур в разделах «Разъяснения законодательства» порядок

обжалования действий нотариусов сводится к праву заинтересованных лиц подать об этом заявление в районный суд либо жалобу в нотариальную палату субъекта [15]. Не во всех комментариях законодательства к ст. 310 ГПК РФ прокурор перечислен в числе субъектов, наделенных полномочием на обращение в суд [14], даже на уровне диссертационных исследований участие прокурора в рассмотрении дел об оспаривании нотариальных действий не рассматривается [18, с. 16].

Между тем в недавнем прошлом прокуроры оспаривали нотариальные действия в суде в интересах как государства, так и отдельных лиц. Например, по заявлению прокурора суд обязал нотариуса выдать несовершеннолетнему наследнику, находящемуся под опекой бабушки, свидетельство о праве на наследство. Основанием обращения в суд был незаконный отказ нотариуса в совершении нотариального действия по причине невозможности компенсировать недополученный доход за выдачу свидетельства, поскольку наследник освобожден от оплаты тарифа за совершенное нотариальной действие [8]. В другом деле по заявлению прокурора суд обязал нотариуса оформить свидетельство о праве на наследство в отношении денежных пособий, хранящихся на лицевых счетах умерших в домах-интернатах детей. Иных наследников пособий в ходе проверки установить не удалось, имущество перешло в разряд вымороченного. Довод нотариуса о том, что прокурор является ненадлежащим заявителем, поскольку лично он не обращался к нотариусу за получением свидетельства, а значит не может выступать в защиту интересов территориальных управлений по управлению государственным имуществом или налогового органа, суд отклонил, указывая на ст. 45 ГПК РФ и право прокурора обращаться в суд в защиту интересов государства [26].

На наш взгляд, причин, по которым сошла на нет практика обращения прокурора в суд с заявлением об оспаривании нотариального действия несколько. Прежде всего, существенно снижает эффективность оспаривания прокурором нотариальных действий (отказа в их совершении) пропуск установленного законом 10-дневного срока обращения в суд. По общему правилу такой срок исчисляется, как и срок исковой давности, с того момента, когда о нарушении своего права узнало или должно было узнать лицо, в интересах которого прокурором подано заявление [6]. В судебной практике проведение прокурором проверки не является основанием для восстановления пропущенного срока на обращение в суд [20].

Безусловно существует проблема конкуренции между исковой формой защиты и оспариванием нотариального акта по правилам гл. 37 ГПК РФ [12, с. 48]. Результатом проверки прокурором сведений зачастую является выявление спора о правах, защита которого невозможна в рамках особого производства.

Вторая форма участия прокурора путем вступления в процесс для дачи заключения по делу о проверке законности нотариального действия (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ) также не находит однозначного правового регулирования

и единообразия в судебной практике. Можно привести немало судебных актов, в которых суд приходит к выводу о том, что извещение прокурора о рассмотрении дела по правилам гл. 37 ГПК РФ и его вступление в процесс не предусмотрено законом, даже если заинтересованными лицами выступают несовершеннолетние, недееспособные и иные лица, нуждающиеся в особой заботе. Например, судебная коллегия Новосибирского областного суда, рассматривая жалобу на судебное решение о признании незаконными действий главного врача психиатрической больницы, отказавшего в удостоверении доверенности, указала: участие прокурора, предусмотренное ст. 48 ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», не является необходимым, т.к. дело не связано с обстоятельствами, касающимися ущемления прав и законных интересов гражданина при оказании психиатрической помощи [21]. В другом деле участие прокурора не признано необходимым при рассмотрении заявления опекуна, оспаривающего нотариальные действия, связанные с удостоверением доверенности, выданной недееспособным лицом [22]. В деле о проверке законности отказа нотариуса в свидетельствовании верности копии решения территориальной избирательной комиссии суд указал, что участие прокурора в оспаривании не требуется, т.к. не связано с нарушением избирательных прав [23]. Противоположных примеров также немало. Например, суд рассмотрел заявление об отказе нотариуса в удостоверении доверенности на право распоряжения денежными средствами, находящимися на счетах Л. Нотариус ссылаясь на невозможность совершения нотариального действия ввиду того, что Л. страдает тяжелым заболеванием, не способна говорить и писать, может общаться только жестами. В суд с заявлением обратилась дочь Л. Дело рассмотрено в участие прокурора, вступившего в процесс и подготовившего заключение по делу [24]. С участием прокурора суд рассмотрел заявление о незаконном отказе в выдаче свидетельства о праве на наследство по закону на жилищную субсидию для приобретения жилья после умершей К. Прокурор в своем заключении по делу указывал, что отказ в совершении нотариального действия правомерен, поскольку право на получение субсидии неразрывно связано с личностью наследодателя и не входит в состав наследства [25].

Итак, участие прокурора в оспаривании в судебном порядке нотариального действия (отказа в его совершении) является классическим примером защиты законного интереса, поскольку является потребностью гражданина (государства) в осуществлении контрольно-надзорных полномочий прокуратуры. Прокурор самостоятельно принимает решение о проведении проверки исполнения закона (п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре) и участия в судебном процессе в той или иной форме. Собственным усмотрением, а не обязанностью прокурора, продиктована его активность в судебном процессе по оспариванию нотариального действия. Прокурор дает оценку поступившей к нему информации о нарушении закона, устанавливает (не

устанавливает) законность интереса государства или отдельного лица в судебной защите, целесообразность своего вступления в дело с учетом личности обратившегося, сроков оспаривания, конкуренции искового и особого производства. Впоследствии уже суд проверяет легитимность обращения прокурора с соответствующим заявлением или его полномочие вступить в процесс для дачи заключения по делу.

Не следует отождествлять два самостоятельных правовых явления: публичное субъективное право заинтересованного лица на рассмотрение обращения прокурором, предусмотренное Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [4] и законный интерес заявителя на участие прокурора в судебном деле об оспаривании нотариального действия. Праву на обращение прямо и недвусмысленно противостоит обязанность прокурора рассмотреть заявление в сроки, установленные законом, и дать в письменной форме ответ. Вмешательство прокурора в правовой конфликт заявителя и лица, наделенного правом совершать нотариальные действия, является защитой законного интереса. При всем многообразии авторских трактовок субъективного права и законного интереса в правовой литературе общим является вывод: защита законного интереса в отличие от субъективного права твердо не гарантирована.

Список использованных источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022). [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. - Дата доступа: 22.04.2022.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. - Дата доступа: 22.04.2022.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. - Дата доступа: 22.04.2022.
4. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. - Дата доступа: 22.04.2022.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.1981 № 1 (ред. от 25.10.1996) «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении». Документ утратил силу. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс. - Дата доступа: 22.04.2022.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (п.5) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015.-№ 12.
7. Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Законность. - 2021.- № 2.

8. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Защищены права несовершеннолетней // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=17195248>. - Дата доступа: 22.02.2022.
9. Гражданский процесс: Учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: Статут, 2014 (автор главы- В.В. Аргунов). - 614с.
10. Жилин, Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. / Г.А. Жилин М.: Проспект, 2010. - 576 с.
11. Каждую секунду в стране совершается нотариальное действие: глава ФНП рассказал о результатах и задачах нотариата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/news/>. - Дата доступа: 22.04.2022.
12. Катукова, С.Ю., Нахова, ЕА. К вопросу о судебном порядке оспаривания исполнительной надписи / С.Ю.Катукова, Е.А. Нахова //Нотариус. - 2020. - №7. - С.45-48.
13. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view>. - Дата доступа: 22.04.2022.
14. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. [Электронный ресурс].– Доступ из СПС КонсультантПлюс. - Дата доступа: 22.04.2022.
15. Типичный пример: Прокурор разъясняет: «Рассмотрение заявлений о совершенном нотариальном действии или об отказе в его совершении в гражданском судопроизводстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=8276363>; <https://www.kalinadmin.ru/news/prokuror-razyasnyayet>.- Дата доступа: 22.02.2022.
16. Рыжаков, А.П. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (6-е издание, переработанное) /А.П. Рыжаков. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс. - Дата доступа: 22.04.2022.
17. Скобелев, В.П. Проблемные вопросы участия прокурора в гражданском процессе / В.П. Скобелев //Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. - 2015. - №8. - С.247-254.
18. Швачкина, М.В. Судебное рассмотрение дел по заявлениям на нотариальный действия и отказ в их совершении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Швачкина. М., 2013. – 25с.
19. Ярков, В.В. Новый Гражданский процессуальный кодекс и нотариальная деятельность / В.В. Ярков // Центр нотариальных исследований: материалы и статьи. Выпуск пятый. Современный российский нотариат. Екатеринбург: АМБ, 2003. – 96 с.
20. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 11.11.2014 по делу № 33-9305/14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>. – Дата доступа: 22.02.2022.
21. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда 29 ноября 2012 года. Дело № 33 - 8377/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>. – Дата доступа: 22.02.2022.
22. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 21.07.2020 № 33-10436/2020 по делу № 2-9640/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>. - Дата доступа: 22.02.2022.
23. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от по делу № 33-4797/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>. – Дата доступа: 22.02.2022.

24. Решение Снежинского городского суда Челябинской области от 2 сентября 2019 г. Дело № 2-567/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>. – Дата доступа: 22.02.2022.

25. Решение Ейского городского суда Краснодарского края от 24 августа 2015 г по делу № 2 - 2050 / 15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>. – Дата доступа: 22.02.2022.

26. Решение Камышинского городского суда Волгоградской области 17 сентября 2013 г. Дело № 2-1992/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>. – Дата доступа: 22.02.2022.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В.В. Козловская

Ключевые слова: защита прав, исключительные права, объекты промышленной собственности, сеть Интернет, ответственность, компенсация.

Законодательством Республики Беларусь предусмотрен ряд способов защиты исключительных прав на объекты промышленной собственности. В зависимости от того, являются ли способы применимыми для защиты любых или только отдельных субъективных гражданских прав, их можно разделить на общие, дополнительные и специальные способы защиты. Критерии разграничения данных способов обозначены в одной из наших публикаций (см.: [1]). Не любой из предусмотренных законодательством Республики Беларусь способов можно применить для судебной защиты исключительных прав на объекты, используемые в сети Интернет (далее – Интернет, Сеть).

Цель настоящего исследования – выявить специальные способы защиты исключительных прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете.

Материалы и методы. Материалом для исследования являются гражданско-правовые нормы, регулирующие отношения в сфере защиты прав на объекты промышленной собственности, а также материалы судебной практики по спорам о защите прав на объекты промышленной собственности.

Результаты и их обсуждение. В п. 1 ст. 989 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [2] перечислены следующие способы защиты исключительных прав:

«1) изъятие материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения;

2) обязательная публикация о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право» [2].

Эти способы не учитывают специфику использования объектов промышленной собственности в Сети, поэтому недостаточно эффективны для защиты прав на эти объекты. Правовые нормы, предусматривающие специальные способы защиты прав на объекты промышленной собственности, отличные от общих способов, перечисленных в ст. 11 ГК и дополнительных способов, предусмотренных в п.1 ст. 989 ГК, немногочисленны [2].

В частности, в п. 3 ст. 29 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 181-ХІІ «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон о товарных знаках) предусмотрен такой специальный способ защиты как *компенсация*, которую правообладатель нарушенного исключительного права на товарный знак вправе требовать вместо возмещения убытков [3]. Размер компенсации определяется судом в каждом конкретном случае с учетом характера нарушения, но не может быть менее одной базовой величины и более пятидесяти тысяч базовых величин [3].

В Беларуси возможность требовать компенсации вместо взыскания убытков за нарушение исключительного права на товарный знак появилась у правообладателей с июля 2016 г. вследствие вступления в силу изменений и дополнений в ст. 29 Закона о товарных знаках [3]. Количество случаев, когда правообладатели использовали этот способ для защиты нарушенных прав, незначительно. В таблице 1 приведены сведения о работе судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь (далее – Судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности), которые отражают судебную статистику по данному вопросу.

Таблица 1. Сведения о работе Судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности за 2016–2021 гг.

Категории рассмотренных дел	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Общее количество споров в области промышленной собственности	40	47	43	24	45	44
Дела, по искам о пресечении действий, нарушающих исключительное право на товарный знак	5	5	6	4	6	8
Дела по искам о взыскании компенсации в связи с нарушением исключительного права на товарный знак	–	1	2	1	5	1
Дела по искам о возмещении убытков в связи с нарушением исключительного права на товарный знак	–	–	–	–	1	–

Как следует из данных, представленных в таблице, требования о компенсации в связи с нарушением исключительного права на товарный знак заявляются не часто. Еще реже – всего единожды за указанный период – предъявляются требования о взыскании убытков за нарушение исключительных прав [4–9].

Полагаем, это можно объяснить следующим: сложно обосновать наличие и размер убытков, особенно по делам, связанным с внедоговорным незаконным использованием объектов промышленной собственности в Интернете, поскольку реального ущерба не возникает, а доказать размер упущенной выгоды проблематично. Таким образом, по сравнению со взысканием убытков требование о компенсации за нарушение исключительных прав следует признать более приемлемым способом защиты прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете.

На наш взгляд, редкость случаев использования данного способа объясняется значительным размером государственной пошлины, взимаемой за рассмотрение данной категории дел. Следует учитывать, что по делам о нарушении прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, правообладатели, как правило, заявляют несколько требований как неимущественного, так и имущественного характера. Например, требование о пресечении действий, нарушающих исключительное право на товарный знак, и требование о взыскании компенсации в связи с таким нарушением. За рассмотрение каждого из исковых требований государственная пошлина взимается отдельно. Очевидно, что это требует значительных расходов со стороны правообладателя. Тем не менее, наличие возможности взыскать компенсацию вместо взыскания убытков за нарушение исключительных прав на товарный знак следует оценить положительно.

Согласно законодательству Республики Беларусь право требовать компенсацию вместо возмещения убытков предоставлено также обладателям исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, сорта растений, топологии интегральных микросхем и географические указания. Исключением из этого списка являются фирменные наименования, относительно которых подобные возможности для их правообладателей не предусмотрены.

В то же время наиболее часто в Интернете нарушаются права именно на средства индивидуализации, в том числе и на фирменные наименования. Для обеспечения унифицированного подхода к регламентации отношений считаем целесообразным предусмотреть для обладателей права на фирменное наименование возможность требовать компенсацию вместо возмещения убытков. Поскольку общественные отношения по поводу использования фирменных наименований в Республике Беларусь регламентированы не нормами специального закона, а нормами ГК, с этой целью предлагаем дополнить Главу 67 ГК статьей 1016¹ следующего содержания:

«Статья 1016¹. Ответственность за нарушение законодательства о фирменных наименованиях

Владелец фирменного наименования или лицо, которому предоставлено право использования фирменного наименования по договору исключительной лицензии, могут по своему выбору требовать от лица, нарушившего исключительное право на фирменное наименование, вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от одной до пятидесяти тысяч базовых величин, определяемом судом с учетом характера нарушения».

В рамках настоящей публикации необходимо уделить внимание еще одному специальному способу защиты исключительных прав, который применяется в случае нарушения прав на средства индивидуализации при использовании их в доменном имени – передачу права на администрирование домена другому лицу. Приведем пример.

Судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь был рассмотрен спор между компанией «G. Inc.» (США), с одной стороны, и ООО «И.» (Республика Беларусь) и гражданином Т., с другой стороны, о прекращении нарушения исключительных прав на товарные знаки и фирменное наименование, используемые ответчиками в доменном имени *google.by* в Интернете [10]. Истец просил суд обязать ответчиков – ООО «И.» и гражданина Т. – прекратить нарушение исключительных прав на международные товарные знаки № 859851 и № 860242 «GOOGLE» на территории Республики Беларусь в зоне ВУ в сети Интернет, а также поручить Оперативно-аналитическому центру при Президенте Республики Беларусь (далее – Оперативно-аналитический центр) аннулировать регистрацию домена *google.by* на имя ООО «И.» и передать указанное доменное имя компании «G. Inc.» [10].

Суд удовлетворил требование истца о прекращении использования товарных знаков в доменном имени в Интернете, но отказал в требовании аннулировать регистрацию доменного имени *google.by* и обязать Оперативно-аналитический центр передать указанное доменное имя компании «G. Inc.», сославшись на отсутствие такого способа защиты в законодательстве Республики Беларусь [10].

Действительно, на момент рассмотрения этого спора (2008 г.) среди способов защиты исключительных прав такой меры не было. Однако в настоящее время в белорусском законодательстве есть норма, на основании которой судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности может обязать администратора домена передать право на администрирование доменного имени правообладателю, чьи права нарушены незаконным использованием средства индивидуализации в доменном имени. Так, согласно п. 41 Инструкции о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет, утвержденной Приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь 18.06.2010 г. № 47 «О некоторых вопросах регистрации доменных имен в пространстве

иерархических имен национального сегмента сети Интернет», если иное не предусмотрено законодательными актами, права на администрирование домена могут быть переданы администратором домена иному лицу, в том числе на основании решения суда [11]. Данное положение используется правообладателями для защиты исключительных прав на средства индивидуализации (см. материалы судебной практики по следующим делам: [12, 13]).

Таким образом, в Республике Беларусь обладатели исключительных прав на фирменные наименования ограничены в выборе мер для судебной защиты – специальные способы защиты прав на эти объекты не предусмотрены, что негативно сказывается на ее эффективности. Однако с учетом того, что наиболее часто в Интернете нарушаются права именно на средства индивидуализации, необходимо предусмотреть возможность требовать компенсацию вместо возмещения убытков и в случае нарушения прав на фирменные наименования. С этой целью нами предложено внести обозначенные выше изменения и дополнения в нормы ГК. Данные меры послужат дополнительной юридической гарантией исключительных прав на фирменные наименования, используемые в Сети, обеспечат единство подхода законодателя к регламентации данной группы общественных отношений, дадут стимул к дальнейшему развитию гражданских правоотношений в сфере защиты прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, позволят сделать эту защиту более доступной и эффективной.

Список использованных источников

1. Козловская, В.В. Гражданско-правовая защита прав на объекты промышленной собственности, используемые в сети Интернет (по законодательству Республики Беларусь) (Часть 1) / В.В. Козловская // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2. – С. 120–123.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.; с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 141-3 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХІІ; с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 275-3 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Сведения о работе судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь в 2016 году [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2017/january/22668/>. – Дата доступа: 17.04.2022.
5. Сведения о работе судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь в 2017 году [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/february/27478/>. – Дата доступа: 17.04.2022.

6. Сведения о работе судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь в 2018 году [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/february/32416/>. – Дата доступа: 17.04.2022.

7. Сведения о работе судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь в 2019 году [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/sup_court/int_prop/itogy/7e5113ed380447c9.html. – Дата доступа: 17.04.2022.

8. Сведения о работе судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь в 2020 году [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/sup_court/int_prop/itogy/a064c78c5d9b40b3.html. – Дата доступа: 17.04.2022.

9. Сведения о работе судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь в 2021 году [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/sup_court/int_prop/itogy/edf0be78641e47ac.html. – Дата доступа: 17.04.2022.

10. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 15 декабря 2008 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/intell/tm/d4bb35a60acf59a3.html. – Дата доступа: 17.04.2022.

11. О некоторых вопросах регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс]: Приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, 18 июня 2010 г. № 47; с изм. и доп.: Приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, 25 августа 2021 г. № 138 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

12. Решение Верховного Суда Республики Беларусь по делу № 12-01/45-2019 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/intell/tm/c0c0330c65c04e37.html. – Дата доступа: 17.04.2022.

13. Решение Верховного Суда Республики Беларусь по делу № 12-01/55-2019 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа : http://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/intell/tm/4b3410f5a30345ba.html. – Дата доступа: 17.04.2022.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО КАК УСЛОВИЕ ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

П.А. Константинова, А.А. Бочков

Ключевые слова: право, естественное право, частные интересы, права человека, право на жизнь.

Концепция естественного права занимает важное место в доктринальной юриспруденции в связи с её теоретической и практической значимостью. Актуализация связана с широким распространением на законодательном

уровне и трудностями реализации на практическом. Естественные права закреплены в законодательстве Республики Беларусь и зарубежных странах. Эти права неотъемлемы и, в отличие от теории позитивного права, даруются не государством, а Богом, природой, рождением человека. Их сущность лежит в гуманистической человеческой природе. «Естественное право вырастает как уникальный и своеобразный феномен, функционирующий и возникший в “области встречи” морали и права» [1, с. 22]. Права человека, присущие ему от рождения, обязаны стать нерушимой, безусловной базой всей правовой системы и, более того, государственно-правовой системы социума в целом [2, с. 72].

Цель данной статьи – исследовать основные принципы естественного права как условие защиты и реализации частных интересов.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, научная и учебная литература по теме естественных прав человека. В качестве методов исследования были использованы всеобщие методы: логический и диалектико-материалистический; частноправовые: метод толкования права и сравнительно-правовой; а также общенаучный метод системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на давнюю историю своего возникновения, теория естественного права актуальна и в наше время, особенно в условиях постоянно возрастающего объема нормативного регулирования, зачастую при отсутствии такого же роста качества принимаемых правовых актов. Кроме того, теория естественного права целостно наполняет формирование правового сознания, включая правовые знания и убеждения граждан.

Концепция прав и свобод человека во многом представлена Всеобщей декларацией прав человека 1948 года. В преамбуле Декларации было четко определено, что «принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и принимая во внимание, что государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод; и, принимая во внимание, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства, Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего эффективного признания и осуществления их как среди народов государств –

членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией» [3].

Статьи Декларации имели огромное значение для формирования конституционного законодательства в большинстве государств мира. А естественные права получили своё закрепление практически во всех конституциях развитых стран. Задача любого государства – это гарантировать эти права и обеспечить возможности их реализации. Следовательно, гарантия прав и свобод и их реализация возможны только в случае их должной охраны и обеспеченности. Для этого в каждом государстве разработана система законодательства, включающая в себя нормативные правовые акты, которые закрепляют основные нормы-принципы, нормы-цели, правила поведения, регулирующие отношения между людьми и обеспечивающие их осуществление. Личность является главной действующей силой в отстаивании собственных прав и свобод, защиты своих интересов. В гражданском обществе каждый человек становится самым заинтересованным субъектом правовой жизни общества и системы права, поскольку от их состояния зависят судьбы обеспечения и защиты жизненно важных прав и свобод. Человек, будучи носителем позитивного правосознания и устойчивой правовой культуры, всегда ориентируется на те правовые ценности, которые естественно уважает и привлекает для решения жизненных проблем, и поэтому становится главным участником процесса реализации тех прав и свобод, которым отдает предпочтение. Самореализация личности в окружающей правовой действительности находит наиболее четкое выражение в освоении прав и свобод, составляющих ее жизненное кредо, оправдывающих достоинство существования, вносящих устойчивость и комфорт в социальный и правовой статус. На это направлены ценности естественного права, преломляемые в содержании соответствующих правовых законов.

Значимое место в естественном праве безусловно занимает право на жизнь. Соответственно при наличии и закреплении данного права и на законодательном уровне каждой страны, и на международной арене обеспечивается принцип, что никто не может быть умышленно лишен жизни. Трактовка этого права связана не только с неприкосновенностью жизни человека как высшей ценности, но и с правом каждого самостоятельно ею распоряжаться. Сохранить свою жизнь и независимо распоряжаться ею – в интересах каждого человека. Задачей государства же является обеспечить и выполнить подобные условия, принять все необходимые меры для закрепления и охраны естественных прав, ключевым из которых является право на жизнь и её достойный уровень. Право на жизнь требует от государства реализации таких позитивных обязательств, как меры по снижению уровня детской смертности, увеличению продолжительности жизни, повышению качества питания, борьбе с эпидемиями и т.п. Кроме того, государство должно принимать адекватные меры для защиты жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией. Если жизнь является объектом угроз, то теряется смысл во

всех правах личности. Именно абсолютный характер жизни как ценности предопределяет высочайшую значимость права на жизнь в системе всех прав. Реальность обеспечения права на жизнь - один из существенных показателей степени демократичности и социальности государства.

Нельзя оставить без внимания и такое естественное право, как право на неприкосновенность личности. Как социальное благо, оно означает недопустимость противоправного посягательства на личность гражданина путем физического, психического, юридического или иного социального воздействия. Любой гражданин вправе всюду чувствовать себя свободным, равноправным и абсолютно безопасным. Перечень преступлений, посягающих на жизнь и здоровье граждан, предусмотрен главой 19 Уголовного кодекса Республики Беларусь и включает в себя 27 составов преступлений, в том числе убийство, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны, истязание, причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения по неосторожности и другие [4]. Всеобщая Декларация прав человека гласит: «Каждый имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [3, ст. 3]. Законность и обоснованность ограничения неприкосновенности личности во многом зависят от установления и реализации совокупности соответствующих правовых гарантий неприкосновенности личности: международно-правовых, конституционных, уголовно-правовых, гражданско-правовых и уголовно-процессуальных гарантий. Теория естественного права и её принципы лежат в основе правовых систем по всему миру, а также международного права, одной из цели которого является трансграничная защита прав человека.

Безусловно естественное и позитивное право могут вступать в противоречие в чрезвычайных, военных ситуациях, ситуациях катастроф или пандемии, когда необходимо принять недемократические, жесткие меры ради спасения государства и обеспечения частных интересов личности. Однако целью всегда и в любом случае является обеспечить основные естественные права личности в государстве.

Заключение. Таким образом, теория естественных прав человека в своей практической реализации имеет и достижения, и недостатки, поэтому в правотворчестве и при формировании правового сознания не стоит опираться только на нее, а необходимо использовать весь арсенал достижений теории государства и права. Однако естественные права являются условием защиты интересов личности, потому что включают в себя такие права, как право на жизнь, свободу, безопасность, собственность, физическую и психическую неприкосновенность, достоинство личности, личную и семейную тайну. Эти права закреплены во всех Конституциях мира и активно защищаются государством посредством установления определенных санкций за нарушение данных прав, издания нормативных правовых актов, в которых

эти санкции будут закреплены. К ним относятся, Конституции, Кодексы, законы. Они гарантируют недопущение нарушения естественных прав каждому человеку и гражданину, находящемуся или постоянно проживающему на территории государства. Соответственно нельзя не сказать о том, что закрепление естественных прав является очень важным условием для защиты частных интересов и имеет очень большое значение для развития правосознания гражданина, укрепления сплоченности и процветания государства.

Проанализировав развитие идей естественного права, можно сделать вывод, что сама концепция в той или иной степени признаёт взаимодействие областей права и нравственности; под естественным правом понимается идеальная оценка действующих форм и частичное проявление этого взаимодействия во внешней сфере, но только частичное, и в этом заключается проблематика. При осуществлении защиты интересов личности проявляется сложность объективного отражения основных естественно-правовых принципов в нормах позитивного права в связи с нечеткостью, неконкретностью таких понятий, как свобода, добро, справедливость, достойный уровень жизни и др. Это приводит к различного рода коллизиям в праве и законодательстве. Естественное право напрямую не может быть использовано для решения прикладных задач в государстве. Оно должно представлять основу позитивного права и служить мерилom его правомерности. В то же время, принципы естественного права должны объяснять обязательную силу законов государственного права. Позитивные права, созданные государством, должны вытекать из естественных. Они неразрывно связаны, поэтому нельзя умалять значение законодательства для закрепления принципов естественного права как приоритетных, базовых и фундаментальных, однако не стоит забывать и природную составляющую данной концепции, потому что всё-таки эти права принадлежат человеку от природы, по самому факту его существования, хоть и закреплены государством и охраняются и гарантируются им. Нет сомнения, что на данном этапе исторического развития соблюдение всех тех естественных прав является залогом стабильности целостности общества и государства.

Список использованных источников

1. Цыбулевская, О. И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2004. – 350 с.
2. Алексеев, С. С. Основы правовой политики в России: курс лекций / С.С.Алексеев. М., 1995. – 175 с.
3. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: [заключена в Нью-Йорке 10 декабря 1948 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 9 янв. 2019 г., вступающими в силу с 19 июля 2019 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 304 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНИНА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ И ОБЪЯВЛЕНИИ ЕГО УМЕРШИМ

А.О. Милашевская, Е.В. Силина

Ключевые слова: признание безвестно отсутствующим, объявление умершим, сроки, заинтересованные лица, защита права, заявитель, особое производство, гражданский процесс.

В статье анализируются вопросы, связанные с процедурой признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим: раскрываются теоретические основы института безвестного отсутствия, дается процессуальная характеристика субъектному составу заявителей по данной категории дел, уточняется ряд пробелов в праве, усложняющих и стагнирующим процедуру рассмотрения, а также оценивается эффективность установленных сроков признания безвестно отсутствующим и объявления умершим. В качестве **цели исследования автор определил** выявление особенностей и проблем процедуры признания граждан безвестно отсутствующими и объявления их умершими. Институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим нацелен на урегулирование общественных отношений в ситуации длительного отсутствия субъекта отношения либо информации о месте его нахождения [7, с. 1]. Его особенностью в первую очередь является специфическая направленность действия: фокус внимания смещен с самого лица на защиту интересов, а также возникновение, изменение, прекращение прав и обязанностей иных лиц, тем или иным образом, связанных с признанным безвестно отсутствующим или же объявленным умершим гражданином. Практика судов свидетельствуют о том, что иски подобного характера являются распространенными, и связано это прежде всего с тем, что поднимаемый правовой вопрос затрагивает юридические имущественные и неимущественные права и интересы субъектов права, то есть включает в себя совокупность, содействующую актуализации применения данного института гражданского права. Т. В. Бащенко указывает, что такие дела актуальны в вопросах расторжения брака, получения специальных государственных льгот, а также извлечения имущественных прав от собственности пропавшего лица [4, с. 23]. Иной особенностью института является повышенное значение процедуры – так, гражданин может быть признан безвестно отсутствующим или объявлен умершим только в судебном порядке. По нашему мнению, решение вопроса о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим является прерогативой судов Российской Федерации именно из-за степени его значимости.

Актуальность исследования заключается в том, что признание гражданина безвестно отсутствующим или объявление его умершим играет большую роль в гражданских правоотношениях и требует грамотной

правовой регламентации по сей день. Как мы знаем, институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим регулируется рядом нормативных актов и соответствующих положений, наиболее фундаментальными из которых являются ст.ст.42–47 ГК РФ, а также гл. 30 ГПК РФ. Так, согласно ст. 42 ГК РФ, признать человека безвестно отсутствующим, или пропавшим, можно, если информация о нем не поступала по месту его жительства или по месту нахождения заинтересованного лица в течение года. Согласно ст. 45 ГК РФ суд может объявить человека умершим, если по месту его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение 5 лет, в течение 6 месяцев при условии наличия угрожающих смертью обстоятельств, в течение 2 лет при наличии у гражданина статуса военнослужащего, участвующего в военных действиях со дня их окончания. Несмотря на относительно полную разработку и регулирование данного института в рамках доктрины цивилистического процесса, а также в рамках практики до сих пор существует ряд проблем, решение которых возможно лишь при осуществлении анализа механизма действия института.

Материалы и методы. В качестве материалов, на которых основывается исследование, выступили материально- и процессуально-правовые кодексы, а также материалы судебной практики в том числе советского периода – такие как Гражданский кодекс РСФСР 1964 года, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. № 9. Помимо вышеназванных в статье используются монографии, учебники известных цивилистов – К. И. Скловского, М.Г. Звягинцева, материалы Всероссийской научно-теоретических конференций (статьи Т. В. Башенко и Т. В. Грунтовой) и иные. Методами исследования являются преимущественно теоретические: абстрагирование, применяемое для вычленения основных проблемных категорий в вопросе признания гражданина безвестно отсутствующим, синтез, применяемый в вопросе соотнесения направлений судебной практики современной России и практики советского периода. Также был осуществлен анализ указанных ранее материалов настоящей статьи, применен метод обобщения в купе с методом аналогия в рамках выявления характерных черт заинтересованных лиц-заявителей.

Результаты. В статье были выявлены следующие проблемы. Во-первых, необходимо выделить проблему перечня лиц, которые могут выступать в качестве заявителя. Согласно ст. 276 ГПК РФ подачу заявления в суд осуществляет заинтересованное лицо. Несмотря на то, что в рамках ст. 276 ГПК РФ не предоставлен закрытый перечень лиц, способных выступать в качестве таковых, на практике некоторым фактически заинтересованным лицам необходимо долго и упорно доказывать обоснованность своего интереса в деле для приобретения статуса заинтересованного лица де юре. М. М. Закаряева в своей работе соотносит понятие «заинтересованное лицо» и «заявитель» и утверждает, что далеко не все заинтересованные лица могут выступить в качестве заявителя по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим и об объявлении его

умершим [6, с. 95]. Так, заявитель обязан иметь именно «юридический интерес», что значительно сужает возможный перечень. В ходе анализа доктринальных положений и правоприменительной практики Закаряева резюмирует, что в качестве заявителя по указанной категории дел может выступать и работодатель пропавшего гражданина, и сам пропавший гражданин, который должен быть извещен о времени и месте проведения судебного заседания.

Довольно часто с проблемой подачи заявления по данной категории дел сталкиваются кредиторы. Зачастую члены семьи не инициируют возбуждение процедуры признания гражданина безвестно отсутствующим, получая возможность владеть, пользоваться и распоряжаться его имуществом, сохраняя его при наличии у него долговых обязательств. Подобная практика нарушает имущественные и личные неимущественные права кредиторов. Именно поэтому на практике сложилось мнение, что законодателю необходимо изменить формулировку норм гл. 30 ГПК РФ, указав прямо право кредиторов на инициирование возбуждения в суде процедуры признания человека безвестно отсутствующим или умершим, либо сформировать отдельное разъяснение по данному вопросу для устранения дальнейшего стагнирования процедуры.

Во-вторых, довольно остро встает проблема недобросовестности заявителя, который, как правило, приобретает определенный положительный юридический эффект в случае удовлетворения заявленных требований. Понятие добросовестности как таковое отсутствует в законодательстве, однако закреплено в разъяснениях высших судов. Так, п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 указывает, что оценка действий как добросовестных или недобросовестных исходит из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации [2]. Несмотря на то, что в рамках Постановления акцент делается на материально-правовых отношениях, данное толкование возможно применить и к процессуальным. Известный правовед Скловский К.И. указывал, что добрая совесть может означать осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное исполнение своих обязанностей [9, с. 16]. Так или иначе, у заявителя возникает благоприятная основа для осуществления целого перечня гражданско-правовых сделок, так как вероятность признания судом гражданина безвестно отсутствующим довольно высока в свете того, что в процессе нет как таковой второй стороны, способной указать на наличие той же самой недобросовестности. К сожалению, на данный момент вопрос о добросовестности в рамках дел особого производства о признании гражданина безвестно отсутствующим или умершим имеет общий характер, как и в иных гражданских делах. По нашему мнению, судьям стоит более тщательно исследовать фактор добросовестности заявителя. Осуществляя ретроспективный анализ, необходимо отметить, что в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» было

разъяснено, что нижестоящим судам необходимо ориентироваться на то, чтобы «пресекать попытки отдельных лиц использовать судебный порядок установления фактов в целях последующего неправомерного получения льгот и иных имущественных выгод» [2].

В-третьих, актуальной на данный момент является проблема, связанная с основаниями признания гражданина умершим. Порой суды недостаточно исследуют причины и обстоятельства, которые свидетельствовали бы о необходимости признать лицо безвестно отсутствующим или умершим. Так, в 2017 году решением Кемеровского районного суда Кемеровской области был удовлетворен иск сына о признании отца, ушедшего из дома в 2001 году, умершим [3]. При этом заявитель пояснял, что его мать не поддерживала отношения с его отцом, у отца имеется сводный брат, но после пропажи отца он его не видел. Где проживают сейчас брат и бывшая жена отца не знает. По словам заявителя, отец всегда жил по месту регистрации и никуда не уходил. При этом факт отсутствия отца в месте его жительства был доказан помимо всего прочего показаниями свидетелей – друга заявителя, у которого отец заявителя вел тренировки по вольной борьбе и воспитанника отца заявителя, с которыми мужчина давно не контактировал. По нашему мнению, суд сделал выводы об обоснованности заявленного требования, пренебрегая принципом достаточности и полноты доказательств – в основу решения были положены показания лиц, общение с которыми гражданин прекратил задолго до своего фактического исчезновения, также не были предприняты попытки получить показания непосредственно от членов семьи мужчины – жены и второго сына. Все в том же 2017 году Лаишевский районный суд Республики Татарстан удовлетворил исковое требование женщины, имеющей лишь данные о том, что в последний раз она видела своего мужа пять лет назад. Основной вопрос, стоящий перед судом, заключается в выяснении факта смерти определенного гражданина и есть ли сведения о том, что такое лицо умышленно скрывается.

По мнению некоторых практиков, необходимо дополнить процессуальный кодекс возможностью для судей, в случае, когда есть достаточные сведения полагать умышленное укрывательство лиц, не признавать такое лицо безвестно отсутствующим или умершим.

В четвертых, в рамках современной реальности актуальной становится проблема сроков, предоставленных для ожидания возвращения гражданина. В соответствии со ст. 45 ГК РФ лицо может быть признано умершим, если в течение пяти лет в последнем его месте жительства нет никаких данных о нем. Стоит отметить, что в ГК РСФСР этот срок был незначительно меньше – три года [1]. На 2022 год становится очевидно, что в силу активного развития технологических возможностей, включая портативные средства связи, разветвленную сеть видеонаблюдения, по умолчанию встроенные в гаджеты локаторы, стало гораздо проще определить место нахождения человека или хоть какие-то сведения о нем. Исходя из этого, можно констатировать, что применение фиксированных сроков для признания

гражданина безвестно отсутствующим или объявления его умершим становится абсурдным и срок в пять лет не требуется, потому что в практической области он создает ряд правовых проблем [8, с. 306]. С одной стороны, сроки не оправдано увеличены, с другой же – именно они позволяют обеспечить права и законные интересы граждан, опираясь на максимально возможное и оптимальное время, в течение которого гражданин либо появился бы сам, либо о нем появились бы сведения, указывающие на его место нахождения.

Таким образом, а данный момент институт признания лица безвестно отсутствующим и объявления его умершим требует правовой редакции и своего дальнейшего совершенствования. В первую очередь совершенствование института требует однообразной судебной практики, а также разработки правовых норм для защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Из-за недостаточной теоретической составляющей, законодательно закрепленных определений, недоработок нарушаются права граждан, в частности, как потенциальных заявителей, так и граждан, в отношении которых заявляются требования. Законодателю следует уточнить перечень потенциально заинтересованных лиц – заявителей, скорректировать сроки в вопросе института признания безвестно отсутствующим и объявления умершим. Также судам стоит обращать повышенное внимание на критерий добросовестности в рамках рассмотрения дела в силу специфики института признания безвестно отсутствующим и объявления умершим, а также его процедурных особенностей. В заключении хотелось бы отметить, что названные проблемы правоприменительной практики продолжают оставаться актуальными и насущными и требуют дальнейшего детального исследования.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) (в настоящее время утратил силу // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.
2. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4675. – Дата доступа: 22.04.2022.
3. Решение Кемеровского районного суда Кемеровской области от 25.04.2017 года по делу № 2-317/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/umnbcscuw8oj>. – Дата доступа: 19.03.2022.
4. Бащенко Т. В. Актуальные проблемы производства по признанию гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим / Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2016. – С. 22–28.
5. Грунтовская Т. В. Институт объявления гражданина умершим и признания гражданина безвестно отсутствующим: перспективы гражданско-правового реформирования // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной

55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 51–55.

6. Закаряева М. М. Заинтересованные лица в делах о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении умершим / Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 7. – С. 90–99.

7. Звягинцев М.Г.: Гражданское право: Часть 2 / М.Г. Звягинцев. – М., – 2009. – 40 с.

8. Рушанян, Д. А. Проблемы института объявления гражданина умершим и признания безвестно отсутствующим и перспективы его реформирования / Д. А. Рушанян. // Молодой ученый. – 2017. – № 15(149). – С. 304–308.

9. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве: учебное пособие для вузов / К. И. Скловский. — 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 1016 с.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЕ

Н.В. Мороз, О.Л. Мороз

Ключевые слова: коммерческая тайна, ответственность за разглашение коммерческой тайны, коммерческий подкуп, коммерческий шпионаж.

В Республике Беларусь за нарушение режимов тайн предусмотрены различные виды юридической ответственности. Анализ законодательства показывает, что лишь отдельные виды тайн (усыновления (удочерения), личная или семейная тайна, врачебная тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений, коммерческая тайна, государственная тайна, служебная тайна) получили различные способы защиты, что свидетельствует об особой важности обеспечения их сохранности.

В статье рассмотрены особенности привлечения к различным видам ответственности за нарушение законодательства о коммерческой тайне в Республике Беларусь, в частности, проанализированы нормы права и виды ответственности за нарушение законодательства о коммерческой тайне в Республике Беларусь, судебная практика применения уголовной ответственности по данному рода преступлениям, а также правовые механизмы охраны коммерческой тайны в некоторых зарубежных странах.

Материалы и методы. В рамках исследования указанной темы анализируются соответствующие правовые нормы Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне», а также иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы защиты коммерческой тайны и ответственности за ее нарушение. При исследовании темы использованы формально-логический и дедуктивный методы, метод сравнительного правоведения.

Результаты и их обсуждение. Статья 1 Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне» от 05.01.2013 № 16-З (далее – Закон о КТ), определяет понятие «коммерческая тайна» как сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в т.ч. секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям Закона о КТ, в отношении которых установлен данный режим [1].

Согласно ст. 18 Закона о КТ за действия (бездействие), повлекшие незаконное ознакомление со сведениями, составляющими коммерческую тайну, или за незаконное использование этих сведений, а также за разглашение коммерческой тайны физические и юридические лица, государственные органы и их должностные лица несут ответственность, предусмотренную законодательными актами [1].

Владелец коммерческой тайны имеет право на ее защиту от незаконного использования до тех пор, пока данная информация обладает статусом коммерческой тайны.

За нарушение законодательства о коммерческой тайне в Республике Беларусь предусмотрены следующие виды ответственности:

1) гражданско-правовая (за незаконное ознакомление со сведениями, составляющими коммерческую тайну, или незаконное использование этих сведений, а также разглашение коммерческой тайны) (ст. 19 Закона о КТ) [1];

2) дисциплинарная (ст. ст. 198, 400 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)) [2];

3) административная (ст. 22.13 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее - КоАП)) [3];

4) уголовная (ст. ст. 252, 254, 255 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) [4].

Рассмотрим каждый из видов ответственности более подробно.

За несоблюдение режима работы с информацией, составляющей коммерческую тайну, к работникам может быть применена **материальная и дисциплинарная ответственность**.

В отношении всех работников действует норма п. 10 ст. 53 ТК, которая обязывает работника не разглашать коммерческую тайну нанимателя, а также коммерческую тайну третьих лиц, к которой наниматель получил доступ.

В отношении работника, совершившего дисциплинарный проступок, связанный с неисполнением или ненадлежащим исполнением трудовых обязанностей могут применяться различные меры дисциплинарного взыскания. Неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей может выражаться в нарушении требований законодательства, правил внутреннего трудового распорядка, обязанностей по трудовому договору, должностных инструкций, положений, приказов и т.д.

Нанимателем могут быть применены следующие меры дисциплинарного взыскания: замечание, выговор, лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до двенадцати месяцев, увольнение (пункты 6-11 ст. 42 ТК, пункты 1, 9 части первой ст. 47 ТК). Для отдельных категорий работников с особым характером труда могут предусматриваться также и другие меры дисциплинарного взыскания.

Право выбора меры дисциплинарного взыскания принадлежит нанимателю. Порядок и сроки применения дисциплинарных взысканий определены в статьях 199 и 200 ТК. При выборе меры дисциплинарного взыскания наниматель должен учитывать:

– тяжесть дисциплинарного проступка, обстоятельства, при которых он совершен, предшествующее поведение работника;

– противоправность деяния работника. В данном случае – это различного рода действия или бездействие, которые привели к разглашению информации, составляющей коммерческую тайну, и причинению нанимателю ущерба. При этом работник, совершивший данное деяние, может привлекаться к материальной ответственности независимо от его привлечения за это деяние к другим видам юридической ответственности.

– вину работника. Работник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только при наличии его вины как важнейшей составляющей субъективной стороны состава проступка, его внутреннего отношения к совершаемому действию (бездействию) и причиненным вследствие этого последствиям. Понятие вины делится на умысел и неосторожность. При умышленном причинении вреда нанимателю работник осознает, к чему приведут его действия, а при неосторожности – нет, хотя и должен. Однако, есть обстоятельства, которые исключают вину работника и освобождают его от дисциплинарной ответственности. В нашем случае, чтобы привлечь работника к дисциплинарной ответственности необходимо, чтобы сведения, которые он разгласил, охранялись установленным режимом коммерческой тайны, стали известны работнику в рамках трудовых отношений с нанимателем, и работник письменно обязывался не разглашать такие сведения.

Материальная ответственность работника наступает в случае причинения ущерба нанимателю в результате разглашения конфиденциальной информации, ставшей известной работнику в связи с исполнением им должностных обязанностей. В соответствии со ст. 400 ТК работник может быть привлечен к материальной ответственности при одновременном наличии следующих условий:

1) ущерба, причиненного нанимателю при исполнении трудовых обязанностей;

2) противоправности поведения (действия или бездействия) работника;

3) прямой причинной связи между противоправным поведением работника и возникшим у нанимателя ущербом;

4) вины работника в причинении ущерба [2].

Следует отметить, если на момент совершения данного правонарушения с работником ещё не был расторгнут трудовой договор, на данные отношения будут распространяться нормы ст. 400 ТК, устанавливающей материальную ответственность работника за причиненный нанимателю прямой действительный ущерб. Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат [2]. При этом убытки нанимателя в связи с разглашением коммерческой тайны, как правило, составляют именно неполученные им доходы.

Условия материальной ответственности работника за разглашение коммерческой тайны могут быть предусмотрены как трудовым договором, так и отдельным договором о материальной ответственности. Если было

заключено соглашение о материальной ответственности за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, работник также отвечает и материально, в размерах, предусмотренных соглашением сторон.

Таким образом, привлечение работников к материальной и дисциплинарной ответственности осуществляется на общих основаниях, с учетом особенностей правового статуса коммерческой тайны.

Гражданско-правовая ответственность за правонарушения, связанные с несоблюдением режима коммерческой тайны, наступает как в случае наличия гражданско-правовых отношений между владельцем коммерческой тайны и иными лицами, оформленных соответствующими соглашениями (договорами), так и при отсутствии этих соглашений (договоров).

По общему правилу гражданско-правовая ответственность выражается в предусмотренных законом мерах воздействия на правонарушителя, содержанием которых являются неблагоприятные для него имущественные и иные последствия [3]. В рассматриваемом контексте вопроса – это возмещение убытков, причиненных владельцу коммерческой тайны, понуждение к соблюдению режима коммерческой тайны, прекращение извлечения доходов от незаконного пользования чужой коммерческой тайной.

Согласно ст. 19 Закона о КТ в случае незаконного ознакомления со сведениями, составляющими коммерческую тайну, или незаконного использования этих сведений, а также разглашения коммерческой тайны физические и юридические лица, государственные органы и их должностные лица обязаны:

а) прекратить соответствующие действия;

б) возместить убытки (включая упущенную выгоду), причиненные владельцу коммерческой тайны, если иное не предусмотрено условиями гражданско-правового договора [1]. Под убытками в данном случае понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (ст. 14 ГК).

Гражданско-правовая ответственность за правонарушения, связанные с несоблюдением режима коммерческой тайны, различается в зависимости от того:

– имело ли лицо, совершившее эти нарушения, доступ к ней, и если да, то на каких основаниях;

– обязано ли было лицо соблюдать правила обращения с коммерческой тайной в силу ограничений, установленных законом, или обязательств, принятых лицом в рамках гражданско-правовых отношений.

Отсюда различают гражданско-правовую ответственность:

– гражданина, ранее состоявшего в трудовых отношениях с нанимателем, если между ними заключено обязательство о неразглашении коммерческой тайны);

– контрагентов (лиц, не состоящих в трудовых отношениях с владельцем коммерческой тайны и с которыми заключено соглашение о конфиденциальности);

– третьих лиц (лиц, не состоящих в трудовых отношениях с владельцем коммерческой тайны и с которыми владелец коммерческой тайны не заключал соглашение о конфиденциальности или обязательство о неразглашении коммерческой тайны).

В соответствии со ч. 7 ст. 1 и ст. 17 Закона о КТ, если наниматель желает возмещения понесенных им убытков, возникших вследствие совершения правонарушений, связанных с несоблюдением режима коммерческой тайны, и желает взыскать с работника в полном объеме не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду, он вправе заключить с ним гражданско-правовой договор – обязательство о неразглашении коммерческой тайны.

Нарушение работником контрагента указанных обязательств является основанием для возмещения контрагентом вреда (как в виде реального ущерба, так и в виде упущенной выгоды), причиненного владельцу коммерческой тайны, в соответствии со статьями 14 и 937 ГК («Ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником»), а также в соответствии с пунктом 2 статьи 140 ГК, предусматривающим обязанность возместить причиненные убытки контрагентов, разгласивших коммерческую тайну вопреки указанному гражданско-правовому договору.

Вред владельцу коммерческой тайны может быть причинен также третьими лицами, с которыми он не заключал соглашение о конфиденциальности. Третье лицо может воспользоваться сведениями, составляющими коммерческую тайну, либо осознанно, понимая, что такая информация (например, ноу-хау) имеет своего законного владельца, что оно получает эти сведения незаконными методами (способами), либо по незнанию, не сознавая, что оказавшаяся у него информация является коммерческой тайной другого лица.

Административная ответственность за нарушения, связанные с коммерческой тайной, устанавливается в соответствии со ст. 22.13 КоАП за умышленное разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны либо персональных данных без согласия ее владельца лицом, которому такая коммерческая или иная тайна известна в связи с его профессиональной или служебной деятельностью, если это деяние не влечет уголовной ответственности. Установленное для нарушителя наказание – штраф в размере от четырех до двадцати базовых величин [4].

В настоящее время за реализацию различных противоправных форм осуществления недобросовестной конкуренции установлена **уголовная ответственность**. В частности, объявляются преступными такие действия, как коммерческий подкуп (ст. 252 УК), коммерческий шпионаж (ст. 254 УК) и разглашение коммерческой тайны (ст. 255 УК) [5].

Под понятием «недобросовестная конкуренция» понимаются любые направленные на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности действия хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих

субъектов, которые противоречат Закону Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», иным актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим конкурентам либо нанести вред их деловой репутации.

Коммерческий подкуп – это получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющимся должностным лицом, денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера за действие (бездействие) в интересах дающего, связанное с выполняемой этим лицом работой и заведомо способное причинить вред интересам собственника или его клиентам, либо предоставление такого вознаграждения (ст. 252 УК).

В качестве действия, которое заведомо способно причинить вред интересам собственника или его клиентам, может выступать разглашение конфиденциальной информации, к которой относится коммерческая тайна и другая охраняемая законом информация. Если имело место разглашение коммерческой тайны, то действия лица квалифицируются по ст. 252 и ст. 255 УК.

Наказание предусмотрено в виде штрафа, или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительных работ на срок до двух лет, или ареста, или ограничения свободы на срок до трех лет, или лишения свободы на тот же срок. Коммерческий подкуп, совершенный повторно, наказывается штрафом, или ограничением свободы на срок до четырех лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения [5].

При наличии обстоятельств, указанных в уголовном законодательстве, похищение или сбор незаконным способом сведений, относящихся к коммерческой тайне, без цели их разглашения либо незаконного использования подлежат квалификации по ст. 377 УК «Хищение, уничтожение, повреждение либо сокрытие документов, штампов, печатей, хищение бланков» [5].

Уголовная ответственность по ст. 255 УК наступает при умышленном разглашении коммерческой тайны без согласия ее владельца при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 226-1 и ст. 254 УК, лицом, которому такая коммерческая тайна известна в связи с его профессиональной или служебной деятельностью, повлекшем причинение ущерба в крупном размере. Под крупным размером в данном случае понимается размер на сумму, в 250 и более раз превышающую размер базовой величины, установленной на день совершения преступления (примечание к гл. 25 УК) [5].

Под разглашением коммерческой тайны применительно к ст. 255 УК следует понимать несанкционированное предание огласке сведений, составляющих такую тайну, хотя бы одному лицу, не имеющему права доступа к ним [5]. Объективная сторона преступления включает в себя следующие три обязательных признака: действие – разглашение коммерческой тайны; последствие – ущерб в крупном размере; причинную связь между действием

и последствием. Состав преступления является материальным. Субъект преступления специальный, им может быть только то лицо, которому коммерческая тайна известна в связи с его профессиональной или служебной деятельностью. Разглашение коммерческой тайны иными лицами уголовной ответственности не влечет, если только в действиях таких лиц отсутствуют признаки коммерческого шпионажа. Квалифицированный состав преступления предполагает разглашение коммерческой или банковской тайны при наличии корыстной или иной личной заинтересованности.

Необходимо отметить, что в случае признания работника виновным в совершении преступления, предусмотренного одной из вышеуказанных статей УК, и назначения ему наказания, препятствующего продолжению работы, работник должен быть уволен по п. 5 ст. 44 ТК (вступление в законную силу приговора суда, которым работник осужден к наказанию, исключаящему продолжение работы).

Примечательно, что во многих зарубежных странах правовые механизмы охраны коммерческой тайны, особенно ее подвида – секретов производства (ноу-хау), проработаны достаточно тщательно. При этом за нарушение режима охраны коммерческой тайны установлена достаточно строгая ответственность.

Так, в США в соответствии с действующим Законом 1996 года «Об экономическом шпионаже» лицо, виновное в краже секретов производства, может быть подвергнуто штрафу в сумме до 10 млн. дол. США и тюремному заключению сроком на 15 лет [6, с. 129].

Статьей 232 Уголовного кодекса Украины от 05.04.2001 № 2341-III (прим. автора: в ред. от 05.06.2020) предусмотрена уголовная ответственность за умышленное разглашение коммерческой тайны без согласия ее владельца лицом, которому эта тайна известна в связи с профессиональной или служебной деятельностью, если оно совершено из корыстных или иных личных побуждений и причинившее существенный вред субъекту хозяйствования. Наказание за данное преступление предусмотрено в виде штрафа от одной до трех тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет [7, с. 145].

В соответствии со ст. 13.14 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (прим. автора: в ред. от 31.07.2020) административная ответственность наступает за разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей. Административная ответственность установлена в виде штрафа в размере от 500 до 1000 рублей для граждан и от 4000 до 5000 рублей для должностных лиц. При этом Федеральным законом Российской Федерации от 02.06.2016 № 160-ФЗ в ст. 13.14 Кодекса об административных правонарушениях Российской

Федерации внесено дополнение о том, что адвокаты, совершившие административное правонарушение, предусмотренное данной статьей, несут административную ответственность как должностные лица [7, с. 145].

Таким образом, стремительное развитие мировой экономики сопровождается значительным повышением значимости коммерчески ценной информации в промышленности, торговле, сфере услуг, в результате этого повысилась опасность незаконных форм получения такой информации. По статистике среди способов незаконного овладения коммерческой тайной первое место занимает подкуп сотрудников, т.е. человеческий фактор. Далее следует шпионаж как незаконный сбор сведений, составляющих коммерческую тайну, незаконное использование данной информации лицами или организациями, не уполномоченными на это ее владельцем (копирование документов, проникновение в базы данных, кража документов, подслушивание).

Являясь одним из видов недобросовестной конкуренции, коммерческий шпионаж представляет собой незаконное получение предпринимателем или иным лицом конфиденциальной информации с целью овладения ею для достижения технического, технологического или коммерческого преимущества, банкротства конкурента.

Заключение. Рыночная экономика и свободная конкуренция обуславливают необходимость правового обеспечения защиты информации, имеющей коммерческую ценность, разглашение которой может нанести вред и причинить ущерб владельцам коммерческой тайны. Именно поэтому правовые способы охраны коммерческой тайны в нашей стране достаточно разнообразны и включают в себя: требование о прекращении противоправных действий; требование о возмещении убытков, меры уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности за действия (бездействие), повлекшие незаконное ознакомление со сведениями, составляющими коммерческую тайну, или за незаконное использование этих сведений, а также за разглашение коммерческой тайны физическими и юридическими лицами, государственными органами, либо их должностными лицами.

Список использованных источников

1. О коммерческой тайне [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 5 января 2013 г., № 16-З (в ред. Закона Респ. Беларусь ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 132-З // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г., одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. № 219-З // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 277-З // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 21 апреля 2003 г., № 194-З: принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.:

одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 276-3 // КонсультантПлюс: Беларусь /ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 09 июля 1999 г., № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. № 253-3 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2020.

6. Практика защиты коммерческой тайны в США. – М.: СП Крокус Интернэшнл, 1993. – 248 с.

7. Шутова, А.А. Незаконное соби́рание сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, путем подкупа: проблемы правоприменения / А.А. Шутова // Вестник Российского университета кооперации. – 2017. – № 3(29). – С. 143–148.

ОСОБЕННОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РИСКА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПОТЕРЬ ПРИ НАДЕЛЕНИИ УПОЛНОМОЧЕННОГО, УПРАВМОЧЕННОГО ЛИЦА СВОБОДОЙ УСМОТРЕНИЯ ПРИНИМАТЬ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ РЕШЕНИЯ В ЧУЖОМ ИМУЩЕСТВЕННОМ ИНТЕРЕСЕ

Д.Н. Николичев

Ключевые слова: свобода усмотрения, представительство, риск имущественных потерь.

Полнота правового регулирования гражданского правоотношения достигается при условии взаимодействия не только норм, регулирующих позитивное поведение и сдерживающих, подавляющих негативное поведения его участников, но и правил позволяющих распределить между участниками правоотношения наступление последствий риска имущественных потерь от случая.

Цель: разработка нормативно правового обеспечения порядка распределения последствий риска имущественных потерь, относительно сделок, совершаемых уполномоченным, управомоченным лицом, обладающим в силу законодательства, договора иной сделки свободой усмотрения принимать юридически значимые решения в чужом имущественном интересе.

Материал и методы. При анализе научной литературы нормативных правовых актов были использованы: общие методы научного познания (диалектический, формально-логический исторический, системный и др.), а также специальные юридические методы (юридико-догматический, формально-юридический, толкования и др.).

Результаты и их обсуждения. В научной литературе представлены различные комбинации и выделяется более двухсот видов рисков (подробнее см. [1]). Спектр же юридических направлений связывает риск с рамками гражданско-правовой ответственности, исполнением обязательств, возмещением убытков, вреда, ущерба; риск также связан с возникновением и

переходом права собственности, заключением, исполнением и прекращением договора и т.п.

Ученые раскрывают понятие риска через широкий круг явлений, указывая в определениях на его свойства и связи. Такой подход обогащает процесс познания, но при этом неоправданно расширяет границы дискуссии. Несмотря на различие в понимании риска, ученые связывают данную категорию со следующими основополагающими факторами.

Воспринимаемая большинством ученых опасность или угроза наступления неблагоприятных последствий, которая носит вероятностный характер и в этой части увязывается со случаем. Лицо как субъект правового отношения принимает на себя бремя таких неблагоприятных последствий (ущерб, убытки, вред) в результате реализованной опасности.

Поддерживаемый не всеми учеными, но имеющий значение для распределения имущественных потерь субъективный (психологический) критерий предложен В.А. Ойгензихтом. Лицо, совершающее действие в условиях риска, должно допускать (осознавать) его последствие, что указывает на прогнозируемость случая. В основании риска подчеркивается правомерность поведения лица, что позволяет разграничить иные результаты наступления неблагоприятных последствий.

Общее представление о риске, позволит выделить те критерии, которые могут быть положены в основание распределения имущественных потерь для тех случаев, когда лицо в силу закона, сделки, договора или иного соглашения надделено свободой усмотрения принимать юридически значимые решения в чужом интересе. Данная категория сделок и отношений широко представлена в законодательстве, от различных форм представительства, до управления деятельностью организации (управляющий), назначения исполнителя завещания и др. В этих случаях неблагоприятные последствия риска образует сложный юридический состав, поскольку юридическое действие совершается одним лицом, а правовые последствия возникают для другого. Подобные действия, основанные на свободе усмотрения, возможности уполномоченного, управомоченного лица своей волей принимать юридически значимые решения в чужом имущественном интересе, в конечном итоге направлены на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей у лица, в пользу которого такие действия совершаются. В современных условиях для установления баланса интересов важное значение приобретает фактор профессиональной деятельности уполномоченного, управомоченного лица.

Еще в начале XX в. Немецкий ученый З.Шлосман в своей работе «Учение о представительстве, в особенности при обязательственных договорах» определял представительство как ведение чужого дела на риск и за счет заинтересованного лица [2, с. 51]. Однако приведенный подход нуждается в незначительной, с точки зрения сбалансированности интересов корректировке. В частности, французскими учеными высказано мнение, что

при распределении последствий имущественных потерь следует учитывать обычные и необычные действия в условиях риска. Такая детализация имеет практическое значение для осуществления лицом деятельности в чужом интересе. Целевая ориентация теории указывает на то обстоятельство, что уполномоченное, управомоченное лицо обязано проявлять большую осторожность и осмотрительность при ведении чужих дел. Особое значение данный подход приобретает в современных условиях, когда законодательством уделяется повышенное внимание специализации профессиональной (предпринимательской) деятельности.

Наряду с названными теориями, наиболее сбалансированный подход к распределению имущественных потерь в условиях риска должен учитывать и еще одно сформулированное в научной литературе направление – теорию обоюдного риска. Исходное направление в контексте объективной теории причинения сформулировано А.И. Покровским, который считает, что и пострадавший действовал рискованно, вследствие чего также должен нести риск неблагоприятных последствий [3, с. 273; 255]. Косвенно аналогичное положение в распределении риска имущественных потерь поддерживается Д.И. Мейером: «Действие, составляющее предмет обязательства и представляющееся при заключении его возможным, может оказаться впоследствии невозможным. Невозможность же совершения действия составляет ущерб в имуществе. И вот обязательство нести этот ущерб тому или другому участнику и составляет риск или страх по обязательству (*periculum*)» [4].

Дополнительным аргументом может служить мнение А. А. Малиновского согласно которому, «субъект, отказываясь точно определить назначение субъективного права, прежде чем осуществить его, по сути дела действует на свой страх и риск» [55, с. 106].

Действующее гражданское законодательство, регулирующее распределение риска имущественных потерь между участниками гражданского оборота, предусматривает различные подходы, используя как общие (ст. 212 ГК) [6], так и специальные правила (ч. 2 ст. 1, 429, 659, ст. 819 ГК [6] и др.). Согласно общему правилу последствия риска случайной гибели, случайной порчи или случайного повреждения имущества возлагаются на собственника имущества, если иное не предусмотрено законодательством или договором. По содержанию норма носит диспозитивный характер, обеспечивая участникам гражданских правоотношений право самостоятельно распределить имущественные потери в вопросе вещных прав. Нормируя специальные условия, законодатель вводит ряд исключений, которые основаны на осуществлении лицом предпринимательской деятельности, а также существа обязательственного правоотношения.

Обзор научных подходов, анализ теорий и критериев, на которых базируется законодательство, устанавливающее распределение последствий риска имущественных потерь, позволяет сформулировать авторскую позицию относительно условий и порядка распределения таких потерь

относительно сделок уполномоченного, управомоченного лица, обладающего возможностью принимать юридически значимые решения в чужом имущественном интересе по своему усмотрению.

Действующее законодательство, закрепляя принципиальные положения, определяющие распределение имущественных потерь в условиях риска (риск на собственнике, правила обязательственного риска, предпринимательского риска и др.), не учитывает при этом фактора свободы усмотрения лица, действующего в чужом интересе. Сохраняя преемственность в распределении имущественных потерь относительно общих и частных случаев в условиях риска, необходимо поставить и решить вопрос о том, каким образом осуществить распределение последствий риска между тем, кто совершил действие (уполномоченное, управомоченное лицо), и тем, на кого легли последствия этих действий в виде ущерба.

На наш взгляд, теоретической основой для распределения риска наступления имущественных потерь, в условиях, когда уполномоченное, управомоченное лицо обладает свободой усмотрения принимать юридически значимые решения в чужом имущественном интересе, могут стать: теория объективной ответственности за причинение, которая связана с профессиональным риском, теория обоюдного риска и теория обычных и необычных действий, лежащих в основании риска. Оценка названных теорий в совокупности позволяет наиболее содержательно отразить фактические обстоятельства, присущие деятельности лица в чужом интересе, на основании предоставленной ему свободы усмотрения своей волей принимать решения. Комплексность в подходе объясняется тем, что лицо в пользу которого совершаются юридически значимые действия (доверитель, комитент, вверитель и др.) не может предвидеть развитие событий, поведение контрагентов, определенно сформулировать условия исполнения поручения. Уполномоченное, управомоченное лицо, наоборот, как непосредственный контрагент, действующий (от имени представляемого или от своего имени) в сделке с третьим лицом обязан (степень обязанности – совершение обычных или необычных действий) при принятии решения прогнозировать будущий результат и последствия его наступления. Например, на практике стороны, как правило, не определяют размер издержек поверенного, комиссионера по исполнению поручения, в то же время риск их удорожания в современных условиях велик: от удорожания ресурсов и до изменения цен контрагентами по смежным обязательствам (цена работ, услуг).

Законодательством, регулирующим область отношений, где уполномоченное, управомоченное лицо действует в интересе и за счет другого лица, риск последствий имущественных потерь изначально возложен на лицо, выдавшее поручение, сохраняя действие общего правила – риск имущественных потерь лежит на собственнике имущества. Такой порядок распределения последствий риска имущественных потерь необходимо скорректировать с учетом следующих обстоятельств:

в силу существа правоотношения, уполномоченное, управомоченное лицо наделяется и обладает возможностью принимать решения, которые в ходе их осуществления не подконтрольны тем лицам, в пользу которых поручение исполняется;

ярко выраженная конфликтная составляющая, заинтересованность уполномоченного (управомоченного) лица, которая может привести к рисковым схемам максимизации выгоды, дохода и тем самым к принятию решений, не свойственных обычным условиям гражданского оборота;

существо психологического момента, заключающегося в том, что представитель не связан чувством собственности и может действовать в ущерб собственнику [7, с. 226].

Изложенное позволит учитывать не только существо отношения, но и те связи, которые являются следствием обычных и необычных действий уполномоченного (управомоченного) лица, осуществляющего предпринимательскую или иную деятельность, а также сбалансировать интересы участников правоотношения.

Заключение. Таким образом, комбинации последствий распределения риска имущественных потерь между лицом, исполняющим поручение на условии свободы усмотрения, и лицом, в интересе которого такое исполнение производится, могут быть следующими:

риск имущественных потерь от исполнения поручения, соответствующий обычным условиям гражданского оборота, несет лицо, выдавшее такое поручение, что отвечает общему принципу, согласно которому риск имущественных потерь лежит на собственнике (ст. 212 ГК);

риск имущественных потерь в результате принимаемых уполномоченным, управомоченным лицом решений, не свойственных обычным условиям гражданского оборота, предпринимательского риска (неразумность прогнозируемого дохода, убытков), возлагается на уполномоченное, управомоченное лицо.

В связи с чем можно предложить следующее специальное правило распределения риска имущественных потерь. «Осуществляя предпринимательскую деятельность уполномоченное, управомоченное лицо, обладающее свободой усмотрения принимать юридически значимые решения в чужом имущественном интересе, несет риск имущественных потерь по совершенным им сделкам, если его действия (бездействия) выходят за рамки обычного предпринимательского риска».

Такой подход позволит сбалансировать интересы уполномоченного, управомоченного лица и лиц, в пользу которых принимаются юридически значимые решения, определив специальное условие в распределении бремени последствий наступления риска имущественных потерь, а также предусмотреть дополнительную меру превентивного (предупредительного) характера для оценки принимаемых уполномоченным, управомоченным лицом решений.

Список использованных источников

1. Черкасов, В. В. Проблемы риска в управленческой деятельности: монография / В.В. Черкасов. – М.: Рефлбук, 2002. – 320 с.
2. Puchta, G. F. Pandekten / G. F. Puchta. – Leipzig: Barth, 1877. – 798 s.
3. Покровский, А. И. Основные проблемы гражданского права / А. И. Покровский. – 4-е изд., испр. – М.: Статут, 2003. – 351 с.
4. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. Действие обязательства относительно риска. – Ч. 2. [Электронный ресурс] / Д. И. Мейер // Классика российского права: в 2 ч. – Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_5.html. – Дата доступа: 12.04.2022.
5. Малиновский, А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А. А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 352 с.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство в Республике Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. Веленто, И. И. Теория экономического права: учеб. пособие / И. И. Веленто, В. С. Елисеев. – Минск: Книжный дом, 2006. – 416 с.

УЧАСТИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В СДЕЛКАХ С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ, ЗАЩИТА ИХ ПРАВ, ИНТЕРЕСОВ

Т.В. Преснякова, О.П. Михайлова

Ключевые слова: сделка, нотариат, нотариальные действия, отчуждение, третьи лица, опека и попечительство, распоряжение имуществом подопечного.

При удостоверении сделок с недвижимым имуществом вся необходимая информация для обеспечения защиты прав и законных интересов граждан проверяется нотариусом. Таким образом, государством гарантируется законность заключаемой сделки. **Цель** – исследование порядка защиты прав третьих лиц, участвующих в сделках с недвижимым имуществом, выявление недостатков в этой области.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что удостоверение сделок с недвижимостью является наиболее распространенным нотариальным действием. При совершении таких сделок, как правило, возникает множество вопросов, особенно, если имеются несовершеннолетние граждане, либо третьи лица.

Материалы и методы. Методы исследования: метод теоретического и исторического исследования, методы эмпирического исследования (сравнение), методы, используемые как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне исследования (абстрагирование, анализ и синтез), логический, системный подход. Для достижения цели исследования проведен анализ действующего законодательства, регулирующего деятельность органов нотариата, в том числе Гражданский кодекс Республики Беларусь, Жилищный

кодекс Республики Беларусь, Кодекс о браке и семье Республики Беларусь. Для сравнительного анализа уровня и способов защиты прав третьих лиц, как участников сделок с недвижимым имуществом, также были изучены нормативные акты, действовавшие в Республике Беларусь до принятия ныне действующих.

Результаты и их обсуждение. Существенной особенностью жилья как объекта права собственности граждан является наличие у членов семьи собственника квартиры, совместно проживающих с ним, своих особых прав на жилое помещение.

Важным моментом, который нотариус обязательно должен проверить при удостоверении сделки отчуждения недвижимого имущества это наличие третьих лиц. Третьими лицами являются члены семьи, бывшие члены семьи собственника жилого помещения, сохраняющие право пользования жилым помещением. К членам семьи собственника относятся супруг (супруга), дети, родители; совместно проживающие с ним и ведущие общее хозяйство другие родственники и нетрудоспособные иждивенцы; а по решению суда – и другие лица, проживающие с собственником не менее пяти лет и ведущие с ним общее хозяйство. Прежде всего, они имеют право пользования жилым помещением наравне с собственником, если при их вселении не было иного письменного соглашения. По смыслу ч. 5 ст. 116 Жилищного Кодекса Республики Беларусь [2] таким же правом обладают и лица, переставшие быть членами семьи собственника жилого помещения, но продолжающие проживать в этом жилом помещении (если иное не установлено письменным соглашением о порядке пользования жилым помещением).

п. 3 ст. 275 Гражданского Кодекса Республики Беларусь [1] гарантирует защиту жилищных прав членов семьи собственника от всяческих нарушений иных лиц, включая собственника жилого помещения.

Защита прав и интересов третьих лиц при удостоверении сделок с недвижимым имуществом выражается в том, что для осуществления сделки отчуждения жилого помещения необходимо предупредить этих лиц и получить согласие.

Перед удостоверением сделки с недвижимым имуществом собственник предоставляет необходимые документы, среди которых должны быть сведения о лицах, за которыми сохраняется право пользования жилым помещением.

В тех случаях, когда в сделке с отчуждением недвижимого имущества имеются третьи лица, нотариус, с целью защиты их прав, истребует письменное согласие на осуществление такой сделки.

Таким способом совершеннолетние члены семьи выражают своё мнение относительно совершаемой собственником сделки. Согласие на осуществление сделки должно быть оформлено в письменном виде. Как правило, такое согласие прописывается в самом договоре отчуждения

недвижимого имущества, указываются полностью фамилия, имя, отчество третьего лица, его подпись, дата.

Переход права собственности на жилой дом или квартиру к другому лицу не является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника, если иное не предусмотрено жилищным законодательством [1, ст. 275].

Члены семьи собственника жилого помещения, бывшие члены семьи, давшие своё согласие на отчуждение жилого помещения, утрачивают соответственно своё право пользования и владения данным недвижимым имуществом. Это означает, что они обязаны освободить жилое помещение. Лица, давшие согласие на отчуждение жилого помещения, но отказавшиеся его освободить, подлежат выселению в судебном порядке по требованию нового собственника и без предоставления нового жилья.

Совершеннолетний член семьи собственника вправе не давать согласия на отчуждение жилого помещения. В таких случаях нотариусу в договоре необходимо указать перечень лиц, за которыми в соответствии с законодательными актами сохраняется право пользования этим жилым помещением после его приобретения покупателем с указанием их прав на пользование предоставляемым жилым помещением. Этот перечень является существенным условием договора продажи жилого помещения, а значит, при его отсутствии договор не считается заключенным. Таким образом законодательство защищает и обеспечивает права на жилое помещение третьих лиц.

В тоже время наличие такого пункта о лицах, за которыми при переходе права собственности сохраняется право владения и пользования жилым помещением, является обременением договора. Сторона, приобретающая жильё по договору с обременением должна об этом знать. Возможно, такая сделка не состоится.

Собственник, не получивший согласия на отчуждение жилого помещения, вправе обратиться в суд с соответствующим исковым заявлением за защитой своих прав.

Права и законные интересы членов семьи, бывших членов семьи, признанных находящимися в социально опасном положении либо признанных нуждающимися в государственной защите, или граждан, признанных недееспособными или ограниченными в дееспособности судом, охраняются органами опеки и попечительства. Так, для удостоверения сделки по отчуждению недвижимого имущества, в которой имеются вышеуказанные лица, необходимо получить письменное согласие органов опеки и попечительства. Порядок взаимодействия государственных органов и организаций при принятии решений о даче согласия на отчуждение или об отказе в отчуждении жилых помещений устанавливается Советом Министров Республики Беларусь [2, ст. 75].

Говоря о третьих лицах, нельзя забывать и о защите прав и интересов граждан, временно выбывших из места постоянного проживания, за которыми сохраняется право пользования и владения жилым помещением.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует специальный нормативный документ, регулирующий вопросы реализации жилищных и других, связанных с ними, прав таких граждан (независимо от продолжительности отсутствия в месте постоянного проживания), как то: сохранение права пользования жильем или права собственности на него, сохранение права пребывания на квартирном учете или постановки на такой учет, права получения жилого помещения или государственной поддержки для строительства (реконструкции) или приобретения жилого помещения, получения земельного участка (или сохранение выделенного) для индивидуального жилищного строительства, участия в приватизации жилых помещений, разделе, обмене их, в сделках по отчуждению жилья.

Жилищный кодекс Республики Беларусь 1983 года (действовал до 1 июля 1999 года) [3] предусматривал, что при временном отсутствии нанимателя или членов его семьи за ними сохранялось жилое помещение в течение 6 месяцев. Если наниматель или члены его семьи отсутствовали по уважительным причинам свыше 6 месяцев, этот срок по заявлению отсутствующих мог быть продлен наймодателем, а в случае спора – судом [3, ст. 70].

Кодекс содержал также конкретный перечень случаев, когда жилое помещение сохранялось за временно отсутствующими и на более длительный срок. Так, при призыве граждан на действительную срочную военную службу, а также призыве офицеров из запаса на действительную военную службу на срок до 3-х лет жилье за ними сохранялось в течение всего времени прохождения указанной военной службы (при пребывании на действительной военной службе в качестве прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы – в течение первых пяти лет пребывания на действительной военной службе).

В случае временного выезда из постоянного места жительства по условиям и характеру работы (экипажи судов, работники геологических, изыскательских партий, экспедиций и т.п.) либо в связи с обучением (студенты, аспиранты и т.п.) жилое помещение сохранялось в течение всего времени выполнения данной работы или обучения.

Временное отсутствие собственника жилого помещения (индивидуального дома или его части, квартиры или комнаты) и членов его семьи, независимо от срока отсутствия в месте постоянного жительства, не должно препятствовать реализации ими прав по владению, распоряжению и пользованию жилым помещением.

Необходимо отметить, что члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования жилым помещением (и при временном отсутствии это право сохраняется независимо от срока отсутствия) наравне

с собственником этого помещения, если при их вселении не было иного письменного соглашения.

Если члены семьи собственника жилого помещения перестали быть членами его семьи (например, при разводе супругов), но продолжают проживать в этом жилом помещении, они сохраняют свои права и обязанности (в том числе и при временном отсутствии в месте постоянного жительства), если иное не было предусмотрено заключенным с ними письменным соглашением о порядке пользования жилым помещением.

В действующем Жилищном кодексе Республики Беларусь [2] отсутствуют нормы по регулированию вопросов, связанных с реализацией прав временно отсутствующих собственников жилых помещений и членов их семей. Данная категория граждан упоминается только в одной статье. Временно отсутствующие (в том числе выбывшие по месту пребывания в другое жилое помещение) наниматель жилого помещения и члены, бывшие члены его семьи сохраняют все права и несут обязанности в соответствии с договором найма жилого помещения [2, ст. 58].

Законодательство, регламентирует порядок отчуждения и залога жилого помещения собственником, однако, временно отсутствующие члены семьи собственника даже не упоминаются. Это тем более вызывает недоумение, поскольку в Жилищном кодексе [2] указано, что совершеннолетние граждане, давшие согласие на отчуждение или залог жилого помещения, и не указанные в договоре отчуждения как граждане, за которыми сохраняется право пользования жилым помещением, при переходе права собственности могут быть выселены по требованию нового собственника без предоставления другого жилого помещения. Законодатель не даёт разъяснения, как поступать собственнику жилого помещения, нотариусу при отчуждении помещения с временно отсутствующими членами семьи собственника.

В целом законодательство Республики Беларусь обеспечивает защиту прав и интересов третьих лиц, при совершении сделок с недвижимым имуществом. Так для удостоверения таких сделок нотариус должен получить письменное согласие совершеннолетних членов семьи, бывших членов семьи собственника жилого помещения. Однако, отсутствуют нормы, регулирующие права временно отсутствующих членов семьи собственника при отчуждении, приватизации жилого помещения. Законные интересы членов семьи, бывших членов семьи, признанных находящимися в социально опасном положении либо признанных нуждающимися в государственной защите, или граждан, признанных недееспособными или ограниченными в дееспособности судом, обеспечиваются органами опеки и попечительства.

Устранение пробелов в законодательстве, указанных выше, путем проведения в настоящее время работы по совершенствованию жилищного законодательства явилось бы конкретным проявлением заботы о соблюдении гарантий прав граждан на постоянное жилище.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 31.12.2021 г. № 141-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. [Электронный ресурс] ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
2. Жилищный кодекс Республики Беларусь от 04. 05. 2019 г. № 428-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. [Электронный ресурс] ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
3. Жилищный Кодекс Республики Беларусь от 22.03.1999 № 248-3 (утратил силу от 28.08.2012 № 428-3) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. [Электронный ресурс] ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.

СООТНОШЕНИЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ДОГОВОРА РЕНТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д.В. Рыськова, И.В. Цырусь

Ключевые слова: договор ренты, постоянная рента, пожизненная рента, пожизненное содержание с иждивением.

Согласно п. 1 ст. 554 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), по договору ренты одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме [1]. Приведенное понятие договора ренты является обобщающим для трех разновидностей обязательств: постоянной ренты, пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением. Если рассмотреть п. 2 ст. 554 ГК, можно прийти к выводу, что законодатель выделяет два вида договора ренты, а пожизненное содержание с иждивением является разновидностью пожизненной ренты. Вместе с тем, общая структура главы 33 ГК свидетельствует, все же, о существовании трех самостоятельных видов рентных обязательств, имеющих отличительные характеристики. Исходя из изложенного, целью настоящего исследования является выявление соотношения договора пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением, а также определение места последнего обязательства в системе рентных отношений для совершенствования его правового регулирования. Наличие достаточного количества заключаемых договоров ренты показывает востребованность указанного института гражданского права, обуславливает наличие судебной практики по разрешению споров, вытекающих из рентных правоотношений, а значит на сегодняшний день остается актуальным для изучения.

Материалами настоящего исследования являлись действующее законодательство Республики Беларусь, учебная и монографическая литература, диссертационные исследования и материалы периодических изданий. Методологию исследования составили ряд общенаучных и частнонаучных

методов исследования, таких, как логический, индукции и дедукции, формально-юридический и метод толкования юридических норм.

Обращаясь к вопросу о соотношении разновидностей договора ренты в законодательстве Республики Беларусь, необходимо отметить, что никаких сомнений не вызывает самостоятельный характер договора постоянной ренты. Данная разновидность договора имеет ряд специфических особенностей, которые позволяют отграничить его как от договора пожизненной ренты, так и от договора пожизненного содержания с иждивением. Таковыми являются следующие особенности:

1. Срок договора. Уже из названия самого договора следует, что срок определяется сутью самого договора и ничем не ограничен. В свою очередь, договоры пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением заключаются лишь на срок жизни получателя (получателей ренты). Так как срок действия определяется временем жизни получателя ренты, вследствие чего права получателя являются неотъемлемыми: они не могут быть переданы другому лицу, а также не переходят по наследству [2, с. 28].

2. Субъектный состав договора. Согласно п. 1 ст. 560 ГК, получателями постоянной ренты могут быть не только граждане, а также некоммерческие организации, если это не противоречит законодательству и соответствует целям их деятельности [1]. Тогда как получателями пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением могут быть только граждане, независимо от возраста и трудоспособности.

3. Сроки выплаты рентных платежей. В договоре постоянной ренты, если иное не предусмотрено договором – по окончании каждого календарного квартала, в свою очередь, в договорах пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением – по окончании каждого календарного месяца.

Анализ трудов юристов в цивилистической литературе, показывает, что среди ученых-цивилистов нередко также возникает вопрос о соотношении договора пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением. Из п. 2 ст. 554 ГК следует, что рента подразделяется на постоянную, пожизненную и пожизненное содержание с иждивением [1]. Тем самым мы можем сделать вывод о самостоятельности данных субинституты и о принадлежности к различным видам гражданско-правовых договоров. Однако, анализируя гл. 33 ГК в целом, можно прийти к выводу, что пожизненное содержание с иждивением является подвидом пожизненной ренты.

На наш взгляд, название гл. 33 ГК «Рента и пожизненное содержание с иждивением» сделано с целью выделения некоторых особенностей пожизненного содержания с иждивением. Таким образом, вывод о том, что пожизненное содержание является подвидом договора пожизненной ренты можно сделать исходя из анализа ст. 554 ГК, которая содержит положение о том, что пожизненная рента может быть установлена на условиях пожизненного содержания гражданина с иждивением [1], и высказанных в научной литературе мнений таких ученых-юристов, как М. И. Брагинский [3],

В. В. Подгруша [4, с. 120], В. Ф. Чигир [5, с. 95]. Схожей точки зрения придерживается и В. С. Ем [6, с. 353].

Вместе с тем, по поводу такого соотношения указанных выше рентных обязательств в литературе высказывается и иная точка зрения. Ряд авторов (например, А. П. Сергеев [7, с. 156], Т. М. Халецкая [8, с. 58]) признают все три договора самостоятельными договорами ренты. Так, А. П. Сергеев утверждает, что различия существуют как между постоянной и пожизненной рентой, с одной стороны, так и между пожизненной рентой и пожизненным содержанием с иждивением, с другой. Особенностью, присущей именно пожизненному содержанию с иждивением, является доверительный характер возникающего обязательства. Как можно заметить, позиция авторов сводится не только к тому, что пожизненное содержание является самостоятельной разновидностью договора ренты, но и имеет свои отличительные признаки, что, соответственно, выделяет его среди других видов.

Отдельно можно отметить мнение Д. А. Колбасина, который, указывая на то, что закон выделяет три вида ренты, тем не менее, отмечает, что при этом пожизненная рента может быть установлена и на условиях пожизненного содержания с иждивением [9, с. 73].

Из изложенного следует вывод о том, что исследуемые разновидности договора ренты имеют общие признаки, позволяющие законодателю объединить регулирующие их нормы в одну главу. Вместе с тем необходимо отметить, что рассматриваемые договоры независимы друг от друга, каждый из них наделен специфическими характеристиками, не допускающими их (договоров) смешения.

В целом, можно сказать, что несложно разграничить договоры постоянной ренты и пожизненной ренты, в то время как весьма проблематичным остается вопрос о соотношении договоров пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением.

Проанализировав статьи ГК, можно согласиться с мнением М.И. Брагинского, который считает, что нормы о пожизненной ренте и пожизненном содержании с иждивением практически совпадают [3], вследствие чего, на наш взгляд, договор пожизненного содержания с иждивением можно считать подвидом договора пожизненной ренты. Иждивение следует рассматривать лишь как дополнительный элемент пожизненной ренты. Подтверждение этому тезису дает анализ соотношения этого договора с договором постоянной ренты и пожизненной ренты.

Изучив проблемы аспекты данного вопроса, следует признать позицию М. И. Брагинского, В. В. Подгруши, В. Ф. Чигира, Д. А. Колбасина более правильной и обоснованной. В связи с этим, мы не разделяем мнение ученых, которые усматривают пожизненное содержание с иждивением как самостоятельный вид договора ренты и, в частности, Т. М. Халецкой, которая в обоснование своей позиции по данному вопросу пишет, что на самостоятельность пожизненного содержания с иждивением указывают, во-первых, название

гл. 33 ГК «Рента и пожизненное содержание с иждивением», во-вторых, отсутствие чёткого критерия разграничения договоров ренты [2, с. 8].

Вывод, на наш взгляд, следует не только из смысла ст. 572 ГК, но и ст. 554 ГК, которая содержит положение о том, что пожизненная рента может быть установлена на условии пожизненного содержания с иждивением. Для определения в данном случае смысла п. 2 ст. 554 ГК можно сопоставить его с п. 2 ст. 572 ГК, а именно с тем, что присутствие в п. 2 ст. 572 ГК отсылочной оговорки к нормам договора пожизненной ренты указывает на то, что нормы договора пожизненного содержания с иждивением не могут противоречить нормам пожизненной ренты, так как из смысла отсылки «...если иное не предусмотрено правилами настоящего параграфа» вытекает как раз то, что иное сводится лишь к условию пожизненного содержания с иждивением [10, с. 30].

Также стоит отметить, что ст. 574 ГК предусматривает замену пожизненного содержания с иждивением периодическими платежами [1], что еще больше приближает договор пожизненного содержания с иждивением к договору пожизненной ренты, а норма про размер пожизненной ренты также предусматривает, что когда сторонами заключён договор пожизненного содержания с иждивением, в договоре должна быть определена стоимость такого содержания, что еще раз подтверждает схожесть исследуемых договоров.

Важно также отметить, что договор пожизненного содержания с иждивением, в отличие от других разновидностей договоров ренты, предполагает более тесную связь плательщика ренты и ее получателя. Если в других видах ренты отношения сторон ограничиваются периодической передачей (перечислением) денежных средств или иного оговоренного договором предоставления при отсутствии, как правило, личных контактов, то здесь стороны договора обычно постоянно взаимодействуют друг с другом.

По мнению А.В. Миргородского, «отношения пожизненного содержания с иждивением отличает высокая сознательная значимость» [11, с. 484]. На практике такое взаимодействие ведет к тому, что нередко требования получателя ренты о расторжении договора является не нарушение плательщиком своих обязанностей, а именно конфликты в личных взаимоотношениях, а также содержание с иждивением выходит за рамки обычного материального содержания получателя ренты [10, с. 34].

Таким образом, изучив цивилистическую литературу и действующее законодательство Беларуси можно прийти к выводу, что вопрос разграничения разновидностей договоров ренты, а именно договора пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением, является до сих пор актуальным. В то же время, на наш взгляд, требуется внесение изменения в название главы 33 ГК, исключив из него слова «и пожизненное содержание с иждивением», что приведет его в соответствие с логикой построения раздела IV ГК «Отдельные виды обязательств» по договорным типам (что является наиболее распространенным принципом построения ГК для многих стран ЕАЭС). Также на сегодняшний день требует уточнения и название параграфа 1 главы 33, а именно необходимо исключить из него слова

«и пожизненном содержании с иждивением». Статьи указанного параграфа включают указание на регулирование договора ренты, но ни в одной из них договор пожизненного содержания с иждивением не упоминается. Данные изменения помогут исключить дискуссии о наличии такого отдельного договорного типа как пожизненное содержание с иждивением, а также приведут структуру ГК в соответствие с общей логикой его построения.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Халецкая, Т. М. Договор ренты в гражданском праве Республики Беларусь: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т. М. Халецкая. – Минск, 2006. – 120 с.
3. Брагинский, М. И. Договорное право: в 5 кн. [Электронный ресурс] / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 4-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2002. – Кн. 2: Договоры о передаче имущества. // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс» – М., 2022.
4. Подгруша, В. В. Рента и пожизненное содержание с иждивением / В. В. Подгруша // Комментарий к Гражданскому кодексу Респ. Беларусь: в 2 кн. / В. Ф. Чигир (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Амалфея, 2007. – Кн. 2. – С. 107–123.
5. Чигир, В. Ф. Новый Гражданский кодекс Республики Беларусь: общий обзор / В. Ф. Чигир. – Минск, Амалфея, 1999. – 160 с.
6. Ем, В. С. Рента и пожизненное содержание с иждивением: Гражданское право: учебник: в 2 т. / В. С. Ем, под ред. проф. Е. А. Суханова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ВолтерКлувер, 2004. – Т. 2. – Полутом 1. – С. 349–359.
7. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2008. – Т. 2. – 824 с.
8. Халецкая, Т. М. Место договора ренты в системе обязательственного права / Т. М. Халецкая // Право Беларуси. – 2004. – № 40. – С. 56–59.
9. Колбасин, Д. А. Гражданское право: учебник: в 2 ч. / Д. А. Колбасин; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Академия МВД, 2017. – Ч. 2. – 655 с.
10. Пантелеева, Н. В. Договор пожизненной ренты в гражданском праве Республики Беларусь: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. В. Пантелеева. – Минск, 2008. – 133 с.
11. Миргородский, А. В. Гарантии прав рентополучателей в договорах пожизненного содержания с иждивением / А. В. Миргородский // Научный альманах. – 2017. – № 11-4 (13). – С. 481–486.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Н.В. Сирик, А.С. Кусков

Ключевые слова: ответственность; частные, публичные интересы; туристский продукт; туроператор; форс-мажор.

Туристская индустрия в последние годы сталкивается со значительными глобальными потрясениями, которые не только остановили отрасль в ее развитии, но и вернули ее к показателям 1990 года. И если негативный

эффект пандемии коронавируса уже начал постепенно нивелироваться, то дестабилизация российско-украинских отношений в начале 2022 года привела к новому и более значительному усугублению положения в туристской отрасли, что выразилось, в первую очередь, в почти стопроцентном снижении показателей развития въездного и внутреннего туризма не только в России, но и в ряде стран мира.

Обострение современной геополитической ситуации и введение нескольких пакетов санкций западных стран, наиболее радикальный эффект из которых имеет «закрытие неба» большинством государств Европы, США, Канадой и некоторыми другими странами, привело к невозможности исполнения туроператорами и турагентами своих обязательств перед туристами. Туристы, в свою очередь, на данный момент ограничены или полностью лишены возможности совершения туристских поездок по тем договорам о реализации туристского продукта, которые ими были ранее заключены и полностью оплачены.

Возникшая ситуация породила своеобразную «коллизию интересов» – с одной стороны, в силу невозможности совершения поездок туристы стали массово отказываться от исполнения договоров, а, с другой стороны, туроператоры, в ряде случаев уже оплатившие услуги контрагентов (исполнителей услуг), заявили о невозможности удовлетворения требований туристов. Более того, профессиональными сообществами туроператоров и турагентов (АТОР и РСТ) многократно делались заявления о том, что возврат денежных средств туристам в полном объеме неизбежно приведет к ослаблению финансового положения и даже банкротству ведущих туроператоров. Все вышесказанное привело к значительной активизации деятельности по разработке и принятию нормативно-правовых актов, регулирующих спорные правоотношения.

Целью исследования является определение настоящего и оптимального соотношений частных и публичных интересов в сфере туризма в условиях современного геополитического давления стран Запада, выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере.

Материал и методы. Представленное исследование строится на анализе нормативных правовых актов и материалов правоприменительной практики в сфере туризма, разъяснений федеральных органов исполнительной власти (Ростуризм и Роспотребнадзор), профессиональных общественных объединений в туристской отрасли. Методологическую основу составляет общенаучный диалектический метод познания правовой действительности, а также частно-научные методы теоретического анализа: сравнительно-правовой, логический, системно-структурный и др.

Результаты и их обсуждение.

В представленной работе рассмотрим две основные ситуации, связанные с необходимостью соблюдения баланса интересов туристов и предпринимателей в сфере туризма, – расторжение договоров в связи с пандемией коронавируса и вследствие введения санкций западными странами.

1. Одним из ключевых нормативно-правовых актов, регламентирующих договорные правоотношения туристов и туроператоров (турагентов) в период пандемии коронавируса, является постановление Правительства РФ от 20.07.2020 г. № 1073 «Об утверждении Положения об особенностях на 2020 и 2021 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 г. включительно, туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) въездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким туроператором, включая основания, порядок, сроки и условия возврата туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм или предоставления в иные сроки равнозначного туристского продукта, в том числе при наличии обстоятельств, указанных в части третьей статьи 14 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

В связи с рассматриваемой нами проблематикой и порядком применения Постановления № 1073 представляет интерес Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2022 г. № 108-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абдрахмановой Р. Т. на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 19.4 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [1].

Данным пунктом закреплено, что Правительство РФ вправе устанавливать на 2020 и 2021 годы особенности исполнения, изменения и (или) расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 года, при наличии обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [2]. В этой связи туристы, не имеющие возможности вернуть уплаченные ими по договорам денежные средства, многократно предпринимали попытки оспаривания этой нормы, в том числе и Постановления № 1073, в порядке административного судопроизводства в Верховном Суде РФ и конституционного судопроизводства в Конституционном Суде РФ.

Как следует из Определения № 108-О заявителю отказано в удовлетворении исковых требований, предъявленных к туроператору, о возмещении стоимости туристского продукта, неустойки, штрафа, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда. По мнению заявителя, оспариваемые положения не соответствуют ст. 1 (ч. 1), 2, 8 (ч. 1), 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1), 34 (ч. 1), 35 (ч. 1), 45 (ч. 1) и 55 Конституции РФ, поскольку предоставляют Правительству РФ полномочия по принятию правовых актов, действующих с обратной силой и распространяющихся на расторгнутые потребителями договоры о реализации туристского продукта, чем устанавливают приоритет коммерческих интересов над правами и свободами человека и гражданина, не позволяя потребителям

вернуть уплаченные за турпродукт средства по расторгнутым до введения соответствующего регулирования договорам.

Конституционный Суд РФ не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению и указал, что п. 2 ст. 19.4 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», возлагающий на Правительство РФ полномочия по принятию действующих с обратной силой норм, закрепляющих, среди прочего, особенности расторжения договора о реализации туристского продукта, основания, порядок, сроки и условия возврата туристам уплаченных ими за турпродукт денежных сумм, учитывая действие обстоятельств чрезвычайного характера, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции, преследует конституционно значимые цели установления справедливого баланса интересов участников гражданского оборота, а также частных и публичных интересов, обеспечения устойчивого развития экономики, в том числе путем предотвращения кризиса взаимных неплатежей вследствие введения ограничений, препятствующих исполнению отдельных гражданско-правовых обязательств, пропорциональных указанным целям.

Вышеприведенная позиция полностью согласуется и с позицией Верховного Суда РФ по делам об обжаловании Постановления № 1073 в порядке административного судопроизводства [3], согласно которой:

1) Постановление № 1073 принято надлежащими субъектами и в полном соответствии с нормами действующего законодательства, содержит специальные нормы и положения, регламентирующие порядок расторжения туристских договоров относительно норм Закона РФ «О защите прав потребителей» [4] и Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», не нарушает права потребителей туристских услуг и не допускает неправомерного удержания оплаченных услуг и денежных средств;

2) если после заключения туристского договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при его заключении, условия такого договора сохраняют силу, кроме тех случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров (п. 2 ст. 422 ГК РФ).

При разрешении иска Н. В. Жиронкиной к ООО «Музенидис Трэвел-СПб» (туроператор) Верховный Суд РФ поставил точку в разрешении рассматриваемого спора. Так, Н. В. Жиронкина просила расторгнуть договор о реализации туристского продукта от 24 декабря 2019 года, взыскать уплаченные за турпродукт денежные средства, неустойку, компенсацию морального вреда и штраф, указав, что 7 апреля 2020 года она обратилась к туроператору с заявлением об отказе от договора и возвращении денежных средств по причине закрытия границ России и запрета на посещение стран Европы из-за пандемии. Определением Верховного Суда РФ отказано

в удовлетворении ее кассационной жалобы, так как действие Постановления № 1073 имеет обратную силу и распространено на договоры с туристами, заключенные до 31 марта 2020 года [5].

Заметим, что постановлением Правительства РФ от 02.04.2022 г. № 577 в Постановление № 1073 внесены изменения, которыми его действие было продлено до 31 декабря 2022 года [6]. Однако Постановление № 1073 в новой его редакции распространяется только на туры в те страны, куда въезд временно ограничен или запрещен, перечень которых представлен на сайте Ростуризма. В течение десяти дней туроператор должен проинформировать туриста о появлении возможности предоставить равнозначный туристский продукт; при отказе туриста от равнозначного туристского продукта туроператор обязан вернуть денежные средства до 31 декабря 2022 года, включая проценты за пользование денежными средствами (п. 8 Постановления № 1073 в новой его редакции).

Однако что касается споров с туристами из договоров, заключенных после 31 марта 2020 года, то такие споры должны разрешаться на общих основаниях (ст. 10 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей») в том числе с совокупным применением норм о взыскании неустоек, процентов, потребительского штрафа, компенсации морального вреда; положения Постановления № 1073 в такой ситуации применению не подлежат.

2. Проблемы, связанные с санкционным давлением стран Запада, отличаются еще большей актуальностью, так как к настоящему моменту в России еще не выработана соответствующая нормативно-правовая основа регламентации порядка исполнения, изменения и расторжения туристских договоров.

В условиях введения многими странами ограничений на пролет воздушных судов России над национальным воздушным пространством («закрытие неба») необходимо в первую очередь разрешить вопрос о том, является ли подобная ситуация форс-мажором. Здесь необходимо сослаться на так называемые «коронавирусные» обзоры Верховного Суда РФ, из которых наибольший интерес представляет первый обзор [7]. Так, при ответе на вопрос № 7 Верховный Суд РФ делает выводы о том, что признание той или иной ситуации форс-мажором не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация, в силу чего существование таких обстоятельств должно быть установлено с учетом обстоятельств конкретного дела (включая срок исполнения обязательства, характер неисполненного обязательства, разумности и добросовестности должника).

Для освобождения от ответственности за неисполнение обязательств сторона должна доказать: а) наличие и продолжительность обстоятельств непреодолимой силы; б) наличие причинно-следственной связи между возникшими обстоятельствами непреодолимой силы и невозможностью либо задержкой исполнения обязательств; в) непричастность стороны к созданию обстоятельств

непреодолимой силы; г) добросовестное принятие стороной разумно ожидаемых мер для предотвращения (минимизации) возможных рисков.

Для учета вышеуказанных положений необходимо выделить два актуализированных на данный момент сценария развития ситуации и соответствующих им варианта разрешения возникающих проблем в части исполнения обязательств и несения ответственности перед туристами по договорам.

Во-первых, необходимо определить порядок исполнения обязательств перед туристами по турам в те страны, куда невозможно вылететь в связи с введенными ограничениями – закрытием неба и отключением банковских карт от систем Visa и MasterCard, что привело к невозможности их использования в зарубежных странах для осуществления транзакций по оплате товаров и услуг.

Во-вторых, следует определить особенности исполнения обязательств и ответственности сторон в тех случаях, когда совершение путешествий возможно, но имеются значительные ограничения в виде резкого увеличения валютного курса и изменения маршрута авиапутешествия (структуризация авиамаршрутов (стыковки), их удлинение и удорожание).

Обе ситуации по своему смыслу и с учетом ранее приведенной позиции Верховного Суда РФ вряд ли могут быть отнесены к обстоятельствам неопределенной силы, но, в то же время, исключают признаки вины в действиях туроператора. Расторжение договоров о реализации туристского продукта с туристами в таких ситуациях должно происходить на основании совокупного применения ст. 782 ГК РФ, ст. 10 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» и на основании существенного изменения обстоятельств совершения путешествия. Возврат денежных средств осуществляется туроператором в полном объеме, но за вычетом фактически понесенных ими расходов.

Заключение. Отметим, что проблемы исполнения, изменения и расторжения договоров о реализации туристского продукта в большей части были урегулированы путем принятия новой редакции Постановления № 1073, предоставившего очередную отсрочку туроператорам до 31 декабря 2022 года и вызывавшего очередную волну негативных эмоций со стороны потребителей-туристов. В то же время, проблемы, связанные с санкционным давлением стран Запада, требуют выработки соответствующего массива нормативно-правовых актов с целью соблюдения баланса частных и публичных интересов в сфере туризма.

Список использованных источников

1. Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2022 г. № 108-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абдрахмановой Р. Т. на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 19.4 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // СПС «Консультант плюс».

2. Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 г. № 352-ФЗ) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 1996. – № 49. – Ст. 5491.

3. Решения Верховного Суда РФ от 09.12.2020 г. по делу № АКПИ20-630, от 30.09.2020 г. по делу № АКПИ20-521, от 03.02.2021 г. по делу № АКПИ20-837 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-I (в ред. от 11.06.2021 г. № 170-ФЗ) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1992. – № 15. – Ст. 766.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.09.2021 г. по делу № 78-КГ21-40-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Правительства РФ от 02.04.2022 г. № 577 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 20 июля 2020 г. № 1073» // Собрание законодательства РФ, 2022. – № 15. – Ст. 2496.

7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2020. – № 5.

ОСОБЕННОСТИ МЕР ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО СПОРТА

И.М. Шашкова

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, профессиональный спорт, ответственность за применение допинга, дисквалификация.

В каждой из сфер общественных отношений формируется институт ответственности, поскольку если есть обязательное правило для соблюдения, то соответственно должна быть и мера ответственности за нарушение этого правила. Таким образом, спорт – представляет собой обособленную сферу общественных отношений, имеющая в своей системе юридическую ответственность, которая призвана обеспечить соблюдение установленных правил для всех субъектов спортивных отношений.

Цель исследования заключается в анализе правового регулирования привлечения к юридической ответственности за применения допинга в спорте.

Материал и методы. Материалом для написания работы послужили законодательство Республики Беларусь, зарубежное законодательство в данной области. Были использованы следующие методы: анализа, формально-юридический, сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Юридическая ответственность – это предусмотренные законом вид и мера государственно-властного (принудительного) лишения лица благ личного, организационного и имущественного характера за совершенное правонарушение [1, с. 342].

Положения об ответственности за использование допинга на сегодняшний день закреплены в Конвенции против применения допинга 1989 года, Медицинском кодексе Международного олимпийского комитета 1997 года,

Всемирном антидопинговом кодексе, Положения об антидопинговых правилах, Законе «О физической культуре и спорте».

Гражданские правоотношения обладают множеством различных мер ответственности, которые закреплены в законодательных актах, ведущим из которых является Гражданский кодекс Республики Беларусь. Меры гражданско-правовой ответственности, закрепленные в кодифицированных нормативных актах, являются общепринятыми для научного исследования и практического применения. Например, возмещение ущерба, взыскание неустойки (штрафа, пени) и так далее [2, с. 94].

В спортивных отношениях существующие меры гражданско-правовой ответственности не могут применяться одновременно в равной степени ко всем субъектам, в то время как закрепленные в гражданском законодательстве меры ответственности могут одинаково реализовываться как в отношении физических, так и юридических лиц [3, с. 14]. Таким образом, применение спортсменом запрещенных субстанций и методов может повлечь за собой дисквалификацию, которую в отношении юридического лица применить невозможно. Дисквалификация является одной из наиболее распространенных мер ответственности в спортивных правоотношениях.

Спортивная дисквалификация обладает всеми признаками, характерными для мер гражданско-правовой ответственности. Основным из них является имущественный характер ответственности, проявляющийся в том, что лицо, в отношении которого реализуется мера дисквалификации, несет финансовые потери, вызванные невозможностью участия в спортивных соревнованиях [1, с. 60].

Следующей особенностью мер гражданско-правовой ответственности является мера компенсационного характера. Так, в сфере спорта широкое распространение имеют денежные взыскания за нарушение спортивных регламентов, которые носят преимущественно, компенсационный характер. Но компенсационные меры применяются весьма редко, в связи с тем, что одной из особенностей отношений в сфере спорта является невозможность точного определения имущественного вреда и, как следствие, невозможность применения отдельных мер гражданско-правовой ответственности [2, с. 95].

Меры штрафного характера принято считать наиболее эффективными и отвечающими целям и задачам спортивных правоотношений. Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 года №125-З «О физической культуре и спорте» закрепляет норму о том, что мера по предотвращению допинга в спорте являются установленные меры ответственности за нарушение правил [4, ч. 2, ст. 5].

Данная мера может выражаться в имущественных и неимущественных лишениях в отношении виновного лица. В соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь имущественная ответственность заключается в том, что гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание [5, ст. 23].

Основное отличие мер компенсационного и штрафного характера заключается в том, что штрафные меры гражданско-правовой ответственности в области спорта направлены на создание дополнительных обременений для правонарушителя, а восстановительный элемент имеет в данном случае второстепенное значение [2, с. 94].

Заключение. Рассмотрев правовое регулирование допинга в спорте и гражданско-правовую ответственность за применение допинга в спорте, можно сделать следующие выводы.

Правовое регулирование допинга проводится на международном и национальном уровне. На международном уровне вопрос правового регулирования допинга в спорте осуществляется на основании Конвенция против применения допинга 1989 года, Международная конвенция о борьбе с допингом 2005 года, совместно с Всемирным антидопинговым кодексом. В Республике Беларусь основным актом является закон «О физической культуре и спорте», Положение об антидопинговых правилах Республики Беларусь, в том числе, новыми правовыми нормами, связанными с допингом, дополнен Трудовой кодекс Республики Беларусь, где закрепляется право нанимателя расторгнуть трудовой договор со спортсменом и тренером, который использовал допинг.

Распространёнными мерами в сфере спортивных отношений является дисквалификация, компенсационные меры и меры штрафного характера. Проведенное исследование особенностей мер гражданско-правовой ответственности в сфере применения допинга в спорте позволяет сформулировать определение таких мер. Меры гражданско-правовой ответственности в области применения допинга в спорте – это установленные на законодательном и локальном уровне правовые основания, носящие длительный или кратковременный характер, которые ведут к наступлению неблагоприятных имущественных или неимущественных последствий для правонарушителя.

Список использованных источников

1 Амиров, И.М. Особенности юридической ответственности в сфере спорта / И.М. Амиров // Спортивное право: перспективы развития: материалы научно-практической конференции, Москва, 30 мая 2012 г. / Моск. государств. юридич. академия им. О.Е. Кутафина; редкол.: И.В. Понкин [и др.]. – Москва, 2012. – С. 58-64

2 Ерофеев, А.В. Особенности мер гражданско-правовой ответственности в области спорта / А.В. Ерофеев // Журн. Вестник эконом., права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 93–95.

3 Васькевич, В.П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.П. Васькевич; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2006. – 20 с.

4 О физической культуре и спорте: Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З: с изм. и доп. : Текст по состоянию на 09 января 2018 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5 Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: Текст Кодекса по состоянию на 31.12.2021 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2022

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

И.И. Шматков, Х.А. Агамов

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматели, защита прав, административные барьеры, субъекты МСП.

В статье рассматриваются вопросы предпринимательства, внедрения и реализации правовых механизмов, позволяющих обеспечить успешное развитие предпринимательства на территории Республики Беларусь. Автором предлагаются конкретные шаги в области национального законодательства, направленные на решение проблем, тормозящих развитие бизнеса, в частности малого и среднего предпринимательства.

Актуальность данного исследования состоит в важности самого института предпринимательства, его огромного влияния на государство и общества. Исходя из этого, проблематика правового обеспечения защиты прав данного института заслуживает более детального и глубокого изучения.

Цель исследования – выработка наиболее оптимальных мер, необходимых для создания комплексных механизмов защиты прав.

Материал и методы. Основными источниками информации в процессе исследования выступили работы в сфере экономики, бизнеса, права. Нормативную основу исследования составили: Конституция Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года, Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 года “О хозяйственных обществах”, Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г., “О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности” и др. нормативно-правовые акты. В качестве методов исследования были использованы формально-юридический метод и метод сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Роль предпринимательства в рыночной экономике трудно переоценить. Люди бизнеса являются своего рода проводниками между государством, с одной стороны, и обществом с другой. После развала СССР, Республика Беларусь пошла по пути развития рыночной экономики. Остро встал вопрос правового регулирования рыночных отношений. Правовую основу на первоначальном этапе составил Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 года “О хозяйственных обществах”, который заложил правовой фундамент для развития. Были определены положения о хозяйственных обществах(их создания, реорганизации, ликвидации), их уставного фонда, ценных бумаг, отчётности и т.д [1]. Правовые основы системы защиты предпринимательства заложены также действующей Конституцией Республики Беларусь. В ст. 45, в частности, гарантируется защита собственности государством, её неприкосновенность, а также закрепляется свобода владения, пользования, распоряжения имуществом [2]. Общие способы защиты прав предпринимателей даны в ст. 11 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (признания права; восстановления

положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, признания недействительным акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления и др.) [3]. На сегодняшний день, развитие бизнеса является одним из важнейших драйверов для развития экономики. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко неоднократно акцентировал на это внимание: “Мы крайне заинтересованы в развитии предпринимательства, увеличении доли частной собственности в экономике. Мы никогда не противопоставляли государственную и частную формы собственности” (Послание белорусскому народу и Национальному собранию, 21 апреля 2011 г). Как мы уже сказали, роль предпринимателей сложно переоценить. Они создают рабочие места, они осуществляют значительные налоговые отчисления в бюджет, принимают участие в социальных программах. Также не следует забывать о том, что бизнесмены работают на свой страх и риск, так как предпринимательство есть деятельность, основанная на собственной инициативе и высоких рисках. Предприниматели могут столкнуться с любыми непредвиденными ранее правовыми обстоятельствами. В связи с этим, целью различных общественных организаций, объединений, органов исполнительной власти, должна стать помощь и защита прав субъектов предпринимательской деятельности. Необходимость в защите прав бизнесменов возникает в случае их нарушения. К таким нарушениям можно отнести:

- создание административных барьеров органами государственной власти;
- невыплата покупателем денежной суммы за товар предпринимателю;
- необоснованное уголовное преследование предпринимателей;
- и другие виды нарушений.

Осуществление защиты прав субъектов предпринимательской деятельности происходит в рамках реализации охранительных правоотношений, которые направлены для восстановления законности и справедливости [4]. Предпринимательская деятельность в большинстве своём функционирует в рамках гражданского права. Исходя из сущности предпринимательской деятельности, мы можем сделать вывод о том, что гражданско-правовые способы защиты являются ключевыми и наиболее распространенными среди всех форм защиты прав предпринимателей ввиду своей природы. Путем использования специальных мер принуждения, закрепленных законодательством, происходит восстановление нарушенных прав в рамках реализации правоохранительных правоотношений [4]. Как мы уже сказали выше, общие способы защиты прав и интересов предпринимателей закреплены в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Одной из главных задач государства в условиях рыночной экономики является приверженность комплексному подходу, направленному на поощрение и обеспечение соответствующих гарантий развития предпринимательства, охране и защите прав субъектов предпринимательской деятельности. Помимо общих способов защиты прав и обязанностей в Гражданском кодексе Республики Беларусь закреплено право на самозащиту (ст. 15). Стоит

отметить, что органами государственной власти проводится политика, направленная на сокращение административного давления на бизнес. В качестве доказательства, хотелось бы привести в пример Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г., “О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности”. В частности, в ст. 10-11, ст. 15–16 прописаны ограничения для органов контрольной(надзорной) деятельности. В статье 15 указано, что проверка контролирующим (надзорным) органом проверяемого субъекта по одному и тому же вопросу за один и тот же период, в том числе в ходе совместной проверки, не допускается [5]. Однако несмотря на имеющийся правовую базу, имеется ряд проблемных правовых позиций. На наш взгляд, необходимо принятие специализированного, единого акта “Закон о защите прав и гарантий субъектов предпринимательской деятельности”. Такой закон позволил бы объединить нормы, защищающие права предпринимателей, в один нормативно-правовой акт. К тому же предпринимателям будет проще разобраться в правовой составляющей имея на руках один специализированный закон. Для правоприменительных органов это будет означать возможность более оперативного рассмотрения вопросов. Особенно остро стоит проблема с субъектами малого и среднего предпринимательства (далее МСП). Доля МСП в ВВП Республики Беларусь составляет приблизительно 25%. Для сравнения, для Франции этот показатель составляет приблизительно 60–65% [6]. Несмотря на имеющийся правовой фундамент, необходимы качественные реформы в сфере поддержки субъектов МСП. Будет полезным в данном вопросе обратить внимание на опыт стран Западной Европы. В частности, на законодательном уровне закреплено, что в большинстве стран Европы в городах и поселениях, население которых не достигает 40 тыс. человек, запрещена постройка сетевых универмагов. Также в странах Запада, вопросами бизнеса занимается единственное, специализированное ведомство, имеющая контакты на высшее руководство страны [7]. Данная модель значительно уменьшает бюрократическую волокиту, делая более оперативной процессы взаимодействия государства и бизнеса. Считаем необходимым привлечение органов государственной власти в качестве арбитров при разрешении конфликтных ситуаций. Тут можно обратиться к опыту Франции, которая начиная с 1997 года, проводит практику защиты в судебных органах, органах административной власти. Данными органами государства являются: банковская комиссия, Совет по конкуренции, Высший совет агентства Франс-Пресс, различного рода комиссии (по налоговым нарушениям, по биржевым операциям, по безопасности потребителей и др.). Целью является борьба против бюрократии, защита прав предпринимателей [6].

Заключение. Стоит отметить, что с момента обретения Республикой Беларусь независимости, были сделаны огромные шаги для создания правовых механизмов защиты прав предпринимателей. Был создан правовой фундамент, регламентирующий деятельность субъектов предпринимательской деятельности. Идёт последовательная политика уменьшения административного давления на бизнес. Однако вместе с тем, существует проблема

разрозненности правовых актов, защищающих права бизнеса. Это создаёт барьеры в процессе защиты прав предпринимателей, делая работу правоприменительных органов менее оперативной. Также немаловажным является создание новых правовых механизмов защиты прав субъектов МСП, которые отлично будут сочетаться с правовым фундаментом, регулирующих отношения МСП.

Список использованных источников

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19202020> – Дата доступа: 28.04.2022.
2. Портал президента Республики Беларусь [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> – Дата доступа: 28.04.2022.
3. Информационно-правовая система ЭТАЛОН—ONLINE [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218> – Дата доступа: 28.04.2022
4. Мудрицкий, В.М. Понятие, сущность, виды и формы защиты предпринимательства / В.М. Мудрицкий // Инновационные аспекты развития науки и техники. – 2021. – № 7. – С. 246.
5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31700376>. – Дата доступа: 29.04.2022.
6. Анисимова, Ю.М. Предпринимательство в России и Франции: вопросы эффективности защиты их прав / Ю.М. Анисимова // Вестник магистратуры. – 2016. – № 5. – С. 137–138.
7. Акчурина, А.С. Способы защиты прав малого предпринимательства в РФ / А.С. Акчурина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 6. – С. 201.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

И.И. Шматков, Д.В. Адамчук

Ключевые слова: ЕАЭС, взаимная торговля, унификация, коронавирус, импорт, экспорт.

Внешняя и внутренняя торговля является одной из важнейших функций любого государства. Определить состояние экономики страны и ее конкурентоспособность помогает количество показателей экспорта и импорта. Вот почему важно показать значимость такого союза как ЕАЭС на мировом рынке.

Материал и методы. Материалами для исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных исследователей и экономические журналы, а также методы: анализа, синтеза и метод обобщения.

Результаты и их обсуждения. Евразийский экономический союз – международное интеграционное экономическое объединение, договор о создании которого был на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства в составе России, Казахстана и Беларуси подписанный 29 мая

2014г и вступил в силу с 1 января 2015г. ЕАЭС был создан для укрепления экономик стран-участниц и сближения друг с другом, для модернизации и повышения конкурентоспособности стран на мировом рынке. Страны-участницы ЕАЭС взяли на себя обязанность обеспечить свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. А также осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики – энергетике, промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. В последующем присоединились Армения и Киргизия.

В условиях Евразийского экономического союза происходит расширение внешнеторгового сотрудничества, формируется внутренний рынок со свободным перемещением товаров на территории стран-участниц ЕАЭС, отменяется их декларирование, применение ввозных и вывозных пошлин, использование антидемпинговых и ряда других мер контроля [1, с. 82].

Благодаря этому союзу увеличивается объем товарообмена и рост экономики всего государств-членов ЕАЭС.

Первые шаги в формировании взаимной торговли были заключены в рамках Союза правоотношений. В Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г., положенной в основу Договора о ЕАЭС между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией, говорится о переходе к Единому экономическому пространству (ЕЭП).

После присоединения к ЕАЭС Армении и Киргизии в 2015 г. начинается официальное функционирование ЕАЭС на международном рынке.

Стоит отметить, что Евразийский союз в 2015 г. столкнулся с серьезными проблемами, связанными с негативными тенденциями в мировой экономике. Это привело к значительному сокращению макроэкономических показателей и доходов национальных бюджетов от экспорта. Общий объем ВВП сократился на 3%. Проблемы в экономике стран-членов отразились и на внешней торговле. Сокращение объемов внешней торговли составило порядка 34%. Но в 2017–2018 гг. наблюдается обратный рост взаимной и внешней торговли.

С 2016 г. успешно функционирует зона свободной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом. Это Соглашение является одним из лучших решений для экономики ЕАЭС.

Основной доход для стран в составе ЕАЭС приносит международная торговля. Около 80% процентов всей торговли приходится на внешнюю торговлю с третьими странами. Главным торговым партнером стран-участниц является Китай (13,6% удельного веса в общем объеме торговли). Основным направлением сотрудничества является импорт обрабатывающей промышленности и готовой продукции из Китая. [2, с. 5]

Так же стоит отметить, что ЕС является одним из ключевых партнеров. Самыми главными партнерами из Европы для ЕАЭС являются Нидерланды и Германия.

Но структура торговли с Евразийского экономического союза внушает серьезные опасения: более 2/3 экспорта Союза составляет сырьё, а почти весь

импорт – продукция куда более высокого уровня. В долгосрочной перспективе это является негативным фактором, поскольку ставит внешнюю торговлю ЕАЭС в зависимость от уровня цен на энергоносители. [3, с. 841].

Для Республики Беларусь в 2018 году сложились наиболее благоприятные условия взаимной торговли с государствами. Итоги внешней торговли Республики Беларусь со странами вне Союза оказались несколько лучше результатов взаимной торговли и превысило показатели по Союзу в целом. Так, стоимостной объем экспорта товара за пределами Союза увеличилось на 32,7%, прирост взаимной торговли по Союзу составляет в целом 29,2%. Внутри Союза на 2018 год важными партнерами являются Казахстан и Армения.

Глобальный экономический кризис, разразившийся из-за пандемии коронавируса с начала 2019 г., пожалуй, один из самых серьезных экономических ударов за последние десятилетия. Скорость распространения COVID-19 чрезвычайно высока. За несколько месяцев он практически покорил весь мир. В результате применения жестких мер социального дистанцирования происходит снижение экономик большинства стран мира в среднем на 2% ВВП ежемесячно, а международной торговли на 15–35% [4, с. 125]. Экономический кризис, вызванный пандемией, по мнению некоторых экспертов, превосходит по масштабам кризис 2008–2009 годов.

Чтобы сдержать распространение вируса, руководителями государств-членов ЕАЭС были приняты различные меры, направленные на преодоление негативных последствий коронавирусной инфекции (COVID-19). Например, в Армении, Казахстане и Кыргызстане был введен режим чрезвычайной ситуации, в России – режим самоизоляции. В Беларуси ограничительные меры по поводу закрытия границ не вводили. Все эти меры с одной стороны способствовало снижению числа заболевших граждан, а с другой стороны стали барьером для осуществления взаимной торговли между странами, банкротству большинства предприятий и увеличению безработицы.

Так же 1 октября 2019г. было утверждено решение Высшего Евразийского экономического совета № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза». Это устранил существующие препятствия для свободного передвижения капитала и финансовых услуг внутри Союза и повысит доступность и разнообразие инвестиционных, банковских и страховых продуктов для физических и юридических лиц.

Внедрение цифровизации в деятельность таможенных администраций, упрощает для участников ВЭД взаимоотношения с представителями таможни, позволяет минимизировать субъективизм при принятии решений, а для таможенных органов – повышает прозрачность и эффективность контроля за перемещением товаров [6, с. 29].

Явным плюсом электронного декларирования в ЕАЭС является роботизация некоторых функций: использование электронных подписей, переход от бумажных документов к электронным, вводятся технологии автоматической регистрации товара и т.д. Данные функции помогают ограничить физический контакт между людьми в период пандемии.

В России для электронного декларирования были созданы сети электронных таможен и центров электронной декларации (ЦЭД). Центры электронного декларирования предназначены для удаленного пропуска товаров через границу. По плану, товар размещается на складах пограничных зон и весь обмен информацией, т.е. сведения о товаре, идет уже в электронном виде. Первые ЦЭД в России начали работать с 12 января 2011 года и уже существуют во всех федеральных округах.

На данный момент система электронного декларирования в Республике Беларуси и в Республике Казахстане аналогична Российской Федерации. Но стоит отметить, что не все страны ЕАЭС были одинаково социально-экономически подготовлены к переходу на цифровизацию. Так, например, до 1 января 2020 г. в Республике Армения таможенное декларирование товара осуществлялось по выбору декларанта: в письменном либо в электронном виде в связи с тем, что стране потребовалось время для унификации законодательства. Республика Киргизия тоже длительное время переходила к электронному документообороту. По совету ЕЭК были разработаны «дорожные карты» для интеграции Республик в Союз.

Следовательно, за период 2019-2020 гг. произошло значительное снижение объемов взаимной торговли, особенно снижение в процентном соотношении наблюдается в Кыргызстане (практически 60%), в России (более 45%), Армения – 50%, Казахстан – 40%, в Беларуси – 26% [5, с. 6]. Стоит отметить, что большинства предприятия Беларуси не останавливали работу.

Ситуация в ЕАЭС улучшилась только благодаря совместным действиям всех стран-участниц: обмен информацией, усовершенствование используемых технологий, цифровизация торговых процессов, общих закупок медицинским оборудованием и финансовая поддержка. Одним из главных достижений в борьбе против коронавируса стало разработка собственной вакцины, а также внедрение активного использования электронного декларирования во всех странах-участниц ЕАЭС, что позволило сохранить гибкость, но при этом повысит эффективность взаимодействия между таможенными органами государств-членов.

В октябре 2020 г. Евразийская экономическая комиссия обсуждала вопрос формирования перечня изъятий и ограничений на 2021–2022 гг. Устранение барьеров и так же ключевой задачей является не допустить появления новых барьеров, поскольку это негативно скажется на развитии интеграционного объединения. [7, с. 100] Благодаря снятию барьеров удалось стабилизировать внешнюю и внутреннюю торговлю ЕАЭС.

Так же был подписан план о стратегическом направлении развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. В план мероприятий по реализации Стратегии-2025 включен пункт 6.1.6. «Создание предпосылок для конвергенции государств-членов по уровню экономического развития и доходов населения», разрабатываются мероприятия и механизмы для обеспечения конвергенции.

Заключение. Таким образом, к 2021 г. начали активную работу по восстановлению торгово-экономического сотрудничества, которое пострадало в период пандемии.

Станы-участницы ЕАЭС смогли достичь допандемийного уровня, в итоге ВВП ЕАЭС поднялось на 4,1%.

Объем взаимной торговли в 2021 г. достиг максимума за период функционирования ЕАЭС и составил 72,6 млрд долл. Это на 31,9% больше, чем в 2020 году, и на 17,8% выше уровня 2019 года.

Экспорт товаров в страны вне ЕАЭС увеличился за 2021 год на 44,1%, импорт – на 22,6%. Наибольший вклад в экспорт в страны вне союза внесли Беларусь (рост на 47,8%) и Россия (рост на 47%).

Можно сделать вывод, что на данный момент страны-участницы ЕАЭС смогли восстановиться после последствий пандемии COVID-19, стабилизировать и улучшить внешнюю и внутреннюю торговлю, а также разработать новые идеи для улучшения экономики стран ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Шестакова М.П. О правовом регулировании внешнеторговых отношений в рамках Евразийского экономического Союза / М.П. Шестакова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 6(61). – С. 81–87.

2. Фалина Н.В. Современное состояние и особенности развития внешней и взаимной торговли стран-участниц Евразийского экономического союза / Н.В. Фалина, Е.С. Сластенко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та. – 2017. – № 130. – С. 680–694.

3. Самохвалова, Е.К. Экономические последствия вступления России в ВТО / Е.К. Самохвалова, Н.В. Фалина // Экономика и социум. – 2016. – № 1(20). – С. 839–844.

4. Слуцкий Л.Э. ЕАЭС: уроки пандемии / Слуцкий Л.Э. // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, вып. 4. – С. 123–125.

5. Ворона А.А., Борисова Е.М. Взаимная торговля государств-членов Евразийского экономического союза: влияние пандемии и перспективы развития / А.А. Ворона, Е.М. Борисова // Вестник Евразийской науки. – 2020. – Т. 12, вып. 4. – С. 1–12.

6. Чистякова Е.А. Цифровизация в рамках ЕАЭС / Е.А. Чистякова // Современные аспекты международного бизнеса. – 2018. – С. 29.

7. Жильцов С.С. Развитие ЕАЭС на современном этапе: итоги и новые вызовы / С.С. Жильцов // Геоэкономика энергетики. – 2021. – № 4 – С. 95–108.

8. Сальникова А.В. Центры электронного декларирования как основа электронной таможни / А.В. Сальникова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – Т. 27, № 3 – С. 49–53.

9. Глинская М.В. Торгово-экономические отношения между странами ЕАЭС в период пандемии COVID-2019 / М.В. Глинская, В.В. Абросимова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – № 2(36). – С. 49–56.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агамов Хаджимурад Агамович, студент 2-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Адамчук Дарья Васильевна, студентка 1-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Аникеева Татьяна Михайловна, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Анюховская Наталья Владимировна, студентка 3-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Бакулина Валерия Сергеевна, студентка 3-го курса Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (г. Смоленск, Россия).

Бочков Александр Александрович, декан юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Бочкова Гульчехра Шарофовна, старший преподаватель кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Бошукова Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Войтович Лилия Владимировна, заведующий кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия).

Голенок Светлана Геннадиевна, доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Института экономики и права Петрозаводского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Петрозаводск, Карелия).

Грачева Дарья Алексеевна, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Дашкевич Павел Дмитриевич, старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела по противодействию торговле людьми управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции УВД Витебского областного исполнительного комитета, подполковник милиции (г. Витебск, Беларусь).

Демин Александр Васильевич, профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск, Россия).

Евдюнина Екатерина Сергеевна, магистрант 1-го курса Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия).

Емельянова Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры правового обеспечения экономической деятельности Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

Ивашкевич Елена Францевна, заведующий кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Катукова Светлана Юрьевна, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия).

Ковалева Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия).

Козловская Виолетта Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Константинова Полина Андреевна, студентка 1-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Куликова Олеся Николаевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент (г. Смоленск, Россия).

Кусков Алексей Сергеевич, председатель Саратовской региональной общественной организации «Центр правовой защиты потребителей», магистр юриспруденции (г. Саратов, Россия).

Латышева Наталья Аркадьевна, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

Маркина Наталья Александровна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Масягина Юлия Борисовна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук (г. Смоленск, Россия).

Милашевская Алиса Олеговна, студентка 4-го курса факультета по подготовке специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия).

Митрофанова Евгения Николаевна, консультант нотариальной конторы Городокского района Витебского нотариального округа, магистрант ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Михайлова Ольга Петровна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Муллахметова Наталья Евгеньевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент (г. Смоленск, Россия).

Никитина Анна Евгеньевна, студентка 4-го курса Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (г. Смоленск, Россия).

Николичев Денис Николаевич, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Петров Анатолий Петрович, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Петров Владимир Анатольевич, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Преснякова Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Ромашова Галия Талгатовна, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

Ромашова Мария Романовна, помощник ректора по правовым вопросам Института непрерывного образования взрослых (г. Санкт-Петербург, Россия).

Рыськова Диана Витальевна, студентка Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

Силина Елена Владимировна, профессор кафедры процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия).

Сирик Наталия Валериевна, исполняющий обязанности заведующего кафедрой гражданско-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент (г. Смоленск, Россия).

Стаценко Владимир Григорьевич, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Султанов Иван Юрьевич, следователь отдела № 8 Следственного управления Межмуниципального управления МВД России «Красноярское», магистр по направлению «Юриспруденция» (г. Красноярск, Россия).

Тимофеенко Анна Дмитриевна, студентка 3-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Фёдорова Александра Михайловна, студентка 3-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Хилькевич Виталий Владимирович, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Царенко Иван Владимирович, начальник отдела управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции УВД Витебского областного исполнительного комитета, подполковник милиции (г. Витебск, Беларусь).

Царенко Наталья Сергеевна, нотариус Витебского нотариального округа (г. Витебск, Беларусь).

Цырусь Ирина Васильевна, старший преподаватель кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

Шантырева Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Шашкова Ирина Михайловна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Шеленговский Павел Геннадьевич, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

Шматков Игорь Иванович, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Ястреб Денис Станиславович, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Научное издание

**КАТЕГОРИЯ ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА
В ОТРАСЛЯХ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА**

Сборник научных статей

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 24.05.2022. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,44. Уч.-изд. л. 14,61. Тираж 36 экз. Заказ 75.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.